

ВОРОНЕЖСКИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

№ 8 (25). 2022

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГБОУ ВО «Воронежский
государственный
университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

доктор юридических наук

М. О. Баев
(главный редактор)

доктор юридических наук

Е. Каспшак

доктор юридических наук

В. А. Мещеряков

кандидат
юридических наук

Т. Э. Кукарникова
(ответственный секретарь)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор):
Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации
ПИ № ФС77-60396
от 29 декабря 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие..... 5

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Баев М. О., Баева К. М. Принцип соблюдения
разумного срока уголовного судопроизводства как основы
процессуальной ответственности за злоупотребление
правам 6

Боков С. Н., Рудобелец Е. В. Возможности использования
психодиагностических методик в диагностике экстремистской
направленности личности 16

Енгальчев В. Ф., Комиссарова Я. В., Фролова О. Е.
О проверке сведений, сообщаемых участниками уголовного
судопроизводства 21

Нестеров А. В. О «цифровых инновациях»
в судопроизводстве 32

Сокурова Э. Ж. Сервисная полиция: опыт Казахстана 38

Суворова Л. А., Цуроев М. С. К вопросу о необходимости
уголовной ответственности за отказ от показаний и за дачу
ложных показаний 44

Суюнова Д. Ж. Обеспечение гарантий прав участников
электронного уголовного судопроизводства 50

КРИМИНАЛИСТИКА

Боков С. Н. О нейропсихиатрических особенностях серийных
убийц 54

Карнаухова О. Г. Информационно-телекоммуникационные
технологии как источник криминалистически значимой
информации 58

Климова Я. А. Методика расследования преступлений,
совершенных с использованием информационно-
телекоммуникационных технологий 61

Комбарова Е. Л. Криминалистика в судебной деятельности:
проблемы и пути их решения..... 66

Адрес редакции:
394018 Воронеж,
пл. Ленина, 10а, к. 611

Ведущий редактор
издательской группы
А. Ю. Игнатова

Дата выхода в свет
03.10.2022.
Формат 70×100/16.
Усл. п. л. 15,6.
Уч.-изд. л. 17,0.
Тираж 300. Заказ 321

Адрес издателя:
Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж,
пл. Ленина, 10

Адрес типографии
Издательского дома ВГУ:
394018 Воронеж,
ул. Пушкинская, 3

© Воронежский
государственный
университет, 2022
© Оформление,
оригинал-макет.
Издательский дом ВГУ, 2022

Краснова Л. Б. Проблемы криминалистической характеристики при расследовании киберпреступлений.....	75
Кукарникова Т. Э. Возможности использования биометрических технологий при идентификации личности..	81
Малык А. В. Предмет и система криминалистики в воззрениях О. Я. Баева (место криминалистического обеспечения арбитражного судопроизводства в предметной области)	87
Меркулова М. В., Шлемен В. В. Особенности использования специальных знаний при расследовании уголовных дел о присвоении и растрате	94
Мещеряков В. А., Цурлуй О. Ю. Криминалистическое видение нотариального обеспечения доказательств в условиях цифровизации	101
Милованова А. А. Задачи искусствоведческой судебной экспертизы при расследовании незаконного изготовления и оборота порнографических материалов или предметов	121
Орипов Собирзода Собир угли. Вопросы использования информационных технологий и минимизации человеческих факторов в уголовном судопроизводстве в Республике Узбекистан.....	126
Россинская Е. Р. Влияют ли процессы синергии в криминалистической науке на ее предмет и систему?!.....	131
Саньков В. И. Проблемные вопросы изъятия и осмотра мобильных средств связи, иных электронных носителей информации	140
Семенихина Т. Н. Особенности тактики проведения некоторых следственных действий в ходе расследования телефонных мошенничеств	148
Стояновский М. В. Принципы структурирования и реализации тактических средств расследования преступлений.....	154
Федорин В. Е. Обстоятельства, исключающие участие следователя в уголовном судопроизводстве	162
Хмелева А. В. Следственные ситуации, складывающиеся по уголовным делам о преступлениях прошлых лет, планирование и основные направления расследования.....	168
Шутемова Т. В. О криминалистическом мышлении.....	178
Югай Л. Ю. Технология дипфейк в аспекте криминалистической идентификации личности.....	182
Требования к материалам, направляемым в редакционную коллегию журнала для опубликования	191

VORONEZH CRIMINALISTIC READINGS

№ 8 (25). 2022

FEDERAL SCIENTIFIC
AND PRACTICAL JOURNAL

EDITORIAL BOARD:

doctor of legal sciences
M. O. Baev

doctor of legal sciences
E. Kaspshak
(Olsztyn, Poland)

doctor of legal sciences
V. A. Meshcheryakov

candidate of legal sciences
T. E. Kukarnikova
(executive secretary)

CONTENTS

Introduction.....5

CRIMINAL PROCESS

Baev M. O., Baeva K. M. The principle of compliance with a reasonable period of criminal proceedings as the basis of procedural liability for abuse of law 6

Bokov S. N., Rudobelets E. V. Possibilities of using psychodiagnostic techniques in the diagnosis of extremist personality orientation 16

Engalychev V. F., Komissarova Ya. V., Frolova O. E. On verification of information reported by participants in criminal proceedings..... 21

Nesterov A. V. About «digital innovations» in legal proceedings..... 32

Sokurova E. Zh. Service police: the experience of Kazakhstan 38

Suvorova L. A., Tsuroev M. S. Addressing the question of the necessity for criminal liability for perjury and refusal to testify 44

Suyunova D. Zh. Ensuring guarantees of the rights of participants electronic criminal proceedings..... 50

CRIMINALISTICS

Bokov S. N. About neuropsychiatric features of serial killers... 54

Karnaikhova O. G. Information and telecommunication technologies as a source of forensically significant information 58

Klimova Ya. A. Methodology for investigating crimes committed using information telecommunication technologie..... 61

Kombarova E. L. Criminalistics in judicial activity: problems and ways to solve them 66

Editorial address:
394018 Russia, Voronezh,
Lenin Sq., 10a, r. 611

Krasnova L. B. Problems of criminal characteristic in the investigation of cybercrimes	75
Kukarnikova T. E. Possibilities of using biometric technologies for personal identification	81
Malyk A. V. The subject and system of criminalistics in the views of O. Ya. Baev (the place of forensic support of arbitration proceedings in the subject area)	87
Merkulova M. V., Shlemen V. V. Features of the use of special knowledge in the investigation of criminal cases of assignment and embezzlement	94
Meshcheryakov V. A., Tsurluj O. Yu. Notarial support of evidence from the point of criminalistics during total digitalization	101
Milovanova A. A. Tasks of the art history forensic examination in the investigation of the illegal manufacture of trafficking in pornographic materials or objects.....	121
Oripov Sobirzoda Sobir ogli. Issues of using information technology and minimizing human factors in criminal proceedings in the Republic of Uzbekistan	126
Rossinskaya E. R. Do synergy processes in criminalistic science affect its subject and system?!	131
San'kov V. I. Problematic issues of withdrawal and inspection of mobile communications, other electronic media	140
Semenikhina T. N. Features of tactics of carrying out some investigative actions during the investigation of telephone frauds	148
Stoyanovsky M. V. Principles of structuring and implementation tactical means of crime investigation.....	154
Fedorin V. E. Circumstances precluding the investigator's participation in criminal proceedings.....	162
Khmeleva A. V. Investigative situations developing in criminal cases of crimes of the past years, planning and main lines of investigation	168
Shutemova T. V. About the criminalistic mindset	178
Yugay L. Yu. Deepfake technology in the aspect of forensic identification of a person.....	182
The requirements to the materials directed to an editorial board of the journal for publication	191

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Давно известно: чтобы понять какое-либо явление, необходимо знать, как это явление возникло, какие этапы проходило в своем развитии. И лишь после этого станет ясным не только то, чем оно является в настоящее время, но и как это явление будет развиваться далее», – так применительно к науке криминалистике в одной из своих статей высказался отец – основатель нашего журнала О. Я. Баев.

Преодолевая соблазн высказаться об особой, по объективным причинам меняющейся роли и уголовного процесса, и криминалистики, дабы не обострять и так донельзя обостренное состояние всех нас (с учетом пандемии, спецоперации и прочих трагических происшествий последнего времени), считаю необходимым вспомнить несколько об ином: 2022 год объявлен в России годом искусства и нематериального культурного наследия.

Под искусством понимается образное осмысление действительности, процесс и итог выражения внутреннего и внешнего мира, творческая деятельность, отражающая интересы не только самого автора, но и других людей.

Подготовка нового сборника «Воронежских криминалистических чтений» и подвигла вспомнить цитату Олега Яковлевича и понимание искусства, которое он так любил. О. Я. Баев воспринимал криминалистическую деятельность как деятельность исключительно творческую, с акцентом на то, что вся наша наука – не «вещь в себе», а то, что служит во благо.

С радостью хочу констатировать, что абсолютное большинство представленных в данном журнале статей (и уголовно-процессуального, и криминалистического цикла) – исследования исключительно творческие, последовательно прикладные. Высказанные предложения порой не бесспорные, но, вне всякого сомнения, подвигающие к дискуссии.

Именно так «делается» наука, именно так меняется жизнь.

Очень хочется надеяться, что изложенное в предлагаемых статьях изменит нашу жизнь (процессуальную в том числе) к лучшему, чего я нам всем и желаю.

*Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой криминалистики*
М. О. Баев

УДК 343.1

М. О. Баев, К. М. Баева

Воронежский государственный университет

ПРИНЦИП СОБЛЮДЕНИЯ РАЗУМНОГО СРОКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ОСНОВЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ

Аннотация: *рассматривается общая характеристика принципа соблюдения уголовного судопроизводства в разумный срок, анализируется классификация типичных способов злоупотребления правом; предлагается введение процессуальных санкций в действующее законодательство в целях нормативного регулирования принципа соблюдения уголовного судопроизводства в разумный срок, анализируется порядок компенсации за нарушение указанного принципа.*

Ключевые слова: *принципы уголовного судопроизводства, разумный срок уголовного судопроизводства, злоупотребление правом, уголовное судопроизводство, компенсация.*

THE PRINCIPLE OF COMPLIANCE WITH A REASONABLE PERIOD OF CRIMINAL PROCEEDINGS AS THE BASIS OF PROCEDURAL LIABILITY FOR ABUSE OF LAW

Abstract: *the article considers the general characteristics of the principle of compliance with criminal proceedings within a reasonable time, analyzes the classification of typical methods of abuse of law; it is proposed to introduce procedural sanctions into the current legislation in order to normalize the principle of compliance with criminal proceedings within a reasonable time, analyzes the procedure for compensation for violation of this principle.*

Key words: *principles of criminal proceedings, reasonable period of criminal proceedings, abuse of law, criminal proceedings, compensation.*

Поступила в редакцию 21 октября 2021 г.

Разумный срок уголовного судопроизводства как принцип современного уголовного процесса, закрепленный в ст. 6.1 УПК РФ¹, предусматривает осуществление судопроизводства в сроки, установленные в действующем уголовно-процессуальном законодательстве. Продление этих сроков допустимо в случаях и в порядке, которые предусмотрены в УПК РФ.

Уголовное преследование, назначение наказания и прекращение уголовного преследования должны осуществляться в разумный срок; при определении разумного срока уголовного судопроизводства, который включает период с момента начала осуществления уголовного преследования до момента прекращения уголовного преследования или вынесения обвинительного приговора, учитываются такие обстоятельства, как правовая и фактическая сложность уголовного дела, поведение участников уголовного

© Баев М. О., Баева К. М., 2022

судопроизводства, достаточность и эффективность действий суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, начальника подразделения дознания, органа дознания, дознавателя, производимых в целях своевременного осуществления уголовного преследования или рассмотрения уголовного дела, и общая продолжительность уголовного судопроизводства.

Более того, Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (заключена 4 ноября 1950 г. в г. Риме)² закреплено право каждого на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона (п. 1 ст. 6).

Необходимость реализации принципа соблюдения разумного срока уголовного судопроизводства является безусловной, а нарушение данного принципа (как и любого принципа) априори является фундаментальным нарушением.

Однако анализ вышеуказанной нормы позволяет сделать вывод о том, что конкретных критериев оценки разумности сроков, а также процессуальных последствий его неисполнения законодатель фактически не установил.

Отсутствие процессуальной санкции за нарушение принципа фактически влечет за собой очевидную процессуальную неопределенность, во многом порождает негативные правовые последствия, выражающиеся в практическом ее неприменении, о чем, к большому сожалению, свидетельствует и складывающаяся судебно-следственная практика, влечет за собой многочисленные нарушения, выражающиеся в злоупотреблении соответствующим правом как стороной защиты, так и стороной обвинения, и (что еще более печально) судом.

Специфика современного уголовного процесса такова, что злоупотребле-

ние правом, вытекающее из нарушения вышеуказанного принципа, не только наносит безусловный вред участникам уголовного судопроизводства, но и существенно сказывается на реализации его назначения.

Во многом это связано, по нашему мнению, с тем, что действующий УПК РФ не содержит легального определения понятия «злоупотребление правом», в связи с чем нам представляется необходимым дополнить ст. 5 УПК РФ следующей дефиницией.

«Злоупотребление процессуальными правами – это умышленное поведение (действие/бездействие) участника уголовного процесса, которое не выходит за рамки процессуальных полномочий, предусмотренных его процессуальным статусом, но не соответствует прямому назначению права, а также целям, задачам и назначению уголовного судопроизводства, в результате чего им умышленно причиняется вред (либо создается реальная угроза причинения такого вреда и препятствия для реализации назначения уголовного судопроизводства) или иные негативные последствия охраняемым правам и законным интересам других участников».

В этой связи полагаем необходимым тезисно обозначить способы злоупотребления правом, которые в большинстве случаев представляются тому или иному участнику уголовного судопроизводства тактически оправданными, а именно:

- заявление многочисленных (в том числе повторных) и (или) необоснованных ходатайств об отложении следственного или процессуального действия либо судебного разбирательства; о проведении каких-либо следственных действий и т. д.;
- невынесение постановлений органами предварительного следствия (судом) в установленный законом срок;

– многочисленные и (или) необоснованные отводы и самоотводы;

– приглашение подозреваемым, обвиняемым или подсудимым сразу нескольких защитников, каждый из которых поочередно или иным скоординированным образом предпринимает согласованные друг с другом действия, направленные на срыв или затягивание уголовного процесса по соответствующему уголовному делу;

– неоднократный отказ от одних защитников с последующей их заменой другими;

– отказ подозреваемого, обвиняемого или подсудимого от защитника с последующим приглашением этого же защитника;

– заявление многочисленных и (или) необоснованных замечаний на протоколы следственных действий, судебных заседаний и невыдача их уполномоченными лицами в установленный законом срок;

– непредоставление материалов уголовного дела для ознакомления / чрезмерно длительное ознакомление с материалами уголовного дела;

– иные (неявные) способы злоупотребления правом, т. е. правом, прямо не закрепленным в какой-либо норме УПК РФ, но и не запрещенным прямыми указаниями законодателя.

Вне всякого сомнения, вышеперечисленные признаки и способы злоупотребления правом можно классифицировать по различным основаниям – как по стадиям уголовного процесса, так и по лицам, злоупотребляющим предоставленными им процессуальными правами. Рассматривая возможное злоупотребление правом через призму вышеуказанного принципа, вынуждены констатировать, что фактически только в ч. 3 ст. 217 УПК РФ законодатель предусмотрел возможность его преодоления путем уста-

новления определенного срока сторонам уголовного процесса для ознакомления с материалами уголовного дела.

Других запретов и санкций за нарушение данного принципа уголовно-процессуальный закон не содержит.

Вынуждены констатировать, что не только сторона защиты злоупотребляет правом на ознакомление с материалами уголовного дела без ограничения во времени, но и сторона обвинения, а иногда и суд использует (как правило, в условиях процессуального цейтнота) установление конкретного срока на ознакомление с материалами уголовного дела, злоупотребляет при этом своим безусловным правом в ущерб реализации законных интересов стороны защиты.

В этой связи полагаем необходимым изложить ч. 3 ст. 217 УПК РФ в следующей редакции.

«Обвиняемому и его защитнику предоставляется срок для ознакомления с материалами уголовного дела и подготовки обоснованных ходатайств по дополнению расследования в течение 30 суток с момента объявления об окончании предварительного расследования. В случае необходимости данный срок может быть продлен судом до 6 месяцев. По делам по обвинению двух и более лиц в совершении особо тяжкого преступления (преступлений) либо по многоэпизодным делам срок ознакомления может быть продлен вышестоящим судом на срок, необходимый для ознакомления, но не более чем на 3 месяца одновременно».

Убеждены, что данная конкретизация указанной нормы позволит предотвратить злоупотребления правом на ознакомление с материалами как со стороны защиты, так и со стороны органов предварительного расследования, стремящихся по возможности максимально сократить данный срок.

Предусмотренная УПК РФ возможная компенсация за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, по нашему мнению, не является достаточной санкцией за допущенное нарушение принципа уголовного судопроизводства.

Действительно, в п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»³ разъяснено, что при оценке правовой и фактической сложности дела надлежит принимать во внимание обстоятельства, затрудняющие рассмотрение дела, число соистцов, соответчиков и других участвующих в деле лиц, необходимость проведения экспертиз, их сложность, необходимость допроса значительного числа свидетелей, участие в деле иностранных лиц, необходимость применения норм иностранного права, объем предъявленного обвинения, число подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, потерпевших, а также необходимость обращения за правовой помощью к иностранному государству.

Компенсация за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок присуждается в случае, если такое нарушение имело место по причинам, не зависящим от лица, обратившегося с заявлением о присуждении компенсации, за исключением чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств (непреодолимой силы). При этом нарушение установленных законодательством Российской Федерации сроков рассмотрения дела или исполнения судебного акта само по себе не означает нарушения права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок.

производство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок.

Согласно п. 49 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 30, суду надлежит в каждом конкретном случае обеспечивать индивидуальный подход к определению размера компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок. В частности, размер указанной компенсации должен определяться судом с учетом требований лица, обратившегося в суд с заявлением, обстоятельств дела или производства по исполнению судебного акта, по которым допущено нарушение, продолжительности нарушения, наступивших вследствие этого нарушения последствий, их значимости для лица, обратившегося в суд с заявлением о присуждении компенсации. При определении размера присуждаемой компенсации суду следует также учитывать практику Европейского суда по правам человека, размер сумм компенсаций вреда, присуждаемых этим Судом за аналогичные нарушения (ч. 2 ст. 2 Закона о компенсации) (утратил силу в связи с изданием Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. № 11). Аналогичное положение содержится в п. 60 принятого постановления и, как усматривается из решения суда, было учтено при частичном удовлетворении требования административного истца.

Интересы Российской Федерации в Верховном Суде Российской Федерации представляет Министерство финансов Российской Федерации.

Министерство финансов Российской Федерации, согласно изученной практике, обычно просит отказать в удовлетворении требования ввиду отсутствия обстоятельств, позволяющих сделать вы-

вод о нарушении разумных сроков на судопроизводство.

Решение о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок подлежит исполнению за счет средств федерального бюджета Министерством финансов Российской Федерации.

Так, показательным является следующее решение.

Ф. обратился в Верховный Суд Российской Федерации с административным иском о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок в размере 20 000 000 руб., указав в обоснование заявленного требования, что продолжительность судопроизводства по делу со дня возбуждения в отношении его уголовного дела – 26 февраля 2005 г. – до вступления в законную силу приговора суда – 26 июля 2017 г. – составила почти 13 лет. Ф. указал, что такой срок является значительным периодом уголовного преследования, при этом ни одна из образовавшихся задержек разбирательства дела не возникла по его вине, от производства следственных и судебных действий он не уклонялся, препятствий органам предварительного следствия и суду не создавал, своими правами не злоупотреблял. Нарушение права на судопроизводство в разумный срок связывает с недостаточной эффективностью работы следственных органов и суда, решения которого о возврате дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения дважды отменялись Верховным Судом Российской Федерации. Указал, что по фактам превышения должностных полномочий сотрудниками полиции, проводившими оперативно-разыскные мероприятия, было возбуждено уголовное дело. Считает, что по их вине он более трех лет и шести месяцев находился под стражей, что отрицательно сказалось на состоянии его

здоровья, он лишился возможности трудоустроиться, это привело к материальным затруднениям и проблемам в семье.

Решением Верховного Суда Российской Федерации от 5 апреля 2018 г. административное исковое заявление Ф. удовлетворено частично, ему присуждена компенсация за нарушение права на судопроизводство в разумный срок в размере 150 000 руб.

Не согласившись с таким решением, административный истец подал апелляционную жалобу, в которой просит решение суда изменить в части размера компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, удовлетворив его требование в полном объеме. При этом ссылается на ошибочность вывода суда о проведении по делу большого объема оперативно-следственных мероприятий. Считает, что следствием искусственно были созданы препятствия для своевременного досудебного производства, что, по его мнению, подтверждается оправдательным приговором суда от 31 марта 2008 г., который 17 июня 2009 г. был отменен определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации. С учетом многочисленных нарушений законодательства, допущенных как предварительным следствием, так и судом при рассмотрении в отношении его уголовного дела, размер суммы компенсации чрезмерно занижен.

Однако Апелляционная коллегия Верховного Суда Российской Федерации не нашла оснований для удовлетворения жалобы⁴.

Кроме того, по приговору Новосибирского областного суда от 4 июля 2019 г., постановленному по уголовному делу № 50307, Р. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ), и ему назначено

наказание в виде 24 лет лишения свободы со штрафом 1 000 000 руб. с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2020 г. указанный приговор Новосибирского областного суда в части отменен и в части изменен, Р. назначено наказание в виде лишения свободы на срок 23 года 6 месяцев в исправительной колонии строгого режима.

Р. обратился в Верховный Суд Российской Федерации с административным иском о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок в размере 1 000 000 руб.

В обоснование заявленного требования административный истец указал, что общая продолжительность судопроизводства по делу, исчисляемая с 2009 г., составила 11 лет. Данный срок является значительным периодом уголовного преследования, при этом ни за одну из образовавшихся задержек разбирательства дела он ответственности не несет, так как не уклонялся от производства следственных и судебных действий, не создавал препятствий органам предварительного следствия и суду, не злоупотреблял своими правами.

Обстоятельствами, повлиявшими на продолжительность судопроизводства по делу, по его мнению, явились действия органов предварительного следствия и суда, которые не были достаточными и эффективными. На стадии судебного следствия судебные разбирательства неоднократно откладывались без уважительных причин, вследствие неявки свидетелей, ненадлежащего информирования участников судебного дела о дате и времени судебного заседания, в связи с отпуском и болезнью суда. Также на длительность судопроизводства

повлияло несвоевременное вручение копии приговора, ненадлежащее ознакомление с протоколом судебного заседания и материалами дела, что повлияло на несвоевременное рассмотрение дела в суде апелляционной инстанции.

В результате рассмотрения дела в течение такого продолжительного срока Р. длительное время находился под стражей в следственном изоляторе, условия содержания которого являются бесчеловечными, он испытывал состояние правовой неопределенности.

Изучив материалы дела, Верховный Суд Российской Федерации нашел административное искомое заявление Р. подлежащим частичному удовлетворению по следующим основаниям.

Общая продолжительность судопроизводства по уголовному делу в отношении Р. составила 6 лет 3 месяца 29 дней.

При определении разумности и продолжительности срока судопроизводства суд принял во внимание фактические обстоятельства производства по данному уголовному делу, объем которого составил 190 томов (том 13 представлен в двух экземплярах), из них 163 – следственных. Р. предъявлено обвинение в совершении преступлений различной тяжести (организация преступного сообщества (преступной организации), бандитизм, убийство, мошенничество, вымогательство). Потерпевшими по делу признаны 17 лиц, в качестве свидетелей обвинения в списке лиц, подлежащих вызову в суд, приложенном к обвинительному заключению, указаны 319 лиц, в качестве свидетелей защиты – 15 лиц. На стадии предварительного расследования проведены 146 различных экспертиз, в ходе судебного разбирательства – одна. В судебном заседании допрошены 12 потерпевших и 77 свидетелей.

Вместе с тем правовая и фактическая сложность указанного дела сама по себе

не может оправдать продолжительность его рассмотрения в Новосибирском областном суде.

Принимая во внимание практику Европейского суда по правам человека, требования административного истца, обстоятельства дела, по которому было допущено нарушение, его значительный объем, сложность, сопряженную с розыском подсудимых, его продолжительность и значимость последствий для Р., Верховный Суд Российской Федерации считает, что требуемая административным истцом сумма 1 000 000 руб. является чрезмерной, и определяет размер компенсации равным 70 000 руб.⁵

Кроме того, по приговору Московского областного суда от 12 июля 2018 г., вынесенному на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, А. признан виновным в совершении ряда преступлений, предусмотренных УК РФ, и ему назначено наказание в виде 18 лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима. 17 апреля 2019 г. апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации названный приговор оставлен без изменения.

А. обратился в Верховный Суд Российской Федерации с административным иском о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок в размере 1 500 000 руб.

В обоснование заявленного требования указал, что продолжительность судопроизводства по делу с момента задержания его в качестве подозреваемого – 6 апреля 2012 г. – до вступления в законную силу постановленного в отношении его приговора – 17 апреля 2019 г. – составила 7 лет 11 дней. Данный срок является значительным периодом уголовного преследования, при этом ни за

одну из образовавшихся задержек разбирательства дела он ответственности не несет, так как не уклонялся от производства следственных и судебных действий, не создавал препятствий органам предварительного следствия и суду, не злоупотреблял своими правами.

Обстоятельствами, повлиявшими на продолжительность судопроизводства по делу, по мнению административного истца, явились действия органов предварительного следствия и суда, выразившиеся в отсутствии организации и согласованности работы судов и следственных органов, затягивании следственными органами расследования и ознакомления участников с уголовным делом, при производстве дела в суде – длительности выбора присяжных заседателей, соединении уголовного дела с другим делом в отношении другого лица, длительности перемещения уголовного дела между следственными органами, прокуратурой и судебными инстанциями, а также в отмене приговора по представлению прокурора и направлении дела на новое рассмотрение.

В результате рассмотрения уголовного дела в течение такого продолжительного срока он был лишен общения с родными и близкими ему людьми, матерью, женой и детьми, что нанесло неизгладимый вред семейным взаимоотношениям. Более 7 лет он находился в закрытом помещении, продолжительность прогулки составляла лишь 1 час в сутки. Он постоянно находился в стрессовом состоянии от одиночества, общения с рецидивистами, совершившими различные преступления, а также испытывал крайне негативное отношение, граничащее с унижением личности и достоинства гражданина, со стороны должностных лиц. Особую горечь, обиду и разочарование он испытал из-за безразличия следователя, его пренебрежения процессуаль-

ными правами, из-за явного негативного отношения. Дополнительные страдания вызвало осознание неэффективности судебной системы, отсутствия защиты интересов личности со стороны государства. Полученная моральная травма сказалась на его психологическом здоровье, а воспоминания о судебных процессах послужили причиной бессонницы и депрессии. За время пребывания в СИЗО его здоровью, а равно и продолжительности жизни нанесен непоправимый вред, поскольку он, будучи некурящим, все время находился среди курящих людей. Из-за отсутствия в его жизни солнца и витаминов он потерял треть зубов, испытывал постоянные головные боли и общее недомогание.

Обсудив доводы стороны, изучив материалы дела, Верховный Суд Российской Федерации нашел, что пропущенный А. процессуальный срок на подачу административного искового заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок подлежит восстановлению, а заявленное требование подлежит частичному удовлетворению по следующим основаниям.

Как следует из материалов уголовного дела № 114661, данное дело возбуждено 7 июля 2012 г. по признакам преступления, предусмотренного п. «а», «г» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ, в отношении А.; по ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ в отношении Г. В период с ноября 2012 г. по май 2013 г. к данному делу присоединен ряд уголовных дел, возбужденных в том числе и в отношении А.

6 апреля 2012 г. А. задержан в качестве подозреваемого в порядке ст. 91 и 92 УПК РФ. 7 апреля того же года он допрошен в качестве подозреваемого, постановлением Свердловского районного суда г. Перми ему избрана мера пресечения в виде заключения под стражу,

предъявлено обвинение и он допрошен в качестве обвиняемого.

Общая продолжительность судопроизводства по уголовному делу с момента начала осуществления уголовного преследования в отношении А. до момента вступления в законную силу приговора суда составила 7 лет 12 дней.

При определении разумности и продолжительности срока судопроизводства суд принял во внимание, что объем уголовного дела составил 329 томов, из них 306 – следственных, в качестве обвиняемых привлечены шесть лиц, одно из которых является гражданкой Китая Ц., в связи с чем производство по делу в отношении ее осуществлялось с участием переводчика. Вместе с тем правовая и фактическая сложность указанного дела сама по себе не может оправдать общую продолжительность судопроизводства.

При этом суд учел, что в период ознакомления с материалами дела обвиняемые и их защитники злоупотребляли своими правами, в связи с чем 26 июня 2015 г. постановлениями судьи Зюзинского районного суда г. Москвы обвиняемым Г., А. и их защитникам было ограничено время ознакомления с материалами уголовного дела и установлен срок для ознакомления до 30 июля 2015 г., а 31 июля 2015 г. постановлениями следователя ознакомление обвиняемых Г., А. и их защитников окончено.

Данное поведение обвиняемых и их защитников препятствовало осуществлению досудебного производства в разумный срок.

Вместе тем, учитывая общую продолжительность уголовного судопроизводства, объем дела, степень его сложности, поведение административного истца, суд считает продолжительность судопроизводства по данному уголовному делу в отношении административного истца чрезмерной и не отвечающей тре-

бованию разумности срока, а факт нарушения права административного истца на уголовное судопроизводство в разумный срок установленным, что является основанием для присуждения компенсации.

Принимая во внимание практику Европейского суда по правам человека, обстоятельства дела, по которому было допущено нарушение, продолжительность рассмотрения дела и значимость последствий для А., Верховный Суд Российской Федерации считает, что требуемая административным истцом сумма 1 500 000 руб. является чрезмерной, и определяет размер компенсации равным 60 000 руб.⁶

Таким образом, мы умышленно привели в данной статье большое количество примеров с целью проиллюстрировать общий вывод о том, что складывающаяся судебная практика по делам о компенсации вреда, причиненного нарушением принципа разумного срока судопроизводства, не является ни последовательной, ни оправданной. Убеждены, что примеры, изложенные в принятых решениях, характеризуют очевидно ущербный подход к обоснованию и размерам применяемых компенсационных мер, являющихся не только несправедливыми, но и недостаточными в части потенциального либо реального предотвращения злоупотребления правом в будущем.

В этой связи, понимая, что высказанное предложение может быть воспринято как чрезмерно экстремальное, тем не менее во многом в постановочном плане считаем необходимым высказать предложение (в том числе в целях его последующего обсуждения и анализа), заключающееся в следующем.

Во-первых, в необходимости законодательного закрепления строго установленного срока предварительного рассле-

дования в зависимости от категории дел, числа привлекаемых к ответственности лиц, количества проведенных процессуальных и следственных действий и т. д.

Во-вторых, при установлении факта злоупотребления правом, выразившимся, например, в неоднократном отказе в возбуждении уголовного дела с последующей отменой данного решения, необоснованном приостановлении либо прекращении уголовных дел с последующей отменой и совершении иных действий уполномоченными должностными лицами, направленными не на законное продолжение уголовно-процессуальной деятельности, а на необоснованное, как правило, в отсутствие надлежащего процессуального контроля вышестоящими руководителями, получение дополнительного срока осуществления уголовного преследования и т. д., применение соответствующих процессуальных санкций за допущенные нарушения, а именно признание совершенных процессуальных действий в период, последующий моменту установленного нарушения, незаконными, а собранных доказательств – недопустимыми, в связи с чем соответствующее положение вполне можно закрепить в ст. 75 УПК РФ.

Прекрасно понимаем, что высказанное предложение может быть воспринято как угроза интересам потерпевших, признанных таковыми по соответствующим уголовным делам, так как, относясь к стороне обвинения, они так или иначе ограничены в возможностях влиять на динамику и оптимизацию процессуальных сроков расследования. Тем не менее считаем высказанное наименьшим злом и реальной возможностью преодоления злоупотребления правом при реализации действительно фундаментального принципа соблюдения разумного срока уголовного судопроизводства.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.07.2021).

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был) (дата обращения: 15.07.2021).

³ О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. № 11 (в ред. от 29.06.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был) (дата обращения: 15.07.2021).

⁴ См.: Решение Апелляционной коллегии Верховного Суда от 5 апреля 2018 г. по делу № АКПИ18-292. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был) (дата обращения: 15.08.2021).

⁵ См.: Решение Апелляционной коллегии Верховного Суда от 18 декабря 2020 г. по делу № АКПИ20-816. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был) (дата обращения: 15.08.2021).

⁶ См.: Решение Апелляционной коллегии Верховного Суда от 10 февраля 2020 г. по делу № АКПИ19-987. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был) (дата обращения: 17.08.2021).

Воронежский государственный университет

Voronezh State University

Баев М. О., доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой
криминалистики

Baev M. O., Doctor of Legal Sciences, Professor,
Head of the Criminalistics Department

E-mail: baev_co@mail.ru

E-mail: baev_co@mail.ru

Tel.: 8-910-342-66-64

Tel.: 8-910-342-66-64

Баева К. М., преподаватель кафедры
уголовного процесса

Baeva K. M., Lecturer of the Criminal Process
Department

E-mail: baeva.ksenia@mail.ru

E-mail: baeva.ksenia@mail.ru

Tel.: 8-919-246-97-21

Tel.: 8-919-246-97-21

С. Н. Боков

Воронежский государственный университет

Е. В. Рудобелец

Главное управление Министерства внутренних дел Российской Федерации
по Воронежской области

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК В ДИАГНОСТИКЕ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

А н н о т а ц и я: рассмотрены возможности использования психодиагностических методик в диагностике экстремистской направленности личности. Перечислены виды психологических судебных экспертиз, которые могут быть назначены в ходе выявления экстремистской направленности личности: психологическая судебная экспертиза личности подозреваемого (обвиняемого, подсудимого), психологическая судебная экспертиза преступной группы и судебная психолого-лингвистическая (психолингвистическая) экспертиза. Впервые в отечественной экспертно-психологической литературе приведены психодиагностические батареи (перечень конкретных психодиагностических методик), которые могут быть применены при проведении каждого из указанных видов психологических судебных экспертиз.

К л ю ч е в ы е с л о в а: экстремизм, экстремистская деятельность, психодиагностическое исследование, расследование преступлений, психологическая судебная экспертиза, психологическая судебная экспертиза личности подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) и мотивов противоправной деятельности, психологическая судебная экспертиза преступной группы, судебная психолого-лингвистическая (психолингвистическая) экспертиза.

POSSIBILITIES OF USING PSYCHODIAGNOSTIC TECHNIQUES IN THE DIAGNOSIS OF EXTREMIST PERSONALITY ORIENTATION

A b s t r a c t: the article discusses the possibilities of using psychodiagnostic techniques in the diagnosis of extremist personality orientation. The types of psychological forensic examinations that can be assigned in the course of identifying the extremist orientation of a person are listed: psychological forensic examination of the personality of a suspect (accused, defendant), psychological forensic examination of a criminal group and forensic psychological-linguistic (psycholinguistic) examination. For the first time in the Russian expert psychological literature, psychodiagnostic batteries are given (a list of specific psychodiagnostic techniques) that can be applied during each of these types of psychological forensic examinations.

Key words: extremism, extremist activity, psychodiagnostic research, investigation of crimes, psychological forensic examination, psychological forensic examination of the identity of the suspect (accused, defendant) and the motives of illegal activity, psychological forensic examination of a criminal group, forensic psychological-linguistic (psycholinguistic) examination.

Поступила в редакцию 1 октября 2022 г.

В последние десятилетия неуклонно растет интерес практических работников правоохранительных органов и ученых-правоведов к совершенствованию квалификации, предупреждения и расследования преступлений экстремистской направленности.

Подробное определение экстремистской деятельности приводится в п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями). Согласно ему, к экстремистской деятельности относятся насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности Российской Федерации (в том числе отчуждение части территории Российской Федерации), за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения; воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных

объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения; совершение преступлений по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации; использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, за исключением случаев использования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии; публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения; публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением; организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению; финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг¹.

Экстремизм не существует сам по себе, изолированно, в отрыве от человека – его носителя. Экстремистские представления, идеи, замыслы, устремления существуют в сознании конкретной личности и реализуются (становятся явными) посредством деятельности человека. Не случайно в законе понятия «экстремистская деятельность» и «экстремизм» приводятся как синонимы².

В силу этого становится очевидной целесообразность проведения психологической судебной экспертизы для квалификации преступлений экстремистской направленности.

Основы классификации видов психологических судебных экспертиз (преимущественно в уголовном процессе) были заложены В. Ф. Енгальчевым и С. С. Шипшиным в 1998 г.³ Из всех выделяемых авторами видов психологических судебных экспертиз при проведении расследования преступлений экстремистского характера наиболее востребованными могут быть психологическая судебная экспертиза личности подозреваемого (обвиняемого, подсудимого), психологическая судебная экспертиза преступной группы и судебная психолого-лингвистическая (психоллингвистическая) экспертиза.

Психологическая судебная экспертиза личности подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) может назначаться в случаях, когда следствию или суду изначально неясны / недостаточны ясны мотивы совершения преступления либо когда возникают сомнения в истинности таких мотивов, т. е. в том, что установленные/декларируемые мотивы совершения преступления действительно таковыми являются. В случае преступлений экстремистской направленности, например, подозреваемые (обвиняемые, подсудимые) в качестве защитного механизма (в отдельных случаях даже не-

осознаваемого) могут оправдывать свои действия стремлением заявить о себе, показать себя, продемонстрировать свою значимость и решимость, ложным пониманием приверженности религиозным установкам, ложным пониманием совершенства и альтруизма и т. п.

В силу серьезной неоднозначности квалификационных подходов к экстремистской деятельности, исходных версий о мотивах совершения преступления и отсутствия ведущей версии, этот вид психологического экспертного исследования предполагает изучение широкого спектра личностных и когнитивных индивидуальных особенностей подэкспертного и может занимать достаточное время.

Особое значение имеет выбор используемых в экспертном исследовании психодиагностических методик. К психодиагностическим методикам, применяемым в судебных экспертных психологических исследованиях, должны предъявляться более строгие требования, чем к психодиагностическим методикам, применяемым в других областях психодиагностики (клиническая психодиагностика, профессиональная психодиагностика и др.). Такие методики должны быть валидны, надежны и стандартизированы в стране их применения.

В отечественной судебно-психологической экспертологии этот вопрос не исследован, и отсутствуют научно обоснованные рекомендации по использованию батарей психодиагностических методик при различных видах психологических судебных экспертиз.

Нами на основе научного анализа широкого спектра используемых в отечественной психодиагностике методик предлагается следующая психодиагностическая батарея для применения при проведении психологической судебной экспертизы личности подозреваемого

(обвиняемого, подсудимого) и мотивов противоправных действий:

1) как основные методики – Миннесотский многопрофильный личностный опросник ММРІ в любой из отечественных адаптаций (ММИЛ, СМИЛ) или

2) Патохарактерологический диагностический опросник для подростков (ПДО), если подэкспертный подросткового возраста;

3) Опросник терминальных ценностей;

4) Методика диагностики локуса контроля личности (вариант Е. Г. Ксенофонтовой);

5) Опросник самоутверждения личности;

6) Методика «Индекс жизненного стиля»;

7) при необходимости шкалы измерения интеллекта Векслера (соответственно возрасту подэкспертного).

При необходимости в качестве дополнительных (с целью уточнения отдельных личностных характеристик) или резервных (при невозможности по той или иной причине применить какую-либо из приведенных выше методик) могут быть использованы личностные опросники Айзенка (резервная), тест структуры интеллекта Амтхауэра (резервная), опросник враждебности Басса-Дарки (дополнительная), Домино-тест (резервная), Калифорнийский

психологический опросник (резервная), Культурно-свободный тест интеллекта (резервная), методика рисуночной фрустрации Розенцвейга (дополнительная), методика «Суверенность психологического пространства» (дополнительная), Томский опросник ригидности (дополнительная).

В силу того что преступления экстремистской направленности часто совершаются не в одиночку, а группами, при их расследовании при необходимости может назначаться психологическая судебная экспертиза преступной группы.

Судебная психолого-лингвистическая (психолингвистическая) экспертиза позволяет дистанционно (по записи речи подозреваемого / обвиняемого / подсудимого) получить ценные сведения о его индивидуально-психологических (в том числе и мотивационных) особенностях.

Таким образом, использование при квалификации и расследовании преступлений экстремистской направленности психологических судебных экспертиз (личности подозреваемого (обвиняемого, подсудимого); психологической судебной экспертизы преступной группы и судебной психолого-лингвистической (психолингвистической) экспертизы) дает возможность повысить точность квалификации преступлений экстремистской направленности и эффективность процесса расследования.

¹ См.: URL: <https://base.garant.ru/12127578/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858/> (дата обращения: 30.09.2021).

² См.: URL: <https://base.garant.ru/12127578/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (дата обращения: 30.09.2021).

³ См.: *Енгальчев В. Ф., Шипшин С. С.* Судебно-психологическая экспертиза : методическое руководство. 2-е изд., испр. и доп. Калуга [и др.] : Калужский гос. пед. ун-т им. К. Э. Циолковского, 1997. 190 с.

Воронежский государственный университет

Бокон С. Н., кандидат медицинских наук, доцент кафедры криминалистики юридического факультета, доцент по кафедре общей и юридической психологии

E-mail: bokov@law.vsu.ru

Voronezh State University

Bokov S. N., Candidate of Medical Sciences, Associate Professor of the Criminalistics Department, Associate Professor of the Department of General and Legal Psychology

E-mail: bokov@law.vsu.ru

Главное управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Воронежской области

Рудобелец Е. В., заместитель начальника отдела кадров управления по работе с личным составом, подполковник внутренней службы

E-mail: bokov@law.vsu.ru

The Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Voronezh Region

Rudobelets E. V., Deputy Head of the Personnel Department of the Personnel Department, Lieutenant Colonel of the Internal Service

E-mail: bokov@law.vsu.ru

В. Ф. Енгальчев

Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского

Я. В. Комиссарова

*Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
(МГЮА)*

О. Е. Фролова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

О ПРОВЕРКЕ СВЕДЕНИЙ, СООБЩАЕМЫХ УЧАСТНИКАМИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация: правовые понятия, включенные в УПК РФ, нуждаются в конкретизации. Грамматическое, логическое, специально-юридическое и другие виды толкования позволяют наполнить юридическим смыслом категории уголовно-процессуального права, используемые в обыденной жизни. На первый взгляд, они понятны на интуитивном уровне. Однако, вопреки расхожему мнению, даже общеупотребительные слова и выражения с учетом положений разных областей знания могут иметь различное значение. Вопрос о достоверности/недостоверности сведений, сообщаемых участниками судопроизводства, обуславливает необходимость анализа категорий возможность/действительность, истинность/ложность, уверенность/неуверенность и других с позиций логики, лингвистики, психологии, криминалистики, судебной экспертологии, уголовно-процессуального права. Данная публикация – приглашение к вдумчивой аргументированной дискуссии, итогом которой (в идеале) видится отказ от поверхностных суждений и скоропалительных выводов при принятии процессуальных решений.

Ключевые слова: расследование преступлений, следы, ложные воспоминания, показания участников судопроизводства, психологическая экспертиза, экспертиза с применением полиграфа, заключение эксперта, оценка доказательств.

ON VERIFICATION OF INFORMATION REPORTED BY PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract: the legal concepts included in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation need to be specified. Grammatical, logical, special-legal and other types of interpretation make it possible to fill with legal meaning the categories of criminal procedure law used in everyday life. At first glance, they are understandable on an intuitive level. However, contrary to popular opinion, even commonly used words and expressions, taking into account the provisions of different fields of knowledge, may have different meanings. The question of the reliability/unreliability of the information reported by the participants in the proceedings necessitates the analysis of the categories possibility/validity, truth/falsity, confidence/uncertainty and others from the standpoint of logic, linguistics, psychology, criminology,

forensic expertise, criminal procedure law. This publication is an invitation to a thoughtful reasoned discussion, the result of which (ideally) is a rejection of superficial judgments and hasty conclusions when making procedural decisions.

Key words: *investigation of crimes, traces, false memories, testimony of participants in the proceedings, psychological examination, polygraph examination, expert opinion, evaluation of evidence.*

Поступила в редакцию 14 октября 2021 г.

28 апреля 2020 г. заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) В. А. Давыдов, проверив постановление судьи ВС РФ от 9 декабря 2019 г. об отказе в передаче кассационной жалобы осужденного для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, а также уголовное дело, указанное постановление отменил и постановил передать кассационную жалобу вместе с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. Суть дела в данном случае не важна. Интерес представляют основания отмены изначально принятого по жалобе решения.

В постановлении, подписанном заместителем Председателя ВС РФ, сказано: «Из содержания постановления следователя о назначении комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизы усматривается, что основанием для назначения экспертизы явилась необходимость определения степени правдивости показаний П., данных при допросе в качестве свидетеля 4 февраля 2017 г.».

В распоряжении авторов статьи имеется постановление, о котором идет речь, где дословно указано следующее: «В настоящее время возникла необходимость в проведении комплексной психолого-лингвистической экспертизы П. в целях определения степени правдивости данных им показаний». На разрешение экспертов были поставлены вопросы: «1. Имеются ли в видеозаписи допроса свидетеля П. от 04.02.2017 признаки ока-

зываемого на него психологического давления, внушения, принуждения, которые могли снизить его способность добровольно и самостоятельно давать показания? 2. Имеются ли в речевом поведении свидетеля П., зафиксированном на видеозаписи допроса от 04.02.2017, психологические и лингвистические признаки скрываемых обстоятельств и конструирования ложных сообщений?».

С заключением экспертов нам ознакомиться не удалось, поэтому процитируем постановление за подписью заместителя Председателя ВС РФ: «Согласно содержанию исследовательской части комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизы от 14 августа 2017 г. в основу исследования были положены психодиагностические методики, с помощью которых эксперты путем судебно-психологического анализа материалов уголовного дела, изучения показаний П., поведения и вопросов допрашивавшего лица, высказываний и ответов на эти вопросы, его поведения, поведенческих и эмоциональных реакций на вопросы, путем анализа информации, идущей по невербальным (невербальным) каналам (мика, жесты и т. д.), зависимости содержания ответов от существа заданных ему вопросов пришли к выводу о том, что каких-либо признаков психологического давления на П. в видеозаписи его допроса в качестве свидетеля 4 февраля 2017 г. не имеется, а в речевом поведении П. в ходе допроса имеются психологические и лингвистические признаки скрываемых обсто-

ательств в части уклонения от описания конкретных обстоятельств обнаружения трупа С., а также утверждений П. о своей неосведомленности о том, что С. на момент его обнаружения в квартире был мертв».

С учетом изложенного заместитель Председателя ВС РФ констатировал: *«Таким образом, как видно из материалов дела, на разрешение экспертов были поставлены вопросы, которые фактически сводились к разрешению вопроса о достоверности или недостоверности показаний П. при допросе в качестве свидетеля по делу. Однако постановка перед экспертами правовых вопросов, в том числе связанных с оценкой правдивости или лживости, т. е. достоверности или недостоверности показаний П., данных в ходе производства следственного действия, в силу требований уголовно-процессуального закона не допускается».*

Являются ли слова «цель» и «основание» синонимами и можно ли поставить знак равенства между целью и основанием назначения экспертизы? Почему вопросы, разрешение которых входит в компетенцию экспертов (психологов и лингвистов), судьи зачастую приравнивают к правовым? Каким образом из того, что указали эксперты, вытекает вывод, что они решали вопрос о «достоверности» или «недостоверности» показаний свидетеля? Нужно ли научное обоснование для такого рода выводов или достаточно личного внутреннего убеждения судьи? На каком основании категории «правдивость/лживость» и «достоверность/недостоверность» судья без дополнительных пояснений использует в качестве равнозначных? Анализ постановления, подписанного 28 апреля 2020 г. заместителем Председателя ВС РФ, порождает много вопросов. Авторы статьи попытались ответить на некоторые из них.

Собирание и проверка доказательств

Доказывание по уголовным делам охватывает деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств. В свою очередь, собирание доказательств представляет собой самостоятельный многоэтапный процесс, структуру которого ученые – процессуалисты и криминалисты – видят по-разному. В литературе по уголовно-процессуальному праву обычно выделяют этапы поиска, получения и фиксации доказательств. Криминалисты акцентируют внимание на действиях по обнаружению, фиксации, изъятию и исследованию объектов, имеющих значение для дела.

Изменения, связанные с событием преступления, отражающие его сущность и специфику, в криминалистике характеризует обобщенное понятие «след(ы)». Исходя из условий получения информации о преступлении, выделяют три группы следов¹. Материально-фиксированные следы (следы-предметы, следы-отображения, следы-вещества) доступны для непосредственного восприятия и изучения. Знаковые следы (например, цифровые) для непосредственного восприятия недоступны. Однако зафиксированная таким образом информация может быть получена, декодирована и использована в доказывании независимо от волеизъявления участников уголовного процесса. Идеальные следы (образы в памяти людей) не только недоступны для непосредственного восприятия, но не могут быть изучены без согласия и участия человека, запомнившего имеющие значение для дела сведения².

Независимо от того, о какой группе следов идет речь, получение криминалистически значимой информации всегда предполагает работу с ее материальным носителем. Сведения, сообщаемые людьми, исключением не являются. Однако ситуация межличностного общения весь

ма специфична. Рассказывая о событиях прошлого, участники судопроизводства могут сообщить о том, как именно они восприняли происходящее, к примеру, описать внешность преступника, скрывшегося с места происшествия, нарисовать схему размещения людей и предметов до взрыва и т. п. При этом люди полагают, что достаточно точно передают известную им информацию. Это справедливо только в том случае, если они с момента события до момента дачи показаний ни разу о случившемся не вспоминали. Но если люди вспоминали о том, что произошло (например, обсуждали случившееся с домочадцами), не исключено, что они воспроизводят сведения из состоявшихся постфактум разговоров, весьма далекие от реальности.

Воспроизведение какой-либо информации становится самостоятельным воспоминанием со своим контекстом и особенностями. Чем чаще человек вспоминает то или иное событие, тем больше версий «воспроизведенных событий» накапливается в памяти. Если бы каждый раз информация воспроизводилась полно и точно, этот процесс мог способствовать ее сохранению в памяти. Когда из-за домысливания и реконструкции воспроизведение было неполным и неточным, может оказаться, что потерпевшие, обвиняемые, свидетели помнят совсем не то, что было на самом деле.

В психологии принято разграничивать заведомую ложь (лживое сообщение) и добросовестное заблуждение (ложное сообщение). В первом случае лжесвидетель осознает, что высказывание не отражает реальные факты, и намеренно его озвучивает. Во втором – человек действует непредумышленно. Он не знает, что сообщаемая им информация не соответствует действительности. Ложные воспоминания ничем не отличаются от реальных. Они имеют те же свойства,

что и воспоминания о событиях, которые происходили на самом деле³.

Показания участника судопроизводства, содержащие недостоверную информацию, априори являются недопустимым доказательством независимо от причин ее искажения. Поэтому во всех странах мира следствие и суд сталкиваются с необходимостью проверки показаний. Они стремятся получить новые доказательства, подтверждающие или опровергающие проверяемое доказательство, чтобы таким образом оценить соответствие действительности сведений, сообщаемых людьми.

Из криминалистики и юридической психологии известно, что человек может находиться в одном из четырех состояний: 1) обладает нужной следствию и суду информацией, желает и может достаточно объективно и полно изложить ее; 2) обладает нужной информацией, желает ее сообщить, но в силу разных причин неумышленно искажает в общении со следователем, дознавателем, прокурором, судом; 3) обладает информацией, может передать ее, но не желает этого делать; 4) информацией не обладает, однако следствие и суд ошибочно полагают обратное, рассчитывая получить развернутые показания⁴.

В целях определения состояния, в котором находится участник судопроизводства, следователь, дознаватель, судья могут назначить ряд экспертиз – лингвистическую, психологическую, судебную психофизиологическую с применением полиграфа и др. Правоприменители таким образом пытаются понять, говорит ли человек правду. Никакой иной цели в данном случае у них нет и быть не может. При этом основания назначения той или иной экспертизы разнятся, поскольку экспертизы делятся на множество видов в зависимости от характера специальных знаний, объектов и пред-

мета исследования, решаемых экспертами задач.

Судебная психологическая экспертиза коммуникативного поведения

Очевидно, что проверка достоверности показаний как доказательства относится к исключительной компетенции следствия и суда и не может поручаться экспертам. В то же время вопрос о психологической достоверности показаний или, иными словами, о психологических (а также психолингвистических) признаках достоверности сообщаемых сведений относится к сфере профессионального анализа эксперта-психолога.

Начиная с работ доктора психологических наук, доцента, старшего советника юстиции О. Д. Ситковской (в настоящее время – заведующей отделом психологического обеспечения прокурорской деятельности Университета прокуратуры РФ)⁵, это положение поддерживается многими учеными и практиками. Преподаватель кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия М. Л. Демина совершенно справедливо отмечает: «Если эксперт-психолог не решает вопрос о достоверности показаний, а только выявляет признаки правдивости или неправдивости показаний, помогающие уполномоченными на то лицами принять решение, то с процессуальной точки зрения такие исследования вполне правомерны и вовсе не означают, что следователь или судья перекладывает свои полномочия на плечи эксперта»⁶.

В ходе представительной международной конференции, проведенной на базе Российского государственного университета правосудия в 2017 г., посвященной возможностям психологическо-

го анализа и оценки показаний участников судопроизводства по видеоматериалам, в которой участвовали свыше 100 специалистов из 8 стран, лишь 3 человека (менее 3 %) высказались против такого подхода. Аналогичную позицию заняли участники международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы и перспективы развития судебно-психологической экспертизы и комплексной экспертизы с участием психолога», организованной в 2018 г. в Ереванском государственном медицинском университете имени М. Гераци (Республика Армения), – без малого 300 психологов, психофизиологов, лингвистов и юристов из Армении, Беларуси, Израиля, России, США, Украины, Швейцарии, Эстонии.

Тот факт, что эксперт-психолог, не решая вопроса о достоверности показаний и не выходя за пределы своей компетенции, может выявлять психологические признаки искажения (фактически правдивости или неправдивости) сообщаемой информации, признают не только сами психологи, но и специалисты в области криминалистики, теории и практики судебной экспертизы.

Так, заведующая кафедрой судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия доктор юридических наук, кандидат биологических наук, профессор Т. Ф. Моисеева указывает: «Изучение видеозаписи допроса, на которой зафиксирована вербальная и невербальная информация, позволяет выявлять признаки неправдивости показаний, которые помогут лицам, оценивающим доказательства, принять решение об их достоверности... Судебно-психологические экспертизы по выявлению признаков правдивости показаний (представляется, что термин «достоверность», имеющий процессуальное значение, лучше не применять в

данном контексте) актуальны и перспективны для судопроизводства, поскольку полученная путем таких исследований информация может быть в некоторых случаях единственной, позволяющей судить о виновности или невинности лица»⁷.

В последние годы усилилась тенденция применения комплексных, интегральных подходов к производству судебно-психологических экспертиз и комплексных экспертиз с участием психолога. К числу последних можно отнести психолого-психофизиологические (с применением полиграфа), психолого-лингво-фоноскопические экспертизы по видеозаписям оперативных и следственных действий, психолого-почерковедческие экспертизы рукописных текстов и некоторые другие.

Один из таких подходов нашел отражение в Методике исследования коммуникативного поведения с целью выявления психологических признаков искажения сообщаемой информации (по видеозаписям процессуальных и иных действий), разработанной межведомственным авторским коллективом с учетом потребностей следственной практики⁸. Закрепленный в указанной Методике подход позволяет выявлять психологическое содержание поведения участников уголовного судопроизводства, что имеет немаловажное значение для правильного разрешения уголовно-го дела.

В настоящее время ряд новых технологий проверки сообщаемых участниками судопроизводства сведений находится на этапе апробации и экспертного внедрения. Например, метод многомерного анализа голоса человека (LVA) при экспертизе показаний, сохраненных на аудиозаписи; инструментальная диагностика с применением трекинга глаз; использование аппаратно-программных

комплексов Observer и FaceReader при экспертизе показаний, зафиксированных на видео; а также некоторые другие.

Высказываясь в пользу применения комплексных подходов к производству судебно-психологических экспертиз, мы осознаем, что даже при наличии совокупности психологических признаков достоверности показания участника процесса могут быть оценены следователем и судом как недостоверные (и наоборот). Относительно пределов компетенции эксперта-психолога надо сказать, что определить их волевым решением суд, прокурор, следователь, дознаватель не могут, поскольку данный вопрос процессуальное право не регулирует.

Судебная психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа

В России судебные психофизиологические экспертизы с применением полиграфа (далее – СПФЭ) проводятся экспертными подразделениями и учреждениями Федеральной службы безопасности – с 2002 г., Министерства обороны – с 2004 г., органов внутренних дел – с 2006 г., Следственного комитета – с 2009 г. В 2000-х гг. СПФЭ проводились в лабораториях судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации, в 2010–2016 гг. – в Федеральной службе Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков.

Сначала полиграфолог актуализирует образы, хранящиеся в памяти участника процесса, прежде всего (но не только) за счет предъявления стимулов, в определенном порядке подобранных и систематизированных. Тестирование на полиграфе позволяет «визуализировать» некоторые физиологические корреляты протекания психических процессов, связанных с восприятием, закреплением, сохранением и последующим воспроизведением подэкспертным информации

о каком-либо событии, интересующем следствие и суд. На данном этапе наиболее эффективны тесты с вопросами, касающимися совершенных человеком действий. Затем изучаются выраженность, устойчивость, соотношение реакций на стимулы. Используя различные системы оценки зарегистрированных данных, полиграфолог может выделить совокупность стимулов, значимых для подэкспертного.

Таким образом, на основе анализа реакций на стимулы полиграфолог формулирует свою (экспертную) версию относительно информированности участника процесса о случившемся. Он также вправе высказать суждение о возможных обстоятельствах получения человеком информации о событии (вероятности ее получения непосредственно в момент события преступления).

Сообщая лицу, назначившему СПФЭ, сведения о том, является или нет человек носителем информации о конкретном событии (его деталях), полиграфологи должны учитывать то, что в их распоряжении имеется ограниченный арсенал средств для проведения экспертного исследования. Современный уровень развития науки не позволяет путем регистрации и анализа психофизиологических реакций в ответ на предъявляемые стимулы конкретизировать информацию, которой человек обладает. С учетом особенностей решаемой задачи в контексте ситуации, в которой проводится исследование, определяемая с помощью полиграфа значимость конкретных стимулов может иметь разную природу. Она может свидетельствовать не только о лжи при ответах на соответствующие вопросы, но и об узнавании человеком отдельных деталей вне связи с событием преступления, о наличии у него какой-либо неудовлетворенной актуальной потребности и т. п.

Заключение эксперта как доказательство

В науке принято разграничивать «истинность» и «достоверность» знаний и суждений, на них основанных⁹. Истинность характеризует отношение знания к отражаемому объекту, их соответствие друг другу, а достоверность – доказанность знания. Истинность гипотезы, соответствующей действительности, изначально не вызывает сомнений. Но чтобы стать достоверным знанием, она должна быть доказана.

Это касается не только философии, но и юриспруденции. Знание, полученное в ходе расследования преступления, закрепленное в доказательствах, положенных в основу приговора, тоже можно охарактеризовать с двух сторон. Во-первых, применительно к каждому из доказательств с точки зрения его обоснованности (в категориях «вероятность» и «достоверность»). Во-вторых, с точки зрения соответствия или несоответствия полученных доказательств действительности (в категориях «истинность» и «ложность»). Вероятность виновности обвиняемого может быть высока, хотя на самом деле он не виновен. Вероятность виновности обвиняемого может быть крайне низка, а в действительности он виновен. Когда речь идет о действиях и фактах, имевших место в прошлом, вероятность самой высокой степени может быть так же далека от истины, как и вероятность самой низкой степени.

О необходимости разграничения понятий «истинность» и «достоверность» в судопроизводстве неоднократно писали известные отечественные процессуалисты и криминалисты (А. Р. Ратинов, А. А. Эйман, Ю. К. Орлов и др.)¹⁰. «Достоверность» – это субъективная характеристика знания. В свою очередь, знание либо истинно, либо ложно. И определяется это не мнением, не внутренним убе-

ждением кого-либо из участников судопроизводства, а соответствием или несоответствием знания действительности.

Содержащиеся в заключении эксперта выводы – это умозаключения, сделанные им по итогам исследований на основе предоставленных или выявленных сведений об исследуемом объекте и общих научных положений соответствующей отрасли знаний. Выбирая форму вывода (категорический положительный, категорический отрицательный, вероятный), эксперт с учетом качества и количества исходных данных на основе своих специальных знаний сам оценивает его обоснованность по результатам проведенного исследования.

Если в ходе процедуры эксперт действовал в соответствии с имеющимися научно-методическими стандартами, ему не в чем себя упрекнуть. Назначенное экспертом лицо не несет ответственности за те ограничения, которые в настоящее время объективно существуют в теории и на практике, не позволяющие считать единственно верными многие методы, используемые в ходе экспертных исследований. Эксперт действует в пределах своей компетенции, опираясь на информацию (не всегда полную и достоверную), предоставленную следователем (судом) и участниками судопроизводства.

Именно поэтому для следователя и судьи заключение любого эксперта является лишь частной экспертной версией. Как доказательство, заключение эксперта подлежит независимой оценке, которую по УПК РФ осуществляют суд, прокурор, следователь, дознаватель.

Согласно ч. 1 ст. 88 УПК РФ, каждое доказательство оценивается с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела. В данном случае «достоверность» – это каче-

ство доказательства, характеризующее точность, правильность отражения обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Достоверность доказательства проверяется путем его сопоставления с другими доказательствами по делу. Обнаружение противоречивых, взаимоисключающих сведений говорит о недостоверности каких-либо доказательств. Вне зависимости от степени обоснованности выводов эксперта, в силу разных причин его заключение может быть признано недопустимым доказательством.

Нормы права и нормы языка

Задача лингвиста – прояснить, какие семантические отношения существуют между именами существительными *основание* и *цель*, *правдивость* и *достоверность*, являются ли они синонимами. Для этого нужно обратиться к словарям, в которых объясняются значения слов и собраны синонимы, а также проанализировать употребление слов.

Мы обратились к двум актуальным толковым словарям русского языка – Словарю русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой, неоднократно переиздаваемому начиная с 1960-х гг., а также к Большому толковому словарю русского языка под редакцией С. А. Кузнецова (2002).

Слово *основание* описывается как многозначное: у него выделяют семь значений, в том числе два специальных (математическое и химическое). Прямое значение слова – фундамент, основа, над чем что-то возвышается или построено. Переносное значение описывает не физическую основу, а источник, базу или же некий свод идей и принципов, на котором построена какая-либо классификация, доктрина, теория, рассуждение.

Поскольку в данном случае нас интересует переносное значение слова *основание*, имеет смысл обратиться к Ло-

гическому словарю-справочнику известного отечественного ученого (философа, специалиста в области логики) Н. И. Кондакова (М., 1975), до настоящего времени остающегося наиболее авторитетным источником в заявленной области. Читаем: основание – «часть условного суждения, в которой отображается условие, от которого зависит истинность следствия»; «из истинности основания логически вытекает истинность следствия»; «ложность же основания не обуславливает ложности следствия». Мы видим, что Н. И. Кондаков выделяет важный для объяснения семантики слова аспект: *основание* входит в причинно-следственную цепочку.

Существительное *цель* также является многозначным. Авторы и Малого академического словаря, и Большого толкового словаря единодушны в объяснении значения этого слова: *цель* – то, к чему стремятся, чего хотят достичь; заранее намеченное задание, главная задача, основной замысел; намерение, желание. Мы видим, что в одном из значений это слово связано с замыслом и с результатом, которого хотят достичь или который хотят получить.

С *результатом* прямо связывает значение слова *цель* и Н. И. Кондаков, вводя данную единицу в толкование: *цель* – «то, что представляется в сознании и ожидается в результате определенным образом направленных действий».

Соотнося слова *основание* и *цель* друг с другом, получаем, что *основание* – это база, на которую опирается рассуждение или исследование, а *цель* – образ результата, который хотят получить в конце исследования.

Обращение к двум словарям синонимов¹¹ показывает, что в качестве синонима слова *основание* не упоминается существительное *цель*, а у слова *цель* нет синонима *основание*.

Значения слов *правдивость* и *достоверность* описывают соответствие или несоответствие чего-либо действительности, что предполагает противопоставление правды, истины неправде, лжи.

Неправда и ложь определяются словарями как несоответствие действительности и обман. Отношение семантики слов *правда* и *истина* сложнее, поскольку словари определяют значение слова *правда* с помощью слова *истина*. Электронный словарь синонимов¹² определяет существительные *правда* и *истина* как синонимы. Однако иерархически слово *истина* занимает более высокое положение по сравнению со словом *правда*, поскольку высказывание, называемое *истиной*, претендует на объективность. Кроме того, слово *истина*, в отличие от слова *правда*, обозначает философскую категорию.

В логике отношения истинности и ложности сложнее, чем в обыденном сознании, отраженном в повседневном языке. Согласно Логическому словарю-справочнику ложь – «неправда, искажение действительного состояния дел, имеющее целью ввести кого-либо в обман», «источником лжи может быть логически неправильное мышление». В двузначной логике ложность – антоним истинности. В трехзначной логике, как указывает Н. И. Кондаков, термин «ложно» оказался двусмысленным: «признание ложности означает отрицание истинности, но признание неистинности не означает утверждение ложности, так как неистинность высказывания еще не говорит о ложности его, ибо высказывание может быть неопределенным, а не обязательно ложным».

Что касается достоверности, Н. И. Кондаков включил в словарь словосочетание «достоверное суждение» – «суждение, в котором высказывается твердо установленное знание о чем-ли-

бо». В данном случае литературный и терминологический языки трактуют значение слова одинаково.

Согласно указанному выше Электронному словарю синонимов¹³ прилагательные *правдивый* и *достоверный* синонимами не считаются. Они отличаются в семантике и в употреблении. Семантическое различие заключается в том, что прилагательное *достоверный* включает в себя такой компонент значения, как доказанность, точность, подтвержденность. Различие в употреблении заключается в другом: прилагательное *правди-*

вый может относиться и к человеку, и к содержанию высказывания, текста, картины, фильма. *Достоверный* преимущественно относится к содержанию высказывания в широком смысле слова.

Подводя итог изложенному, надо признать, что слова *основание* и *цель*, равно как и слова *правдивость* и *достоверность*, не являются взаимозаменяемыми в одних и тех же контекстах. Природа языка такова, что синонимами слова не могут становиться по желанию того или иного носителя языка, нельзя ставить знак равенства там, где его нет.

¹ См.: Криминалистика : учебник (уровень специалитета) / под ред. А. И. Бастрыкина, Е. П. Ищенко, Я. В. Комиссаровой. М. : Проспект, 2019. С. 44–51.

² Понятие «идеальные следы» является собирательным и не учитывает принятое в психологии деление памяти на виды. Каждая наука имеет свой язык. Соответственно, в терминах одной науки нельзя описать всю сложность и многообразие процессов, изучаемых другими науками.

³ Подробно см.: *Баддли А., Айзенк А., Андерсон М.* Память : пер. с англ. / под ред. Т. Н. Резниковой. СПб. : Питер, 2011. С. 429–460.

⁴ Психологи и криминалисты внесли значительный вклад в тактику допроса за счет разработки критериев диагностики информационного состояния допрашиваемого. Много лет плодотворно в данном направлении трудился видный отечественный криминалист, основоположник криминалистической адвокатуры О. Я. Баев, который поднял вопрос о необходимости выработки тактических рекомендаций в зависимости от отношения допрашиваемого к искомой следователем информации. Предложив классификацию состояний, в одном из которых может находиться лицо, вызванное на допрос, он фактически ввел понятие «диагностика информационного состояния допрашиваемого» в криминалистическую тактику (см.: *Баев О. Я.* Тактика следственных действий : учеб. пособие. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1992. С. 93, 102–103).

⁵ См., например: *Ситковская О. Д., Коньшева Л. П.* Психологическая экспертиза несовершеннолетних в уголовном процессе : науч.-метод. пособие. М. : Юнити-Дана, 2001 ; *Ситковская О. Д.* Психология свидетельских показаний : науч.-метод. пособие. М. : Изд-во НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, 2007 ; и др.

⁶ *Демина М. Л.* Возможности вербальной судебно-психологической экспертизы // Криминалистика : вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2 (14). С. 92–99.

⁷ *Моисеева Т. Ф.* Допустимость использования некоторых видов психологических исследований в рамках судебной экспертизы // Вестник экономической безопасности. 2018. № 1. С. 95–98.

⁸ См.: *Багмет А. М., Гусев А. Н., Енгальчев В. Ф.* Методика исследования коммуникативного поведения с целью выявления психологических признаков искажения сообщаемой информации (по видеозаписям процессуальных и иных действий) :

науч.-практ. пособие. М. : Московская академия СК России, ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А. И. Бурназяна ФМБА России, 2018.

⁹ Здесь надо сказать, что в большинстве словарей русского языка «истина» и «правда» толкуются как синонимы. Однако различия в употреблении и значении этих слов имеются. По мнению ряда исследователей, они весьма значительны. См.: URL: <http://www.ug.ru/archive/30184> (дата обращения: 26.07.2020).

¹⁰ Подробно о недопустимости смешения указанных категорий в уголовном процессе см.: *Овсянников И. В.* Категория вероятности в судебной экспертизе и доказывании по уголовным делам : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 93–117.

¹¹ См.: URL: <https://text.ru/synonym/> (дата обращения: 01.08.2020) ; URL: <https://synonymonline.ru> (дата обращения: 01.08.2020).

¹² См.: URL: <https://text.ru/synonym/> (дата обращения: 01.08.2020).

¹³ См.: Там же.

Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского

Енгальчев В. Ф., доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей и юридической психологии

E-mail: valiyen@gmail.com

Tel.: +7 (484) 250-30-20

Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovskiy

Engalychev V. F., Doctor of Science (Psychology), Professor, Professor of the Department of General and Legal Psychology

E-mail: valiyen@gmail.com

Tel.: +7 (484) 250-30-20

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Комиссарова Я. В., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики

E-mail: a5143836@yandex.ru

Tel.: +7 (499) 244-88-88 (422)

Moscow State Law University named after O. E. Kutafin

Komissarova Ya. V., Candidate of Legal Sciences, Associated Professor, Associated Professor of the Department of Criminalistics

E-mail: a5143836@yandex.ru

Tel.: +7 (499) 244-88-88 (422)

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Фролова О. Е., доктор филологических наук, заведующая лабораторией фонетики и речевой коммуникации филологического факультета

E-mail: olga_frolova@list.ru

Tel.: +7 (495) 939-32-77

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Frolova O. E., Doctor of Philology, Head Laboratory of Phonetics and Speech Communication of Faculty of Philology

E-mail: olga_frolova@list.ru

Tel.: +7 (495) 939-32-77

О «ЦИФРОВЫХ ИННОВАЦИЯХ» В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: появление легального термина «цифровые инновации», который раскрывается через понятие «цифровые продукты», несомненно, является существенным продвижением в глоссарии цифровизации. Однако термин «цифровые системы» не получил легального статуса. В задачи исследования входило рассмотрение алгоритмических и терминологических проблем цифровой трансформации в предметной области российского судопроизводства, в частности, в сфере применения юридического инструмента специальных знаний. Аргументировано, что в «цифровой трансформации» ключевым словом является «трансформация», а не «цифровая», где под трансформацией понимается алгоритмизация норм законодательства. Показано, что технократическая метафора «цифровизация» не может обозначать общественные отношения, которые возникают в виртуальной сфере, продуцированной не только цифровыми системами, но и смарт-системами, метафорично называемыми «технологиями искусственного интеллекта».

Ключевые слова: цифровая, трансформация, смарт, система, технология, право, специальные, знания.

ABOUT «DIGITAL INNOVATIONS» IN LEGAL PROCEEDINGS

Abstract: the appearance of the legal term «digital innovations», which is revealed through the concept of digital products, is undoubtedly a significant advance in the glossary of digitalization. However, the term «digital systems» has not received a legal status. The objectives of the study included the consideration of algorithmic and terminological problems of digital transformation in the subject area of Russian legal proceedings, in particular, in the field of application of a legal instrument of special knowledge. It is argued that in the «digital transformation» the key word is «transformation», and not «digital», where the transformation is understood as the algorithmizing of legal norms. It is shown that the technocratic metaphor «digitalization» cannot denote social relations that arise in the virtual sphere, produced not only by digital systems, but also by smart systems, metaphorically called «artificial intelligence technologies».

Key words: digital, transformation, smart, system, technology, law, special, knowledge.

Поступила в редакцию 27 сентября 2021 г.

Появление Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» позволяет обсудить, что такое «цифровые инновации» применительно к предметной области, называемой в соответствии с научной специальностью 12.00.12, крими-

налистика, судебно-экспертная деятельность и оперативно-разыскная деятельность.

Институт специальных знаний в судопроизводстве имеет существенное значение, поэтому цифровая трансформация законодательства и юридической деятельности касается деятельности криминалистов и судебных экспертов, а также должностных лиц, выступающих в юридической роли специалистов и специальных исследователей.

В новом направлении развития общества, старт которому был дан в 2017 г. изданием Указа Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», «цифровая трансформация» подразумевает не только использование «цифровых технологий», но и трансформацию законодательства, нормативных правовых актов и нормативно-технических документов (стандартов).

Таким образом, под трансформацией понимается алгоритмизация норм, регулирующих и регламентирующих правоотношения, юридически значимые жизнедеятельностные ситуации, а также требования к продуцируемым продуктам.

В вышеуказанном законе дано следующее определение: «цифровые инновации – новые или существенно улучшенные продукт (товар, работа, услуга, охраняемый результат интеллектуальной деятельности) или процесс, новые метод продаж или организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях...».

Это определение расшифровывает ранее используемое метафоричное понятие «цифровых технологий», которое фактически опиралось на не менее метафоричное понятие информационных технологий. К сожалению, в этом определении смешаны общенаучные категории продукта и товара (товарной продукции), возмездной услуги и процесса ее оказания, а также описаний функционирования процесса в виде метода, хотя это описание, как правило, представляет собой процедуру, порядок, правило, стандарт и т. д.

Из этого следует, что в законопроекте не принимали участие алгоритмисты и терминологи, которые могли бы помочь создать глоссарий, тезаурус и онтологию

предметной области. Этот закон должен был стать эталоном для законодателей.

Некоторые ученые в предметной области судебно-экспертной деятельности давно предлагали обратить внимание на терминологические словари, тезаурусы и онтологии, в том числе и «цифровых продуктов»¹.

Также отметим, что в рассматриваемом законе нет дефиниции термина «цифровые системы», хотя «цифровая экономика» базируется на «цифровых системах», в частности, на технократично называемой «технологии блокчейна». Напомним, что система «блокчейн» появилась благодаря Сатоши Накамото² в 2008 г. и ее особенностью является автоматическое продуцирование цифровой метки (подписи), а не подтверждение удостоверяющим центром как для электронной подписи.

Среди публикаций, посвященных цифровизации права, необходимо выделить две фундаментальные³. В первой публикации в выводах отмечено, что «постановка и разработка проблемы виртуального и реального в праве, развитие методологии юридической науки, ее обогащение познавательными средствами позволяют изучать право с позиции соотношения виртуального и реального».

В. Д. Зорькин обращает внимание на то, что цифровые документы, содержащие контент (сведения/сообщения) на электронных носителях в виде данных, являются информационными продуктами и объектами информационных прав вне зависимости от формы их выражения.

Подчеркнем, что «цифровая трансформация» – это инструмент, позволяющий создавать виртуальную действительность, в которой возникают общественные отношения. Точно так же и законодательство можно рассматривать

как правовой инструмент, с помощью которого люди регулируют свои правоотношения и деятельность, регламентируют продукты этой деятельности посредством технических регламентов.

В юриспруденции носителями знаний о достижениях научно-технического прогресса являются лица, обладающие специальными знаниями, в частности, судебные эксперты в предметной области алгоритмизации, программирования, больших данных, электронных устройств. Они владеют не только специальными, но и правовыми знаниями, так как без этих знаний и соблюдения норм процессуального законодательства заключения эксперта не будут иметь доказательственного значения.

Правовые категории «виртуальной» («кибер») действительности и преступлений с использованием компьютеров появились более тридцати лет назад. В частности, в 1989 г. ученый Джарон Ланьер стал использовать термин «виртуальная действительность», хотя слово «киберпространство» впервые было введено писателем Уильямом Гибсоном в 1982 г.

Отметим, что впервые на виртуальные следы (юридически значимые следы в виртуальном пространстве) обратил внимание В. А. Мещеряков⁴, но некоторые правоведы отнеслись к этой идее неодобрительно.

Недавно Facebook анонсировал большую революцию в Big Tech, Марк Цукерберг заявил, что создание metaverse (метавселенной) – виртуального мира – касается как самой компании, так всего Интернета⁵. Поэтому в этом мире, несомненно, появятся злоумышленники. Например, корпорация Цукерберга не гнушается превышением своих полномочий и нарушает законные интересы пользователей путем использования их персональных данных. Более того, некоторые

представители IT-корпораций утверждают, что приватность в виртуальном мире будет отсутствовать⁶.

Поэтому главным направлением развития электронно-цифровых платформ будет обеспечение безопасности пользователей, т. е. их приватности в электронной среде, а также конфиденциальности их данных в сфере виртуального пространства смарт-экосистем и метавселенной.

В связи с этим «цифровая трансформация» – это только метафора, с помощью которой обозначается этап развития России на ближайшие 20 лет с помощью продуцирования безопасной, надежной и устойчивой электронной среды на базе инфраструктуры Интернета (сети сетей).

Если вернуться к слову «metaverse», то его автором является писатель Нил Стивенсон, который еще в 1992 г. издал культовый роман «Snow Crash», где использовалась метафора «metaverse» для обозначения виртуальной вселенной⁷. Поэтому неудивительно, что Цукерберг использует эту метафору как маркетинговый ход. Он надеется, что в этой вселенной пользователь будет находиться внутри 3D-медиаконтента и иммерсионно получать новые ощущения и опыт при социальном общении. При этом он не раскрывает, как будет монетизировать функционирование metaverse.

Общество стало беспокоиться за свою приватность в виртуальном мире, обвиняя Dig Tech в нарушении конфиденциальности и приватизации персональных данных, на что последние стараются переключить внимание на систему социального рейтинга в Китае. Таким образом, не только преступники нарушают законы, но и недобропорядочный бизнес может использовать недостатки законодательства, а также отдельные долж-

ностные лица ведомств злоупотреблять правом.

Вне зависимости от того, какие электронные устройства, программы и большие данные будут использоваться для автоматизации жизнедеятельности людей и как их будет применять персона (гражданин и человек), а также бизнес или ведомства, всегда найдутся лица, которые будут искать уязвимость как в сфере виртуального пространства, продуцируемого системой, так и в законодательных нормах для того, чтобы незаконно обогатиться, получить доступ к конфиденциальным сведениям и сообщениям, создаваемым людьми, или техническим данным.

Естественно, правоохранительные и судебные органы должны применять современные цифровые системы и смарт-системы в своей деятельности, а судебные эксперты их использовать для анализа криминальных инцидентов в электронной среде и этих системах.

Поэтому цифровизация криминалистической деятельности или деятельности судебных экспертов, следователей и судей должна по крайней мере не отставать от цифровизации злоумышленников, а также лиц, превышающих свои полномочия, злоупотребляющих доверием или нарушающих законодательство.

Хотя идея «цифровой жизни»⁸ и «цифровой экономики»⁹ появилась в 1995 г., ООН только в 2019 г. объявила о «цифровой эпохе»¹⁰. На наш взгляд, «цифровая трансформация» обозначает очередной – четвертый – этап автоматизации жизнедеятельности людей. Поэтому криминалистическое и судебно-экспертное обеспечение судебного разбирательства на этапе цифровизации должно представлять собой безбумажное дело-производство, документооборот и архивирование всех стадий уголовного судо-

производства, начиная с возбуждения уголовного дела и заканчивая вынесением приговора.

Особенностью цифровых систем является полное отсутствие бумажных носителей при их функционировании. Например, при дистанционном электронном голосовании (далее – ДЭГ) на выборах в Государственную Думу Российской Федерации в 2021 г. использовалась IT-система распределенного реестра (блокчейн), в которой все данные продуцировались только в двоичной форме.

ДЭГ состоит из трех компонентов: 1) реестр избирателей, связанный с электронными кабинетами избирателей; 2) электронные бюллетени, размещенные в анонимной зоне; 3) блокчейн, в котором хранятся зашифрованные «голоса» избирателей. Как известно, Общественная палата Москвы предложила провести экспертный аудит московской системы ДЭГ для того, чтобы выявить возможность использования нескольких бюллетеней, исходящих от одного человека. Для этого необходимы две процедуры: расшифровки бюллетеней и поиск повторных голосований от одного субъекта.

Так как Москва голосовала на своей системе ДЭГ, в которой была подсистема переголосования, подразумевавшая возможность исключить давление на избирателя во время первого голосования, то возникла ситуация недоверия у уполномоченных наблюдателей. Проверка переголосовавших потребовала значительно больше времени, так как она имела нелинейную функцию и ей необходимо найти последний голос. Поэтому в следующих голосованиях будет использоваться унифицированная федеральная система ДЭГ без этой опции.

Общие результаты системы ДЭГ показывают, что она надежна, т. е. злоумышленникам не удалось ее ни взло-

мать, ни вбросить фальшивые бюллетени, и она сама не сломалась. Кроме того, она обеспечивает анонимность голосовавших, а аудит результатов голосования может осуществляться с точностью «байт в байт».

Тем не менее в начале голосования московская система ДЭГ несколько часов боролась за свое функционирование с DDos-атаками. Кроме того, известны и другие случаи взлома блокчейна, например, кроссчейн-протокол Poly Network был атакован хакером 10 августа 2021 г. на сумму более \$600 млн в криптовалютах. Правда, он валюту вернул и отказался от вознаграждения. Через месяц другой хакер атаковал сайт Bitcoin.org¹¹, поэтому борьба «щита и меча» будет продолжаться.

То же касается и смарт-систем, для которых известно несколько способов их взлома¹². В отношении смарт-систем можно говорить об уязвимости программ, данных и (или) применения. В критически важных областях возможны только противодействия программиста «щита» (программиста, контролирующего программу) и «меча» (программиста, использующего программы, которые контролируют сами себя). Однако необходимо еще учитывать и уязвимость нормативных правовых актов и нормативно-технических документов, которые определяют требования к безопасности смарт-систем («технологий искусственного интеллекта» («цифровых инноваций»)).

Поэтому криминалистически значимые электронные, цифровые и (или)

виртуальные следы¹³ важны не только по факту, но и онлайн при попытках проникнуть в мониторинговое пространство подсистемы безопасности.

Таким образом, в «цифровой трансформации» ключевым словом является «трансформация», а не «цифровая», где под трансформацией понимается алгоритмизация норм законодательства. Технократическая метафора «цифровые» не может обозначать общественные отношения, которые возникают в виртуальной сфере, продуцированной не только цифровыми системами, но и смарт-системами, метафорично называемыми «технологиями искусственного интеллекта». Так как виртуальная сфера электронной среды логически пересекается с действительным миром, то злоумышленники через виртуальные сущности могут воздействовать на правомочия физических лиц, экономические интересы бизнеса и ценности государства. Поэтому правоохранители при применении юридического инструмента специальных знаний, а также лица, обладающие специальными знаниями, должны не только соблюдать процессуальное законодательство, но и выполнять свои функции в соответствии с утвержденными и апробированными (сертифицированными) методиками при применении «цифровых исследовательских продуктов». В связи с этим лицам, принимающим решения, необходимо более тщательно относиться к терминам, обозначающим инновационные продукты, т. е. учитывать «исправление имен», о котором говорили еще Платон и Конфуций.

¹ См.: Нестеров А. В. Юридическая терминология и цифровая экономика // Право и экономика : междисциплинарные подходы в науке и образовании. IV Московский юридический форум. XII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) : материалы конф. : в 4 ч. М. : РФ-Пресс, 2017. Ч. 4. С. 172–177.

² См.: Satoshi Nakamoto. Bitcoin : A Peer-to-Peer Electronic Cash System. Tokyo, 2008. 9 p.

³ См.: *Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н.* Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102; *Зорькин В. Д.* Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Рос. газета. 2018. 29 мая.

⁴ См.: *Мещеряков В. А.* Цифровые (виртуальные) следы в криминалистике и уголовном процессе // Воронежские криминалистические чтения / отв. ред. О. Я. Баев. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2008. Вып. 9. С. 221–232.

⁵ См.: *Casey Newton.* Mark in the metaverse: Facebook's CEO on why the social network is becoming «a metaverse company» (Jul 22, 2021). URL: <https://www.theverge.com/22588022/mark-zuckerberg-facebook-ceo-metaverse-interview> (дата обращения: 23.09.2021).

⁶ См.: *Кухаренко Артем.* Понятие приватности нужно оставить в XX веке. URL: <https://rb.ru/longread/ntechlab-ceo/> (дата обращения: 23.09.2021).

⁷ См.: *Stephenson Neal.* Snow Crash. URL: <https://nealstephenson.com/snow-crash.html> (дата обращения: 17.09.2021).

⁸ См.: *Negroponte Nicholas.* Being double digital. URL: <https://habr.com/ru/company/philtech/blog/354418/> (дата обращения: 17.09.2021).

⁹ См.: *Tapscott D.* The Digital Economy : Promise and Peril In The Age of Networked Intelligence, McGrawHill, 1995. 342 p.

¹⁰ См.: The age of digital interdependence (Эпоха цифровой взаимозависимости. 2019 г.). URL: <https://www.un.org/en/pdfs/DigitalCooperation-report-for%20web.pdf> (дата обращения: 17.09.2021).

¹¹ См.: *Корнеев А.* Хакеры взломали сайт Bitcoin.org и разместили мошенническое объявление. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/614c2a6c9a794731297e4b70> (дата обращения: 23.09.2021).

¹² См.: Malicious Uses and Abuses of Artificial Intelligence. Trend Micro Research United Nations Interregional Crime and Justice Research Institute (UNICRI). Europol's European Cybercrime Centre (EC3). URL: www.europol.europa.eu (дата обращения: 23.09.2021).

¹³ См.: *Нестеров А. В.* Виртуальные следы в криминалистике. М. : КноРус, 2021. 153 с.

*Российский университет дружбы народов,
Российская таможенная академия*

Нестеров А. В., доктор юридических наук,
профессор

E-mail: nesterav@yandex.ru

Tel.: 8-903-221-65-58

*Peoples' Friendship University of Russia, Russian
Customs Academy*

Nesterov A. V., Doctor of Legal Sciences,
Professor

E-mail: nesterav@yandex.ru

Tel.: 8-903-221-65-58

СЕРВИСНАЯ ПОЛИЦИЯ: ОПЫТ КАЗАХСТАНА

А н н о т а ц и я: автором рассматривается опыт Казахстана по переходу на сервис-ориентированную модель полиции. Так, в статье приведены предпосылки реформирования полицейской деятельности, а также представлены проекты, реализуемые в Республике Казахстан в рамках перехода на сервисную модель, статистические данные и практики зарубежных стран. Автор приходит к выводу об эффективности деятельности полиции, ориентированной на сервис и необходимости распространения данной модели на все регионы государства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: полиция, сервисная полиция, сервисная модель полиции, партнерство полиции и населения.

SERVICE POLICE: THE EXPERIENCE OF KAZAKHSTAN

Abstract: the author examines the experience of Kazakhstan in the transition to a service-oriented model of the police. Thus, the article presents the prerequisites for reforming police activities, as well as projects implemented in the Republic of Kazakhstan as part of the transition to a service model, statistical data and practices of foreign countries. The author comes to the conclusion about the effectiveness of the service-oriented police and the need to extend this model to all regions of the state.

Key words: police, service police, service model of police, partnership of police and population.

Поступила в редакцию 4 октября 2021 г.

Полиция является важнейшей и самой многочисленной частью системы правоохранительных органов. Согласно ст. 4 Закона Республики Казахстан «Об органах внутренних дел Республики Казахстан» полиция в целях обеспечения общественной безопасности осуществляет профилактику правонарушений, охрану общественного порядка, борьбу с преступностью, исполнение уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия, а также административных взысканий и иные задачи, предусмотренные законами РК и актами Президента РК¹. Следовательно, объектом деятельности полиции являются общество и его жизнеде-

ятельность, непосредственные и непрерывные взаимоотношения с населением. Следует также отметить, что в соответствии с ч. 1 ст. 1 Конституции РК Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы². Эти постулаты в совокупности определили в качестве вектора развития полицейской деятельности укрепление в ней демократических начал. Так, эксперты утверждают, что полиция «эффективна только при поддержке и доверии общества, создании партнерских отношений между полицией и населением»³. Более того, проблема переориентации органов внутренних дел от репрессивной к сервисной модели уже достаточно дав-

но осмыслена как актуальная научная проблема⁴.

Применение качественно новых методов и практик, построение конструктивного диалога между полицией и населением отражены в такой модели полицейской деятельности, как «сервисная полиция». В международной практике принято следующее понятие «сервисной полиции»: «Сервисная полиция – общественно-ориентированный подход в деятельности полиции – стиль управления, организационная стратегия, направленные на решение проблем и партнерство с обществом»⁵. Одним из ключевых моментов в данной модели является активное участие членов общества в обеспечении правопорядка, в том числе в предупреждении правонарушений.

Служение полиции обществу в тесном сотрудничестве с гражданами является идеей, воплотившей переход полиции на Западе из карательной силовой структуры в повседневную круглосуточную сервисную службу с широким спектром социальных услуг, где «общество – это покупатель, а полицейское подразделение – это продавец своей полицейской услуги»⁶. Так, широкое распространение получила американская концепция «Community policing». Разнообразные стратегии и тактики «Community policing» имеют целью создание полиции, интегрированной в гражданское общество, стремящейся к решению проблем в сфере обеспечения безопасности вместе с обществом, прежде всего, на местном уровне и базируются на таких принципах, как реальное партнерство с представителями местного общества и местных учреждений; усиление профилактической составляющей в деятельности полиции и других органов⁷.

Рассматривая зарубежный опыт, следует также отметить Республику Хорватия, которая известна крупными проектами, например, «Проект СОЛВ» по ликвидации незаконно хранящегося оружия и боеприпасов, «Предотвращение преступлений» и «Общественная полиция», реализованными в рамках реформирования системы органов внутренних дел с 1995 г. и направленных на формирование сервисной модели полиции⁸.

Вместе с тем в мировом сообществе отсутствует идеальная модель полиции, ориентированной на сервис. В связи с этим было принято решение о создании Казахской концепции сервисной модели полиции, поскольку применение различных зарубежных практик не гарантирует эффективность. При этом имплементация опыта зарубежных стран должна сопровождаться обширной аналитической работой, адаптацией к ценностным, правовым, культурным, историческим и другим особенностям общества.

Начало реформирования системы органов внутренних дел в Казахстане заложено в Послании Президента народу Казахстана от 5 октября 2018 г. «Рост благосостояния казахстанцев: повышение доходов и качества жизни». Были поставлены такие задачи, как внедрение новых современных форматов работы с населением, кардинальное изменение критериев оценки полиции, перевод работы полиции на сервисную модель⁹.

Цель перехода к сервисной модели полиции заключается в создании профессионального, представительного, подотчетного органа, реагирующего на потребности и работающего в партнерстве с обществом¹⁰. При этом основными принципами работы сервисной полиции являются узнаваемость и доступ-

ность, прозрачность и подотчетность, доброжелательность и уважение¹¹.

Одним из ключевых моментов в деятельности сервисной полиции является наличие доверительных и партнерских отношений с населением и государственными органами, в том числе совместная работа по предупреждению правонарушений. В этой связи с 1 января 2020 г. в Карагандинской области РК при сотрудничестве МВД РК и Офиса программ ОБСЕ в Нур-Султане был запущен пилотный проект «Сервисный подход в обеспечении безопасности». В рамках проекта была создана Межведомственная группа по обеспечению безопасности (далее – МГОБ), в состав которой вошли представители общественности, органов внутренних дел, прокуратуры, здравоохранения, образования, социальной защиты населения, местного исполнительного органа, волонтеры¹². Подобные межведомственные группы эффективно осуществляют свою деятельность в таких странах, как Канада, Великобритания, и именуются «crime and disorder reduction partnerships» (партнерство по сокращению преступности и беспорядков). Членами межведомственной группы было пройдено специальное обучение экспертами ОБСЕ и ПРООН по применению аналитических методов в обеспечении безопасности.

В течение 2020 г. межведомственной группой была проведена работа по сбору данных и анализу проблем, возникающих в процессе обеспечения общественной безопасности в центральном секторе Караганды с применением наиболее современной методики исследования SARA. Так, группой было опрошено более 6000 человек, в том числе в онлайн-формате, проведено анонимное анкетирование людей, совершивших уголовные правонарушения и находя-

щихся в учреждении уголовно-исполнительной системы в Карагандинской области. Также среди различных слоев населения (несовершеннолетние, пенсионеры и т. д.) были распространены чек-листы безопасного проживания, по которым определялись территории, где опрашиваемые ощущают себя небезопасно. По результатам проведенного анализа были выявлены систематические проблемы населения, проживающего на проектной территории, зоны риска; сформулированы рекомендации по установлению доверительных и партнерских отношений между полицией, иными государственными органами и населением; определены перспективы дальнейшего развития, в том числе с применением цифровых технологий.

Более того, в деятельности МГОБ одна из значимых ролей отведена волонтерам. Так, с февраля 2020 г. начала свою деятельность мониторинговая группа киберволонтеров. Цель создания группы киберволонтеров заключается в содействии полиции в расследовании правонарушений по реализации запрещенных товаров и услуг в интернет-пространстве. Так, благодаря участию 44 киберволонтеров было обнаружено 136 единиц незаконного интернет-контента, расследовано 47 киберпреступлений по факту мошенничества, а также выявлены лица, осуществляющие сбыт наркотических средств через Интернет¹³. Также волонтерами были проведены опросы среди ранее судимых лиц, проживающих на территории пилотного проекта, с целью выявления и анализа причин совершения ими правонарушений.

Одним из направлений деятельности МГОБ является создание Центра изучения семейных отношений. Работа Центра направлена на системное изучение особенностей семейно-брачных

отношений, причин и условий бытовых ссор и инцидентов и др.

Указанная выше деятельность является составной частью картирования административного участка – сбора информации о населении, инфраструктуре, преступности и безопасности, о наличии организаций, оказывающих социальную помощь жертвам правонарушений, и т. д.¹⁴ В процессе картирования участвуют также представители сферы образования, кооперативов собственников квартир (объединений собственников имущества), охранных структур, бизнеса, заинтересованного в безопасности предприятий, хозяйственной деятельности¹⁵. Каждый вносит свой вклад в обеспечение безопасности на конкретной территории.

Основываясь на полученном опыте, а также с учетом локальных особенностей, при поддержке Офиса программ ОБСЕ пилотный проект начал свою работу на территории г. Нур-Султан.

Одна из ключевых ролей в сервис-ориентированной модели полиции принадлежит участковому инспектору. Так, в Послании Главы государства народу Казахстана от 1 сентября 2020 г. было отмечено, что «назрела более целостная реформа местной полицейской службы по принципу “полиции шаговой доступности”, где ключевая роль отводится участковому инспектору»¹⁶. Так, планируется увеличение штатной численности участковых инспекторов, строительство новых участковых пунктов полиции, восстановление института старших участковых инспекторов в городах и т. д. На сегодняшний день на территории пилотного проекта участковые инспекторы состоят в чатах жильцов в социальных сетях, благодаря чему возросла информированность в 10 раз¹⁷. На начальном этапе мнения по этому поводу разнились, однако прак-

тика показала, что участие инспектора в подобных чатах положительно воздействует на формирование доверительных отношений между жителями и участковым инспектором. Более того, подп. 6 п. 15 Закона РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам деятельности государственной фельдъегерской связи и органов внутренних дел» от 29 июня 2021 г. были расширены полномочия участкового инспектора. Теперь на основании п. 4 ст. 9-1 Закона РК «Об органах внутренних дел Республики Казахстан» участковый инспектор полиции при выявлении на закрепленном административном участке причин или условий, способствующих совершению правонарушений, вносит физическим и юридическим лицам представление о принятии мер по устранению таких причин и условий¹⁸.

В рамках перехода на сервисную модель полиции усиливается также пешее патрулирование и устанавливаются модульные пункты полиции на наиболее криминогенных участках, внедряются интеллектуальные системы контроля состояния безопасности, что в совокупности позволило снизить уровень преступности на 21,3 % и повысить уровень раскрываемости уголовных правонарушений на 12,4 % за 4 месяца¹⁹.

Действующая традиционная модель полиции отлична от сервисной модели тем, что большее внимание уделяется правонарушителям, а также причинам, побуждающим их совершать неправомерные деяния. Полицейская деятельность осуществляется без опоры на поддержку населения, соответственно и применяемые методы носят предпочтительно карательный характер. Из этого следует, что традиционная модель полиции, прежде всего, ожидает соверше-

ние правонарушений и направлена на борьбу с ними, в свою очередь, сервисная модель предполагает обеспечение безопасности преимущественно превентивными мерами и в партнерстве с общественностью.

Таким образом, реализация пилотных проектов и проведение иных мероприятий по переходу на сервис-ори-

ентированную модель полиции продемонстрировали эффективность и значимость конструктивных и доверительных отношений между полицией и населением, а также необходимость в дальнейшем совершенствовании и во внедрении элементов сервисной полиции во все регионы государства.

¹ См.: Об органах внутренних дел Республики Казахстан : закон Республики Казахстан от 23 апреля 2014 г. // Информационная система «ПАРАГРАФ». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31538985 (дата обращения: 21.09.2021).

² См.: Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года // Информационно-правовая система нормативных правовых актов «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (дата обращения: 22.09.2021).

³ Бучакова М. А., Дизер О. А. Взаимодействие полиции и общества // Вестник ОмГУ. Сер.: Право. 2015. № 2 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-politsii-i-obschestva> (дата обращения: 16.09.2021).

⁴ См.: Киселёв А. К. Реформы в полиции европейских стран (рубеж XX–XXI вв.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reformy-v-politsii-evropeyskih-stran-rubezh-xx-xxi-vv> (дата обращения: 21.09.2021).

⁵ Полиция Казахстана переходит на сервисную модель // Forbes.kz. URL: https://forbes.kz/news/2020/09/23/newsid_234169/?utm_source=forbes&utm_medium=incut&utm_campaign=news (дата обращения: 16.09.2021).

⁶ Павловский Н. Ю., Пылев С. С. 61 вопрос, 61 ответ : о службе и учебе полицейских штата Орегон (США). М., 1997. С. 7.

⁷ См.: Киселёв А. К. Указ. соч.

⁸ См.: Опыт хорватской полиции изучили в Акмолинской области // Международное информационное агентство KAZINFORM. URL: https://www.inform.kz/ru/opyt-horvatskoj-policii-izuchili-v-akmolinskoj-oblasti_a3569336 (дата обращения: 22.09.2021).

⁹ См.: Назарбаев Н. А. Послание Президента народу Казахстана «Рост благосостояния казахстанцев : повышение доходов и качества жизни» от 5 октября 2018 г. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/opublikovan-polnyiy-tekst-poslaniya-nazarbaeva-narodu-354942 (дата обращения: 16.09.2021).

¹⁰ См.: Сервисная модель казахстанской полиции : видение и перспективы // Polisia.kz. URL: <https://polisia.kz/ru/servisnaya-model-kazahstanskoj-politsii-videnie-i-perspektivy/> (дата обращения: 21.09.2021).

¹¹ См.: Принципы сервисной полиции // Kartv.kz. URL: <https://kartv.kz/ru/news/society/principy-servisnoi-policii> (дата обращения: 21.09.2021).

¹² См.: Соседский надзор : как в Карагандинской области работает сервисная полиция // Международное информационное агентство KAZINFORM. URL: https://www.inform.kz/ru/sosedskiy-nadzor-kak-v-karagandinskoj-oblasti-rabotaet-servisnaya-policiya_a3790029 (дата обращения: 21.09.2021).

¹³ См.: Как работает сервисная модель казахстанской полиции // Международное информационное агентство KAZINFORM. URL: <https://www.inform.kz/ru/>

kak-rabotaet-servisnaya-model-kazahstanskoj-policii_a3834797 (дата обращения: 22.09.2021).

¹⁴ См.: Там же.

¹⁵ См.: Там же.

¹⁶ Послание Главы государства народу Казахстана от 1 сентября 2020 г. // Официальный сайт Президента Республики Казахстан Akorda.kz. URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomartatokaeva-narodu-kazahstana-1-sentyabrya-2020-g (дата обращения: 22.09.2021).

¹⁷ См.: Полиция Казахстана переходит на сервисную модель // Forbes.kz. URL: https://forbes.kz/news/2020/09/23/newsid_234169/?utm_source=forbes&utm_medium=incut&utm_campaign=news (дата обращения: 16.09.2021).

¹⁸ См.: Об органах внутренних дел Республики Казахстан : закон Республики Казахстан от 23 апреля 2014 г. // Информационная система «ПАРАГРАФ».

¹⁹ См.: В Алматы будет реализован пилотный проект сервисной полиции // Официальный сайт Акимата города Алматы. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/almaty/press/news/details/205562?lang=ru> (дата обращения: 22.09.2021).

*Университет КАЗГЮУ имени
М. С. Нарикбаева*

Сокурова Э. Ж., кандидат юридических наук,
доцент департамента уголовного правосудия
Высшей школы права

E-mail: e_sokurova@kazguu.kz

*KAZGUU University named after
M. S. Narikbayev*

Sokurova E. Zh., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Justice
Department of the Higher School of Law

E-mail: e_sokurova@kazguu.kz

Л. А. Суворова

Воронежский государственный университет

М. С. Цуроев

Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации
по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОТКАЗ ОТ ПОКАЗАНИЙ И ЗА ДАЧУ ЛОЖНЫХ ПОКАЗАНИЙ

Аннотация: обосновываются проблемы привлечения к уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний в ходе уголовного судопроизводства; предлагается закрепить уголовную ответственность обвиняемых за дачу заведомо ложных показаний.

Ключевые слова: отказ от дачи показаний, ложные показания, уголовная ответственность, право на ложь.

ADDRESSING THE QUESTION OF THE NECESSITY FOR CRIMINAL LIABILITY FOR PERJURY AND REFUSAL TO TESTIFY

Abstract: the article substantiates the problems of bringing to criminal responsibility for refusal to testify and giving deliberately false testimony in the course of criminal proceedings and proposes to consolidate the criminal liability of the defendant for perjury.

Key words: refusal to testify, perjury, criminal liability, criminal responsibility, juridical right to lie.

Поступила в редакцию 12 декабря 2021 г.

Осуществление правосудия в Российской Федерации является важнейшим направлением противодействия преступности, поскольку посредством его реализации лица, совершившие преступления, преследуются в уголовном порядке¹. Уголовная ответственность за преступления против правосудия регламентируется нормами, содержащимися в главе 31 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

В современных условиях развития российского общества преступления против правосудия приобрели еще одно

криминальное свойство – коррупционную направленность².

Данные преступления занимают не столь существенное место в общей структуре преступности. За последние 15 лет их удельный вес в общем количестве зарегистрированных в России преступлений составил не более 1 %, количество выявленных лиц, совершивших преступление против правосудия, варьировалось в пределах 1–2 %. Тем не менее рассматриваемые преступления обладают повышенной общественной опасностью, поскольку по сути являются посягательством на интересы правосудия, нарушая тем самым нормальное функционирова-

© Суворова Л. А., Цуроев М. С., 2022

ние органов судебной власти, прокуратуры, представительного расследования и т. п. С 2005 г. количество зарегистрированных преступлений против правосудия увеличилось с 11 781 до 19 032 в 2019 г., а количество выявленных лиц – с 8702 до 16 150 соответственно³.

Анализ регистрационных показателей позволил обнаружить, что по итогам 2019 г. больше всего было зарегистрировано преступлений, предусмотренных ст. 314.1 УК РФ, – 11 200 деяний. Далее по распространенности: ст. 306 – 2875 преступлений, ст. 315 – 1037, ст. 303 – 873, ст. 307 – 831, ст. 314 – 639, ст. 312 – 522, ст. 297 – 256, ст. 316 – 209, ст. 309 – 142, ст. 313 – 136, ст. 294 – 107, ст. 296 – 77, ст. 308 – 72, ст. 298.1 – 20, ст. 299 – 8, ст. 300 – 8, ст. 305 – 5. В 2020 г. было зафиксировано всего по два преступления, предусмотренных ст. 295 и 301 УК РФ, по одному – ст. 304 и 310 УК РФ. Преступления, указанные в ст. 302 и 311 УК РФ, вовсе не регистрировались⁴.

В контексте настоящей статьи рассмотрим проблемы привлечения лиц к уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или за дачу заведомо ложных показаний.

Потерпевший и свидетель согласно ч. 5 ст. 42 и ч. 6 ст. 56 УПК РФ соответственно не вправе давать заведомо ложные показания либо отказываться от дачи показаний. За дачу заведомо ложных показаний либо отказ от дачи показаний они несут ответственность в соответствии со ст. 307 и 308 УК РФ.

Однако свидетель вправе отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ. При согласии свидетеля дать показания в отношении указанных лиц он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве дока-

зательств по уголовному делу, в том числе и в случае его последующего отказа от этих показаний (п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ).

Задонским районным судом Липецкой области рассматривалось уголовное дело в отношении подсудимого Н. (уголовное дело в отношении него было выделено в отдельное производство в связи с его розыском). Для допроса в качестве свидетелей по данному уголовному делу были вызваны Р. и Г., которые ранее были осуждены за это же преступление и в настоящий момент отбывали наказание в виде лишения свободы. Однако данные лица отказались давать показания, ссылаясь на ст. 51 Конституции РФ, а также п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ. На этом их «допрос» был закончен, несмотря на то, что сторона защиты ходатайствовала о предоставлении ей возможности задавать свидетелям Г. и Р. вопросы, которые касались не их, а подсудимого Н. Свидетели Г. и Р. также отказались отвечать на вопросы защиты, даже не выслушивая их⁵. Полагаем, что было нарушено право подсудимого защищаться всеми способами, не запрещенными законом.

Данная ситуация, по мнению автора, оказалась возможной в связи с тем, что действующими нормами права не обеспечивается баланс между обязанностью свидетеля давать показания и правом не свидетельствовать против себя. Но как отграничить информацию, которая может быть использована против допрашиваемого, от той, которая не будет таковой? Особенно когда допрос фактически не проведен. Можно ли отнести к «свидетельству против себя самого», если следователь допрашивает относительно действий другого лица? Невозможность отграничения этого делает «мертвыми» положения закона о привлечении лица к уголовной ответственности за отказ от дачи показаний в стадии предварительного расследования (по ст. 307 УК РФ)

и сводит действие закона к привлечению к уголовной ответственности в случае установления *ложности* показаний решением суда по рассматриваемому делу (т. е. по ст. 308 УК РФ).

Лжесвидетельство считается серьезным преступлением, поскольку оно может быть использовано для узурпации власти суда, что приводит к судебным ошибкам. В Канаде, например, предусмотрена уголовная ответственность за лжесвидетельство в виде тюремного заключения на срок до четырнадцати лет⁶. Соглашаясь со справедливостью установленного законодательством права подозреваемого/обвиняемого отказаться от дачи показаний, полагаем целесообразным внесение изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство в части установления ответственности за дачу заведомо ложных показаний (подчеркнем – только за дачу заведомо ложных показаний, но не за отказ) подозреваемым и обвиняемым в случае их согласия давать показания. Законодательное допущение «права на ложь» обвиняемого не является целесообразным.

Сторонники данной позиции приводят следующие аргументы: во-первых, такой опыт имеется в некоторых демократических странах; во-вторых, ложные показания подозреваемого, обвиняемого, подсудимого серьезно усложняют работу правоохранительных органов, требуют значительных материальных, физических, психологических и временных затрат для их опровержения; в-третьих, установление уголовной ответственности обвиняемого за дачу заведомо ложных показаний соответствует принципу состязательности, поскольку потерпевший и свидетель, с одной стороны, и подозреваемый, обвиняемый, подсудимый – с другой, ставятся в равные условия.

Г. К. Мишин отмечает, что право обвиняемого не давать «самообвиняющие»

показания неразрывно связано с его обязанностью нести уголовную ответственность за ложные показания в ходе предварительного следствия и в суде, поэтому, по его мнению, обвиняемого необходимо поставить перед дилеммой: либо он молчит, либо, если он решил дать показания по собственному делу, то должен нести уголовную ответственность за заведомо ложные показания⁷.

В то же время считаем справедливыми положения уголовно-процессуального закона, предусматривающие фактическое право отказа обвиняемого и подозреваемого от показаний, данных в ходе досудебного производства в отсутствие адвоката (п. 1 ч. 2 ст. 75), т. е. в российском уголовном процессе отчасти действует противоположная зафиксированной в «правиле Миранды⁸» норма, а именно: «не все, что будет сказано вами, может быть использовано против вас в суде».

Однако закон не устанавливает четких положений в отношении отказа от показаний, полученных от лиц в статусе свидетеля и лишь позднее переквалифицированных в обвиняемых, а также на использование «вторичных» вещественных доказательств, полученных на основании показаний, взятых с нарушением закона (например, если подозреваемый, не будучи уведомлен о своих правах, выдал местонахождение тайника с похищенным или с орудиями преступления), что в итоге приводит к разнообразной судебной практике по данным вопросам⁹. В целом, нормы российского законодательства, сходные с «правилом Миранды», также направлены на предотвращение самооговора подозреваемых под психологическим или физическим воздействием в ходе расследования.

То, что законодатель идет по пути закрепления негативных последствий для обвиняемого в случае установления его

обмана либо отказа от показаний в суде, следует из норм закона о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, по сути занимает «промежуточное» положе-

ние между свидетелем и обвиняемым¹⁰. В случае отказа от дачи показаний для такого лица наступают предусмотренные главой 40.1 УПК РФ последствия несоблюдения им условий и невыполнения обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве.

¹ См.: Григоренко И. И., Карпунина В. В. Проблемы выявления и квалификации преступлений против правосудия // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф (г. Воронеж, 23–24 мая 2018 г.). Воронеж, 2018. С. 296–298.

² См.: Соловьёва Е. А. Проблемы квалификации преступлений против правосудия // Уголовно-правовые и криминологические направления противодействия преступности : сб. материалов Межрегион. науч.-практ. конф. (г. Симферополь, 29 марта 2019 г.). Симферополь, 2019. С. 111–118.

³ А. В. Яшин отмечает, что некоторое влияние на такую динамику оказала уголовная политика в сфере криминализации (декриминализации) рассматриваемых общественно опасных деяний. К примеру, Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 66-ФЗ в УК РФ была включена статья 314.1, устанавливающая уголовную ответственность за деяния, связанные с уклонением от административного надзора (См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» : федер. закон от 6 апреля 2011 г. № 66-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 15. Ст. 2039). В связи с этим регистрационному учету стали подлежать деяния, ранее не являвшиеся преступными, что не могло не обусловить рост уровня преступлений против правосудия с 2012 г. Кроме того, Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ ст. 303 УК РФ была дополнена частью четвертой, предусматривающей уголовную ответственность за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности (См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 49. Ст. 6752), что также способствовало увеличению числа зарегистрированных преступлений против правосудия и выявленных лиц, их совершивших. Тем не менее рост количества преступлений против правосудия свидетельствует о малоэффективной предупредительной деятельности правоохранительных органов в данной сфере. (См.: Яшин А. В. Криминологический анализ преступлений против правосудия. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskiy-analiz-prestupleniy-protiv-pravosudiya>).

⁴ Приводится по: Яшин А. В. Криминологический анализ преступлений против правосудия.

⁵ См.: Уголовное дело № 1-30/2021 Задонский районный суд Липецкой области.

⁶ См.: Criminal Code, s 132, as amended by RSC 1985, c 27 (1st Supp), s 17 and SC 1998, c 35, s 119.

⁷ См.: Мишин Г. К. О коллизиях уголовно-правовой и уголовно-процессуальной политики // Государство и право. 2002. № 10. С. 99–100.

⁸ Правило Миранды (дело «Миранда против Аризоны» 1966). URL: <https://tile.loc.gov/storage-services/service/ll/usrep/usrep384/usrep384436/usrep384436.pdf>

⁹ Тем не менее полагаем, что в данном случае должен применяться «принцип домино» или правило «о плодах отравленного дерева», согласно которому доказательства, добытые на основании незаконно полученных доказательств, являются производными от них, а значит, недопустимыми.

¹⁰ Лицо, являющееся обвиняемым (в том числе осужденным) по выделенному уголовному делу, не может при рассмотрении судом основного уголовного дела, обвиняемым по которому является другое лицо (его соучастник), наделяться процессуальным статусом обвиняемого (подсудимого) по основному делу, а потому не может участвовать в нем в качестве обвиняемого и давать показания по этому делу по правилам допроса подсудимого. В то же время обвиняемый, заключивший досудебное соглашение о сотрудничестве, не будучи подсудимым по основному уголовному делу, привлекается к участию в судебном заседании по этому делу для дачи показаний именно как обладатель сведений об обстоятельствах, имеющих значение для его расследования и разрешения. Причем принятые таким лицом обязательства, вытекающие из досудебного соглашения о сотрудничестве, предполагают его готовность при судебном разбирательстве по основному уголовному делу сообщить сведения, изобличающие соучастников преступления и иных лиц, совершивших преступления, иные существенные сведения, отвечающие критериям полноты и достоверности показаний, касающихся обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу. Исходя из этого лицо, обвиняемое по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением им досудебного соглашения о сотрудничестве, может быть допрошено по основному уголовному делу в качестве участника уголовного процесса, располагающего сведениями об обстоятельствах совершения преступления подсудимыми по основному уголовному делу и вызванного по ходатайству стороны обвинения. Такое лицо при допросе в производстве по основному уголовному делу в отношении другого лица, с которым оно связано обвинением в совершении одного деяния, не является надлежащим субъектом преступлений, предусмотренных ст. 307 и 308 УК РФ. Соответственно, не предполагается и возможность привлечения его к уголовной ответственности на основании указанных статей, а значит, и необходимость предупреждения о таковой при его допросе в производстве по основному уголовному делу. Однако это не означает, что такое лицо вправе давать ложные показания; в частности, оно может в целях своей защиты либо хранить молчание (отказаться от дачи показаний), либо давать показания таким образом, чтобы не нарушать с очевидностью права других лиц. Для обеспечения соблюдения условий и выполнения обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве, обвиняемым по уголовному делу, выделенному в связи с заключением соглашения в отдельное производство, в том числе при его допросе в судебном заседании по основному уголовному делу в отношении лица, обвиняемого в соучастии в том же преступлении, УПК РФ предусматривает ряд правовых инструментов: в случае отказа от дачи показаний в суде в отношении соучастников преступления и иных лиц, совершивших преступления, с учетом положений п. 2 ч. 4 ст. 46 и п. 3 ч. 4 ст. 47 показания лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу; на основании ст. 317.8 приговор может быть пересмотрен, если после назначения подсудимому наказания будет обнаружено, что он умышленно сообщил ложные сведения или умышленно скрыл от следствия какие-либо существенные сведения, им нарушены условия и не выполнены обязательства, предусмотренные досудебным соглашением о сотрудничестве (ч. 2.1 ст. 317.3), при соблюдении предусмотренного ст. 401.6 запрета на пересмотр вступившего в законную силу приговора, определения, постановления суда в срок более года по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного. См.: Постановление

Конституционного Суда РФ от 20 июля 2016 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Усенко». URL: <http://www.consultant.ru>

Воронежский государственный университет

Суворова Л. А., кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики, адвокат
ВОКА АК «Баев и партнеры»

E-mail: maidon@yandex.ru

Tel.: 8-903-851-59-51

Voronezh State University

Suvorova L. A., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of Forensics Department,
Attorney

E-mail: maidon@yandex.ru

Tel.: 8-903-851-59-51

*Следственное управление Следственного
комитета Российской Федерации по Ханты-
Мансийскому автономному округу – Югре*

Цуроев М. С., руководитель первого отдела
по расследованию особо важных дел

*Investigative Directorate of the Investigative
Committee of the Russian Federation for the
Khanty-Mansi Autonomous District – Yugra*

Tsuroev M. S., Head of the First Department for
Investigation of Particularly Important Cases

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГАРАНТИЙ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ЭЛЕКТРОННОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

А н н о т а ц и я: анализируются новые направления использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве, освещаются возможности и опыт проведения судебного разбирательства в режиме видео-конференц-связи, автоматического распределения дел, закрепления хода и результатов следственных действий аудио-, видеозаписями. Автор обращает внимание на некоторые особенности применения информационных технологий в судебном процессе, необходимость их использования с условием обеспечения прав и свобод граждан.

К л ю ч е в ы е с л о в а: электронное уголовное судопроизводство, информационные технологии, коронавирусная инфекция, суд, защита прав и интересов граждан.

ENSURING GUARANTEES OF THE RIGHTS OF PARTICIPANTS ELECTRONIC CRIMINAL PROCEEDINGS

A b s t r a c t: the article analyzes new directions of using digital technologies in criminal proceedings, highlights the possibilities and experience of conducting court proceedings in video conferencing mode, automatic distribution of cases, fixing the progress and results of investigative actions with audio and video recordings. The author draws attention to some features of the use of information technologies in the judicial process, the need for their use with the condition of ensuring the rights and freedoms of citizens.

Key words: electronic criminal proceedings, information technologies, coronavirus infection, court, protection of the rights and interests of citizens.

Поступила в редакцию 8 ноября 2021 г.

Внедрение в судебную деятельность информационно-коммуникационных технологий не явилось новшеством, когда стало известно о пандемии COVID-19 как о глобальном вызове всему мировому сообществу. К этому времени суды многих государств, в том числе Узбекистана, использовали в уголовном судопроизводстве опыт проведения судебного разбирательства в режиме видео-конференц-связи (далее – ВКС), автоматического распределения дел, закрепления хода и результатов следственных действий аудио-, видеозаписями, опублико-

вания судебных решений в сети Интернет, направления исполнительных документов на принудительное исполнение в электронном формате и др.

Применение судами цифровых технологий в Узбекистане берет свое начало с принятием Постановления Кабинета министров Республики Узбекистан от 10 декабря 2012 г. «О мерах по внедрению в деятельность судов современных информационно-коммуникационных технологий», которое явилось основанием предоставления интерактивных услуг и внедрения в судебную систему электронного документооборота. С 2013 г. в Узбекистане разработана и запущена Нацио-

нальная информационная система электронного судопроизводства «E-SUD».

Законом Республики Узбекистан от 23 мая 2019 г. в уголовно-процессуальное законодательство внесены изменения, касающиеся использования ВКС в уголовном судопроизводстве. Эта компьютерная технология позволила проводить судебные процессы на значительном расстоянии, когда суд и осужденный находятся далеко друг от друга. Можно отметить позитивные моменты при рассмотрении уголовного дела в режиме ВКС: возможность свидетелям, потерпевшим, находящимся вне территории, где проходит судебное разбирательство, в целях экономии своих средств участвовать в суде и давать показания по месту жительства, вероятность опроса в суде дополнительных свидетелей для установления истины по делу, сокращение сроков рассмотрения дел.

С началом пандемии COVID-19 актуальность проведения дистанционных судебных заседаний возросла, высший судебный орган Узбекистана разъяснил судам о необходимости принятия мер к своевременному рассмотрению уголовных дел с использованием средств видеоконференции¹.

Следует отметить, что в целях защиты прав и свобод граждан, обеспечения открытости и прозрачности деятельности судов руководством Узбекистана принимаются все необходимые меры, в том числе направленные на внедрение в судебную систему современных информационно-коммуникационных технологий. Президент Узбекистана 3 сентября 2020 г. подписал Постановление «О мерах по цифровизации деятельности органов судебной власти», в котором определены задачи цифровизации деятельности органов судебной власти, а именно: обеспечение открытости и прозрачности деятельности судейского сообщества пу-

тем внедрения специальных информационных программ; расширение возможности дистанционного участия в судебных заседаниях, в том числе посредством мобильных устройств и других форм электронного взаимодействия, а также создание условий получения сторонами по делу судебных решений в режиме онлайн; фиксация судебных заседаний во всех судах посредством аудиозаписи на основе ходатайства сторон по делу и с согласия председательствующего, а также формирование протоколов судебных заседаний с использованием системы автоматического формирования судебных документов, разработка мобильного приложения, предоставляющего возможность участия в судебных заседаниях в режиме видео-конференц-связи, и многое другое².

В разных странах мира процедуры, связанные с введением дистанционного правосудия, имеют как сходства, так и различия. Во многих странах до возникновения пандемии COVID-19 уже были приняты законы и нормативные документы об организации ВКС в судебных заседаниях. Однако именно пандемия коронавируса и принимаемые государствами карантинные меры стали своеобразным толчком для массового использования судами средств коммуникационных технологий.

Как показал анализ практики судов по применению информационных технологий при отправлении правосудия, большинство стран мира в период ограничительных мер, связанных с пандемией коронавируса, перевели судопроизводство на дистанционный формат работы в целях предотвращения угрозы распространения коронавирусной инфекции.

В то же время увеличение объема уголовных дел, рассмотрение которых проводится в режиме ВКС, ведение элек-

тронного документооборота выявило некоторые особенности информационных технологий. Анализ проведения дистанционного судебного заседания показал следующее:

– в отдаленных от центра территориях все еще существует проблема подключения к единой сети Интернет;

– не все граждане, выступающие в качестве потерпевших, свидетелей, могут пользоваться новыми технологиями, судебный процесс и опрос его участников в большинстве случаев происходит в зданиях судов, что может оказать давление на потерпевших и свидетелей при даче ими показаний;

– незащищенность сети, т. е. ведение публичного судебного заседания через сеть Интернет может придать широкой огласке участие гражданина в суде и стать причиной нарушения его чести и достоинства;

– участие обвиняемого, находящегося под стражей, в судебном заседании в режиме ВКС и дача им показаний вызывает некоторые сомнения в их правдивости, поскольку процедура опроса осуществляется при участии работников следственного изолятора;

– отмечается, что ведение судебного заседания в режиме ВКС ограничивает права защитника и обвиняемого на беседу друг с другом, корректировать собственные показания и формулировать вопросы;

– отсутствие законодательной регламентации проведения судебного заседания в формате ВКС.

Безусловно, внедрение цифровых технологий в деятельность судов, проведение судебных заседаний в режиме ВКС, особенно в период пандемии COVID-19, помогли решить первостепенные задачи государства по отправлению правосудия. Но все же, учитывая специфику уголовного судопроизводства, следует принять

во внимание следующие факторы, требующие скорейшего решения.

1. При работе с электронными документами требуется законодательная защита от несанкционированного доступа и недопущение внесения в документы изменений в их содержание. Цифровизация должна отвечать требованиям уголовного судопроизводства, его особенностям, в том числе касающимся конфиденциальности показаний потерпевших, свидетелей и других участников процесса.

2. В период разгара пандемии COVID-19, вероятности второй ее волны назрела необходимость разработки единой цифровой платформы для судов с повышенным уровнем защиты каналов, по которой передается информация лиц, участвующих в деле, а также самостоятельным сервером для хранения информации по каждому конкретному делу. Уместно отметить специфику дел, судебные заседания по которым в офлайн-режиме проводились бы в закрытых судебных заседаниях (преступления против половой свободы, по делам, связанным с государственными секретами и др.), поскольку этот вопрос следует регламентировать в законе отдельно.

3. Проведение судебных заседаний в режиме ВКС никоим образом не должно нарушать права участников уголовного судопроизводства. Обвиняемому должна быть предоставлена возможность неограниченное время общаться со своим защитником, потерпевшие и свидетели свои показания в суде должны давать свободно, без всяческого давления со стороны организаторов процесса ВКС. При этом обеспечение безопасности всех участников судебного процесса является основополагающим элементом справедливого судебного процесса.

4. Следует гарантировать всем участникам процесса обеспечение прав на защиту как обвиняемого, так и потерпев-

ших, свидетелей. Как правило, защитнику необходимо обеспечить отдельное помещение с налаженной сетью Интернет либо Skype в целях его свободного общения со своим подзащитным неограниченное время. В этом контексте следует также обеспечить обвиняемому его право на объективное, свободное повествование события преступления, поскольку обвиняемый, находящийся под стражей, участвует в судебном заседании в режиме ВКС в присутствии сотрудников учреждения по исполнению наказания и находится под их надзором.

5. Конечно, мы не сможем полностью заменить реальный судебный процесс цифровыми технологиями. Однако события, связанные с пандемией корона-

вируса, вынудили судебные органы использовать возможности ВКС в судебной деятельности и таким образом осуществлять свои функции по отправлению правосудия.

Поэтому наша задача – использовать новые технологии лишь с условием гарантии прав граждан, участвующих в уголовном судопроизводстве. Кроме того, следует принимать во внимание, что при оценке доказательств, собранных по делу, суд должен проверить их достоверность с учетом качества изображения, звука и других факторов, которые впоследствии могут иметь значения для решения вопроса о виновности или невиновности лица.

¹ См.: О некоторых вопросах применения судами законодательства в связи с введением на территории Республики Узбекистан мер по предотвращению распространения коронавирусной инфекции COVID-19 : постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан от 28 апреля 2020 г. № 8. URL: www.supcourt.uz

² См.: URL: <https://prezident.uz/>

Ташкентский государственный юридический университет

Суюнова Д. Ж., доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права

E-mail: dilbar_suyunova@mail.ru

Tashkent State Law University

Suyunova D. Zh., Doctor of Legal Sciences, Professor of the Criminal Procedure Law Department

E-mail: dilbar_suyunova@mail.ru

УДК 343.96

С. Н. Боков

Воронежский государственный университет

О НЕЙРОПСИХИАТРИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ СЕРИЙНЫХ УБИЙЦ

Аннотация: *проводится обзор современных научных представлений о связи серийных преступлений с имеющимися у серийных преступников нейропсихиатрическими нарушениями. Предложены пути разработки тактических рекомендаций для следователей по проведению допроса лиц, подозреваемых в совершении серийных преступлений, в частности – серийных убийств.*

Ключевые слова: *серийные преступления, серийные убийства, уголовная патология, психические болезни и преступность, нейропсихиатрия.*

ABOUT NEUROPSYCHIATRIC FEATURES OF SERIAL KILLERS

Abstract: *the article provides an overview of modern scientific ideas about the connection of serial crimes with neuropsychiatric disorders existing in serial criminals. The ways of developing tactical recommendations for investigators to interrogate persons suspected of committing serial crimes, in particular serial murders, are proposed.*

Key words: *serial crimes, serial murders, criminal pathology, mental illness and crime, neuropsychiatry.*

Поступила в редакцию 21 октября 2021 г.

Вопрос о наличии у серийных преступников характерных психопатологических особенностей обсуждается в научной литературе уже давно, однако до сих пор никаких четких доказательств наличия у них определенных психопатологических особенностей не получено. Проблема же является чрезвычайно актуальной, так как никакие другие преступления так больше не захватывают, не будоражат общественное мнение, как серийные преступления (особенно серийные убийства). Отечественных публикаций фактически нет. Многочислен-

ные зарубежные разбросаны (несмотря на то, что они касаются именно психопатологических особенностей) в различных психиатрических, психологических, криминологических, социологических, правовых и судебно-медицинских изданиях. Следует также учитывать, что в англоязычной литературе граница между психиатрическим и психологическим всегда стерта, и то, о чем ведет речь тот или иной автор в своей публикации, необходимо выводить из ее контекста.

Каких-либо интеллектуальных особенностей серийных убийц (имеется в виду академический интеллект), по данным американских исследователей, не

обнаруживается – они могут быть самыми разнообразными, в том числе и низкого уровня, однако по мере увеличения числа криминальных эпизодов происходит как бы самообучение серийного преступника – его действия становятся все более совершенными и изощренными¹.

Иные психопатологические особенности серийных преступников различаются в зависимости от того, к какой классификационной группе они принадлежат. Существует не одна классификация серийных преступников, каждая из которых построена на достаточно разных классификационных основаниях.

Большинство исследователей указывают на наличие у серийных убийц различных нарушений сексуального поведения – гиперсексуальности, садизма, мазохизма, трансвестизма, эксгибиционизма, вуайеризма, фетишизма, педофилии, зоофилии, фроттеризма, некрофилии и т. п. Как правило, нарушения сексуального поведения возникают намного раньше, чем начинают совершаться убийства. Отмечается также возможное наличие у них височной эпилепсии, биполярного аффективного расстройства, шизоидного расстройства личности, диссоциативного расстройства личности, нарциссического расстройства личности².

Проведенные исследования выявили у серийных убийц изменения электрофизиологических и нейропсихологических показателей, а также более низкие уровни серотонина и моноаминоксидазы³.

На электроэнцефалограмме серийных преступников выявляется чрезмерная активность тета-волн.

Результаты проведенных у серийных преступников компьютерной томографии, магнитно-резонансной томографии, исследования регионального мозгового кровотока и позитронно-эмиссионной томографии позволили сделать выводы о том, что дисфункция лобных

долей в большей степени связана с совершением убийств, в то время как дисфункция височных долей – с совершением сексуальных преступлений⁴.

Сообщается о связи церебральных аномалий с педофилией – при инструментальных исследованиях у преступников обнаруживаются аномальные изменения на электроэнцефалограмме, измененные результаты компьютерной томографии и нейропсихологических исследований. Отмечается, что очаги поражения локализируются в левой височно-теменной области⁵.

Внезапный, взрывной характер некоторых форм агрессивных проявлений у серийных преступников дал возможность предполагать наличие у них судорожных расстройств неконвульсивного типа (так называемых височных, или психомоторных, приступов). Довольно часто диагнозы эпилепсии и сексуально-го садизма сосуществуют.

Р. М. Post допускает, что серийные убийства могут совершаться по механизмам рецидивирующей депрессии или биполярного расстройства⁶.

Ряд авторов в качестве причины агрессивного поведения серийных преступников рассматривают перенесенные ими черепно-мозговые травмы.

Возникающие у лиц, перенесших травматическое поражение головного мозга, раздражительность, импульсивность и склонность к агрессивному поведению столь часты, что они дают основания рассматривать травмы головного мозга как нейропсихологическую (нейропсихиатрическую) модель криминального насилия с возможностью распространения этой модели на серийные убийства⁷.

Немалое число нейропсихиатрических исследований посвящено изучению предкриминального поведения серийных преступников. Решение этой про-

блемы позволило бы в определенной степени профилактировать такие преступления. Некоторые исследователи в качестве таких поведенческих и психосоциальных характеристик приводят конкретность, когнитивную негибкость, импульсивность, плохую организацию и планирование, нарушение решения проблем, отсутствие самоконтроля, раздражительность, эгоцентризм, отсутствие эмпатии, проблемы с поддержанием мотивации, неосознанность личного влияния на других, общее социально неадекватное поведение⁸. Однако целый ряд других клиницистов ставит под сомнение результаты подобных исследований, оценивая подобные нейропсихиатрические особенности как неспецифические.

На сегодняшний день не получено убедительных доказательств наличия у серийных преступников специфических нейропсихиатрических расстройств, которые могли бы быть использованы в процессе раскрытия и расследования таких преступлений. Вместе с тем при наличии круга подозреваемых в первую очередь следует обращать внимание на лиц с ранее установленной психической

патологией, лиц с перенесенными в прошлом черепно-мозговыми травмами и судорожными приступами в анамнезе, а также на лиц с нестандартным поведением и необычными интересами и увлечениями.

В этой связи исключительно актуальной представляется задача разработки тактических рекомендаций для следователей по проведению допроса лиц, подозреваемых в совершении серийных преступлений, в частности – серийных убийств. Подобных публикаций, в основе которых лежали бы научные нейропсихиатрические представления, в отечественной криминалистической литературе до настоящего времени нет.

Подобные рекомендации должны основываться, во-первых, на достижениях современной нейропсихиатрии; во-вторых, учитывать неспецифический характер мозговых и поведенческих проявлений у таких лиц; в-третьих, быть понятными и доступными для реализации следователями, которые не имеют специальной психолого-психиатрической подготовки.

¹ См.: *Starr M. et al.* The random killers : an epidemic of serial murder sparks growing concern. *Newsweek*, 1984. November, 26. P. 100–106.

² См.: *Hickey E. W.* Serial Murderers and Their Victims. 2nd ed. Belmont : Wadsworth, 1997 ; *Money J.* Forensic sexology : paraphilic serial rape (blastophilia) and lust murder (erotophonophilia) // *American Journal of Psychotherapy*. 1990. № 44. P. 26–36.

³ *Coccaro E. F. et al.* Impulsive aggression in personality disorder correlates with tritiated paroxetine binding in the platelet // *Archives of General Psychiatry*. 1996. № 53. P. 31–536 ; *Virkkunen M. E., Linnoila M.* Serotonin in personality disorders with habitual violence and impulsivity // *Hodgins S. (Ed.)*. *Mental Disorders and Crime*. Newbury Park : Sage, 1993. P. 194–207 ; *Volavka J.* The neurobiology of violence : an update // *Journal of Neuropsychiatry and Clinical Neuroscience*. 1999. № 11. P. 307–314.

⁴ См.: *Raine A. et al.* Reduced prefrontal and increased subcortical brain functioning as assessed using positron emission tomography in predatory and affective murderers // *Behavioral Sciences and the Law*. 1998. № 16. P. 319–332.

⁵ См.: *Hucker S. et al.* Neuropsychological impairment in pedophiles // *Canadian Journal of Behavioral Science*. 1986. № 18. P. 440–448.

⁶ См.: *Post R. M.* Intermittent versus continuous stimulation : effect of time interval on the development of sensitization or tolerance // *Life Sciences*. 1980. № 26. P. 275–1282.

⁷ См.: *Elliott F. A.* Neurology of aggression and episodic dyscontrol // *Seminars in Neurology*. 1990. № 10. P. 303–312; *Idem.* Violence: the neurologic contribution: an overview // *Archives of Neurology*. 1992. № 49. P. 595–603.

⁸ См.: *Eslinger P. J.* Neurological and neuropsychological bases of empathy // *European Neurology*. 1998. № 39. P. 193–199; *Miller L.* Psychotherapy of the Brain-Injured Patient: Reclaiming the Shattered Self. New York: Norton, 1993; *Idem.* Neuropsychology and pathophysiology of mild head injury and the postconcussion syndrome: clinical and forensic considerations // *Journal of Cognitive Rehabilitation*. 1996. № 14 (1). P. 8–23; *Stuss D. T., Benson D. F.* Neuropsychological studies of the frontal lobes // *Psychological Bulletin*. 1984. № 95. P. 3–28.

Воронежский государственный университет

Voronezh State University

Бокон С. Н., кандидат медицинских наук, доцент кафедры криминалистики юридического факультета, доцент по кафедре общей и юридической психологии

Bokov S. N., Candidate of Medical Sciences, Associate Professor of the Criminalistics Department, Associate Professor of the Department of General and Legal Psychology

E-mail: bokov@law.vsu.ru

E-mail: bokov@law.vsu.ru

ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИСТОЧНИК КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация: рассматриваются различные аспекты использования информационно-телекоммуникационных технологий как источника криминалистически значимой информации о прогнозировании поведения участников судопроизводства, выдвижения новых версий и планировании расследования.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационные технологии, криминалистическая идентификация, психологический портрет человека, планирование расследования, выдвижение версий.

INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES AS A SOURCE OF FORENSICALLY SIGNIFICANT INFORMATION

Abstract: the article discusses various aspects of the use of information and telecommunication technologies as a source of forensically significant information about predicting the behavior of participants in legal proceedings, proposing new versions and planning an investigation.

Key words: information and telecommunication technologies, forensic identification, psychological portrait of a person, planning an investigation, putting forward versions.

Поступила в редакцию 8 октября 2021 г.

По данным МВД РФ за период с января по декабрь 2020 г. число преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, возросло на 73,4 %, в том числе с использованием сети Интернет – на 91,3 %, при помощи средств мобильной связи – на 88,3 %¹.

Соответственно, использованиеотовых телефонов и гаджетов в таком же процентном соотношении увеличило содержание криминалистически значимой информации в сети Интернет.

Р. С. Белкин дал определение криминалистически значимой информации как «сведения, данные, имеющие отношение к раскрытию и расследованию преступления. Подразделяется на дока-

зательственную информацию, содержащуюся в доказательствах, и ориентирующую – полученную из непроцессуальных источников и доказательственного значения не имеющую; последняя может быть использована для выдвижения версий, определения направлений расследования, планирования следственных действий, прогнозирования возможной линии поведения участников расследования и т. п.; криминалистически значимой может оказаться любая информация любой природы»².

К непроцессуальным источникам криминалистически значимой информации можно отнести материалы, полученные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Основной криминалистически значимой информации являются:

1) криминалистическая идентификация, т. е. способность человека отражаться различными проявлениями в оставленных им следах;

2) криминалистическое учение о поведении человека, особенностях его взаимодействия с другими людьми и окружающим миром;

3) закон диалектики – переход количества в качество, т. е. накопление информации об одном преступнике или его взаимодействии с другими людьми может стать новой версией, иным направлением в планировании расследования или предположением о возможной линии поведения преступника.

1. Криминалистическая идентификация в сети Интернет происходит за счет отражения человека в фотографиях, видеозаписях и даже рисунков капиллярных узоров пальцев руки.

Так, в городе Сакраменто США 23-летний Хосе Роберт Поррас III был заподозрен в совершении незаконного оборота наркотических средств после того, как в социальных сетях он выложил предлагаемую к покупке марихуану на своей ладони. На этом фотоснимке был четко виден папиллярный узор его пальца рук, по которому полицейские и вычислили преступника. Позже они произвели контрольную закупку и задержали наркоторговца³.

2. Криминалистическое учение о поведении человека, особенностях его взаимодействия с другими людьми и окружающим миром.

По фотографиям и видеозаписям в социальных сетях можно не только идентифицировать человека, но и определить его местонахождение, круг его друзей и знакомых, а значит и связь между участниками судопроизводства.

Близкий круг общения можно установить по лайкам и преобладанию комментариев определенными лицами. Если

информации о проверяемом человеке в Интернете мало, то предпочтения его друзей также послужат формированием представления о личности. Например, обращая внимание на хештеги, можно выявить комьюнити – принадлежность к сообществу людей со сходными интересами, которые предпочитают общаться только через сеть Интернет.

Количество и содержание фотографий в социальных сетях говорит о вкусах и предпочтениях человека, его эмоциональном состоянии и отношении к окружающему социуму. Например, если интерпретировать преобладающие цвета на фотографиях по тесту Люшера, то можно определить настроение человека, наиболее устойчивые черты его личности. Исследования Макса Люшера указывают, что если предпочтительными оказываются основные цвета (синий, сине-зеленый, оранжево-красный, светло-желтый), то человек находится к гармонии с самим собой и окружающими его людьми. Такие цвета, как коричневый, черный, серый, соответствуют угрюмому или беспокойному состоянию⁴. По содержанию фотографий можно сказать о предпочтениях человека и его круге общения. Например, фотографии с кошками или собаками, отсутствие людей на фотографиях говорят о добродушном и эмоционально одиоком человеке. Фото в окружении людей, множество фотографий друзей и знакомых на страничке в социальной сети указывают на коммуникабельного человека. Фотографии с изображением работ, сделанных своими руками, расскажут о хобби владельца странички.

Анализ групп в социальных сетях необходим для выяснения предпочтений человека. Например, подписка на социально опасные группы, сообщества, в которых пропагандируют расовую, национальную, религиозную ненависть, ука-

зывает не только на человека, склонного к совершению преступления, но и подлежит проверке с целью закрытия таких групп в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁵.

3. Полученная информация о человеке в сети Интернет может быть собрана, накоплена и систематизирована. Обработанная информация представляет собой часть криминалистически значимой

информации, с помощью которой составляется психологический портрет изучаемого человека, выдвигаются предложения о линии его поведения.

Таким образом, информационно-телекоммуникационные технологии являются одним из источников криминалистически значимой информации о прогнозировании поведения участников судопроизводства, выдвижения новых версий и планировании расследования.

¹ См.: Краткая характеристика состояния преступности в РФ за январь–декабрь 2020 года // Сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 07.10.2021).

² Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд., доп. М.: Мегатрон XXI, 2000. С. 84.

³ См.: Наркодилера вычислили по фотографии ладони с товаром. URL: <http://turbo.lenta.ru/news> (дата обращения: 07.10.2021).

⁴ См.: Базыма Б. А. Цветовой тест Макса Люшера. URL: <https://psyfactor.org/lib/colorpsy7.htm> (дата обращения: 25.09.2021).

⁵ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ.

*Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет*

Карнаухова О. Г., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебных экспертиз и криминалистики

E-mail: oksana309@list.ru

Тел.: 8-911-791-68-24

*Saint Petersburg State University of Architecture
and Civil Engineering*

Karnaukhova O. G., Candidate of Legal Sciences, Associated Professor, Associated Professor of the Department of Judicial Examinations and Criminalistics

E-mail: oksana309@list.ru

Tel.: 8-911-791-68-24

МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

А н н о т а ц и я: стремительная интеграция цифровизации во все сферы общественной жизни стала основной причиной резкого возрастания количества преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Становление цифровой экономики в Российской Федерации показало необходимость поиска новых способов обеспечения информационной безопасности, в том числе эффективных средств и методик выявления, раскрытия и расследования преступлений. Автором приводятся статистические данные за последние пять лет о преступлениях, совершенных с использованием современных информационных технологий, подтверждающих тенденцию увеличения их количества. Рассмотрение примеров из правоприменительной и судебной практики выявило недостаточную степень использования возможностей цифровой криминалистики для расследования преступлений, что влечет за собой утрату информации, имеющей доказательственное значение по уголовному делу. Особое внимание в статье уделено перспективам применения цифровой криминалистики для выявления цифровых следов и установления обстоятельств совершенного преступления.

К л ю ч е в ы е с л о в а: методика расследования, цифровизация, цифровая экономика, киберпреступления, преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, цифровые следы, современные ИТ-технологии.

METHODOLOGY FOR INVESTIGATING CRIMES COMMITTED USING INFORMATION TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIE

A b s t r a c t: urgency of an issue concerning the rapid digitalization development of all areas of society caused the spur increase of crime numbers committed using information telecommunication technologies. Formation of the digital economy in the Russian Federation has shown the necessity to look for new methods to ensure the information security, including effective means and methods of detection, solving and investigation of crimes. Statistics are given by the author for last five years in respect to crimes committed using modern information technologies that confirm a trend of their number increasing. Evaluation of different scientists' points of view allowed the definition of the term «Digital economy». Study of examples within law enforcement practice and case law detected insufficient use of digital forensics for investigation of crimes what caused the loss of information which has the evidential significance for a criminal case. Special attention is given herein to further use of digital forensics to detect digital footprints as well as establish fact of crime committed.

Key words: methodology for the investigation, digitalization, cybercrimes, crimes committed using information telecommunication technologies, digital evidences, modern information technologies.

Поступила в редакцию 16 октября 2021 г.

Об актуальности исследуемого вопроса свидетельствует тот факт, что цифровизация проникает во все сферы общественных отношений, делая привычным использование различных современных информационно-коммуникационных технологий в повседневной жизни. Необходимость разработки частной криминалистической методики расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, обуславливается тем, что стремительное развитие цифровой экономики, большая популярность различных информационных систем стали причиной увеличения количества преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации за период с января по декабрь 2019 г. правоохранительными органами Российской Федерации выявлено и зарегистрировано 294 409 киберпреступлений. По сравнению с показателями за аналогичный период 2018 г. наблюдается значительный прирост – 68,5 %. Также в 2019 г. было предварительно расследовано 65 238 преступлений, прирост составил 50,4 %. Условия пандемии обусловили резкий скачок роста преступности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Так, за шесть месяцев 2020 г. органами, осуществляющими правоохранительную деятельность в России, зарегистрировано 225 537 преступлений (прирост составил 92 %).

По итогам девяти месяцев выявлено в два раза больше мошенничеств, совершенных с использованием электронных средств платежа: 23 500 преступлений, прирост составил 95,6 %. На деяния, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных техно-

логий или в сфере компьютерной информации, приходится одно из четырех регистрируемых в текущем году преступлений (всего 363 000 преступлений).

Как и прежде, больше половины всех преступлений, которые были совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, совершается с использованием сети Интернет (209 700 преступлений), свыше 42 % – посредством мобильной связи (155 200 преступлений).

С использованием сети Интернет совершено более половины всех преступлений экстремистской направленности, общий массив которых увеличился на 43,4 %.

Проанализировав статистические данные за период с 2015 по 2020 г., можно сделать вывод, что за последние пять лет количество преступлений, совершенных в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, возросло более чем в шесть раз¹.

Данные статистики свидетельствуют о более чем значительном увеличении количества преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Следует отметить, что в силу как объективных, так и субъективных причин существует большая степень вероятности низкого уровня расследования таких дел.

В этой связи все более актуальной становится проблема поиска эффективных методов и средств выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершенных с использованием IT-технологий, что обусловило необходимость разработки новых методик расследования.

В основе выделения методики расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в отдельный раздел помимо способа совер-

шения также лежит особенность такого элемента криминалистической характеристики преступления, как механизм следообразования. Здесь необходимо подчеркнуть, что в большинстве своем следы, содержащие цифровую информацию, могут быть на материальном носителе (ноутбуке, телефоне, гаджетах, внешних съемных запоминающих устройствах, роутерах, видеорегистраторах и т. д.), а другие – существовать исключительно в виртуальном пространстве (это так называемая «интернет-тень», информация о посещении различных ресурсов сети Интернет, веб-страниц (сайтов, социальных сетей), данные об электронных транзакциях, данные, хранящиеся в облачных сервисах, на серверах и т. д.). Разнообразие способов совершения преступлений обуславливает возможность возникновения широкого спектра цифровых следов.

Представляет интерес то, что исследование цифровых доказательств является перспективным не только для расследования киберпреступлений, но и для традиционных видов преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий. Однако существенным пробелом в процессе доказывания таких преступлений является неиспользование всех возможностей цифровой криминалистики, в частности специальных познаний, следствием чего является утрата цифровых доказательств. Это подтверждается многочисленными примерами из правоприменительной и судебной практики.

Так, в период времени с 10 ноября 2018 г. по 15 марта 2019 г. Д. П. Цуканов, располагая информацией о возможности незаконного сбыта наркотических средств через тайники, с помощью имеющегося при нем личного сотового телефона с доступом к информационно-телекоммуникационной сети (включая сеть

Интернет), с установленной на нем системой мгновенных сообщений в кроссплатформенном мессенджере «Telegram», в которой, используя виртуальное имя (никнейм) «Неприметная личность» посредством смс-сообщений вступил с ранее неизвестным ему лицом, использующим в «Telegram» виртуальное имя (никнейм) «Хомяк», в преступный сговор, направленный на совместный незаконный сбыт наркотических средств в крупном размере на территории г. Орла и Орловской области, бесконтактным способом посредством тайников с использованием Интернета. Согласно договоренности, достигнутой между Д. П. Цукановым и неустановленным следствием лицом, последний оставлял в тайниках наркотические средства, сведения о местонахождении которых сообщал посредством сообщений в «Telegram», а Д. П. Цуканов, в свою очередь, согласно отведенной ему роли, бесконтактным способом посредством тайников получал для последующего незаконного сбыта наркотические средства, самостоятельно осуществлял закладки и посредством «Telegram» общал неустановленному следствием лицу о месте их нахождения. После задержания Д. П. Цуканова в ходе личного досмотра у него был обнаружен и изъят смартфон «iPhone». В ходе производства предварительного расследования указанный смартфон был осмотрен и была обнаружена переписка в приложении «Telegram» с неустановленным лицом, содержащая информацию о местах закладок. В ходе расследования личность и местонахождение указанного лица не были установлены, в этой связи материалы в отношении него были выделены в отдельное производство².

Другим примером является расследование уголовного дела в отношении А. О. Насонова, который по аналогичной схеме осуществлял сбыт наркотиче-

ских средств на территории г. Челябинска. В ходе производства по уголовному делу у А. О. Насонова был обнаружен и изъят мобильный телефон, в результате осмотра которого было установлено наличие в памяти телефона фотографических снимков мест нахождения тайников, в которых он оставлял пакетики с наркотическими средствами, sms-переписка с лицом, зарегистрированным под никнеймом. Мобильный телефон был признан вещественным доказательством. Соучастник установлен не был, уголовное дело было выделено в отдельное производство³.

В приведенных примерах не были использованы возможности цифровой криминалистики, вследствие чего не были обнаружены цифровые следы, позволившие бы установить личность соучастников Д. П. Цуканова и А. О. Насонова, поскольку следователи ограничились осмотром мобильных телефонов, подтвердив только сам факт переписки с неустановленными лицами и наличие единого умысла на сбыт наркотических средств бесконтактным способом.

Полагаем, в рассмотренных случаях более информативным было бы изучить цифровые следы. В этой связи целесообразно было бы использовать следующий алгоритм действий:

– осмотр мобильного телефона с привлечением специалиста – компьютерного техника и использованием современных криминалистических про-

граммных комплексов (например, «Мобильный криминалист», «UFED», «Belkasoft Evidence Center»);

– при установлении данных о времени осуществления звонка или отправки сообщения в мессенджере, о месте нахождения лиц составить графы взаимодействия, провести анализ биллингов операторов сотовой связи;

– исходя из полученной информации, установить возможных соучастников преступления, произвести их задержание, допросы, очные ставки;

– назначить и провести судебные экспертизы (в частности, судебную компьютерную экспертизу по исследованию цифровых следов).

Представленный алгоритм носит общий характер, но с учетом конкретных обстоятельств расследуемого уголовного дела может быть использован в качестве криминалистических рекомендаций при расследовании преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Таким образом, использование возможностей цифровой криминалистики является перспективным для эффективного выявления, раскрытия и расследования различных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В этой связи назрела необходимость в разработке новой эффективной методики расследования рассматриваемых преступлений.

¹ См.: Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 07.10.2021).

² См.: Приговор Железнодорожного районного суда г. Орла (Орловская область) № 1-190/2019 от 13 августа 2019 г. по делу № 1-190/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1JAcca6wU0bW/> (дата обращения: 15.10.2021).

³ См.: Приговор Курчатовского районного суда г. Челябинска (Челябинская область) № 1-276/2017 от 29 июня 2017 г. по делу № 1-276/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YNbSf9WITGJ4/> (дата обращения: 12.10.2021).

Волгоградская академия МВД России

Климова Я. А., кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики УНК по ПС
в ОВД

E-mail: aya3008@yandex.ru

Тел.: 8-917-833-25-11

Volgograd Academy of the MIA of Russia

Klimova Ya. A., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department of Forensic
Science

E-mail: aya3008@yandex.ru

Tel.: 8-917-833-25-11

КРИМИНАЛИСТИКА В СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация: научная статья посвящена выявлению и исследованию проблем формирования криминалистических основ судебной деятельности в условиях современного состязательного уголовного судопроизводства. Представлено авторское видение методологической концепции криминалистической составляющей процессуальной деятельности суда, базирующейся на интегративном ситуационном подходе, предопределяющем необходимость выявления и исследования типовых проблемных криминалистических ситуаций, возникающих в процессе формирования, исследования и оценки судом доказательств при разрешении уголовных дел различных категорий. Отражены отдельные авторские положения, характеризующие тактико-криминалистические особенности судебной деятельности.

Ключевые слова: суд, криминалистическая ситуация, доказывание, частная криминалистическая методика судебной деятельности, объективная истина, состязательность уголовного процесса, тактика суда, тактическое решение, оценка доказательств, противоречивость и неполнота доказательственной базы.

CRIMINALISTICS IN JUDICIAL ACTIVITY: PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM

Abstract: the scientific article is devoted to the identification and research of the problems of the formation of the forensic foundations of judicial activity in the conditions of modern adversarial criminal proceedings. The author's vision of the methodological concept of the criminalistic component of the procedural activity of the court is presented, based on an integrative situational approach that determines the need to identify and study typical problematic criminalistic situations that arise in the process of formation, research and evaluation by the court of evidence in the resolution of criminal cases of various categories. Some author's provisions characterizing the tactical and criminalistic features of judicial activity are characterized.

Key words: court, forensic situation, evidence, private forensic methodology of judicial activity, objective truth, adversarial nature of criminal proceedings, court tactics, tactical decision, evaluation of evidence, inconsistency and incompleteness of the evidence base.

Поступила в редакцию 30 сентября 2021 г.

Проблемы криминалистического обеспечения судебной деятельности глубоки и многогранны.

Суд – особый участник уголовного судопроизводства, его деятельность характеризуется существенной специфи-

кой, обусловленной целями, задачами, статусом и функциями судьи, а также процессуальными особенностями осуществления правосудия по уголовным делам.

Данные факторы предопределяют необходимость формирования индивидуальных криминалистических рекомендаций, адресованных судам, однако

криминалистические основы судебной деятельности в науке разработаны недостаточно.

Тактико-криминалистическим аспектам судебного разбирательства посвящены труды известных советских ученых Л. Е. Ароцкера (Москва, 1964), Г. А. Воробьева (Москва, 1978; Краснодар, 1986), К. С. Егорова (Москва, 1994), Ю. В. Корневского (Москва, 2001)¹.

Но ввиду существенных изменений уголовно-процессуального законодательства многие теоретические положения, представленные в данных работах, к сожалению, в настоящее время являются неактуальными и не могут быть использованы в практической деятельности судей.

После принятия УПК РФ 2001 г. исследование криминалистических аспектов судебной деятельности осуществлялось лишь в крайне немногочисленных научных работах, посвященных изучению криминалистической составляющей судебного разбирательства уголовных дел (за несколько десятилетий можно насчитать не более двадцати научных трудов).

Проблемы криминалистического обеспечения судебного разбирательства охарактеризованы в трудах О. А. Сычевой (Саратов, 2009), С. В. Кобылинской (Краснодар, 2009), Е. В. Цехомской (Краснодар, 2013), А. И. Симака (Ростов-на-Дону, 2013)². Авторами исследованы проблемы организации и тактики судебного следствия. Однако в данных работах специфика деятельности такого участника уголовного процесса, как суд, отражена не в полной мере, поскольку исследованы только отдельные, частные проблемы криминалистической составляющей судебной деятельности, что не позволяет уяснить общеметодологические принципы и алгоритмы работы суда как субъекта криминалистики.

Частичным исключением является лишь одна работа – докторская диссертация А. Ю. Корчагина (Краснодар, 2008). Несмотря на то что научное исследование автора посвящено организационным и методическим основам криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел (т. е. заявлена достаточно широкая тема исследования), в работе уделено значительное внимание криминалистической деятельности суда. Однако, на наш взгляд, далеко не все криминалистические рекомендации автора коррелируют с принципом состязательности уголовного процесса (в частности, считаем ошибочными тезисы автора о том, что суд, осуществляя планирование, должен выявлять ошибки и упущения следователя, конкретизировать последствия упущений и исходя из этого выстраивать план судебного разбирательства)³.

А. Е. Хорошевой (Томск, 2011), А. А. Кирилловой (Краснодар, 2014) представлено авторское видение методики судебного разбирательства по делам об убийствах (разрешаемых как в общем порядке, так и судом присяжных), но адресованы данные методики для использования прежде всего сторонам, но не суду⁴. Криминалистические аспекты судебной деятельности в данных работах практически не представлены, они остались за «кадром».

Безусловно, разработка криминалистических методик судебного разбирательства уголовных дел, направленных на выявление и характеристику специфики криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства на определенной стадии – стадии судебного разбирательства, является весьма перспективным направлением криминалистических исследований, однако наиболее востребованными, на наш взгляд, считаются все же *адресные* методики, в которых

должны быть сформированы криминалистические рекомендации, предназначенные для использования конкретными профессиональными участниками судебного производства (государственным обвинителем, судом) в процессе судебного разбирательства уголовных дел различных категорий в разных формах судебных производств.

Гласность и публичность судебного разбирательства, предопределяющие одновременное исследование всеми участниками процесса фактов и обстоятельств преступного деяния, способствуют выявлению и классификации судебных ситуаций самого широкого спектра, с различными исходными основаниями их классификации и структуризации в рамках соответствующей методики судебного разбирательства уголовного дела конкретной разновидности.

Однако специфика доказательственной деятельности государственного обвинителя, защитника и суда столь различна, что все же наиболее эффективно формирование криминалистических алгоритмов разрешения судебных ситуаций, возникающих в процессе судебного рассмотрения уголовных дел различных категорий применительно к каждому из вышеуказанных субъектов доказывания, в рамках адресных персонифицированных методик – методики судебной деятельности, методики поддержания государственного обвинения, методики реализации защитной деятельности.

Механизм оценки доказательственной информации, гносеологического и процессуального реагирования судьи, адвоката-защитника и государственного обвинителя на ситуации, возникающие в ходе судебного разбирательства, в силу реализуемых ими функций столь качественно отличен, что обуславливает необходимость формирования индивидуальных криминалистических методик,

адресованных судье, государственному обвинителю и адвокату-защитнику и отражающих криминалистическую специфику их деятельности в процессе судебного разбирательства уголовных дел.

Но в настоящее время практически отсутствуют концептуальные методологические исследования криминалистических основ судебной деятельности в условиях современного состязательного уголовного судопроизводства. Нет научных работ, посвященных анализу основ криминалистической *методики судебной деятельности*, реализуемой в рамках уголовного судопроизводства. Отсутствует и какая-либо научно обоснованная концепция криминалистической тактики суда в сфере состязательного уголовного процесса.

Криминалистические аспекты работы суда лишь фрагментарно представлены в формируемых учеными современных методиках судебного разбирательства уголовных дел, а основное внимание в данных работах уделяется более активным в доказательственном отношении субъектам – государственному обвинителю и защитнику.

Причины такого научного вакуума, на наш взгляд, обусловлены несколькими факторами.

Во-первых, несомненна проблематичность определения гносеологического целеполагания уголовно-процессуального доказывания в законодательных нормах УПК РФ 2001 г., что вызывает ожесточенные научные споры теоретиков и практиков, обуславливая затруднения криминалистической направленности, поскольку именно гносеологическая цель доказательственной деятельности суда предопределяет степень активности суда в исследовании обстоятельств совершенного преступления и, соответственно, специфику и границы криминалистических рекомендаций.

Во время действия УПК РСФСР 1960 г. гносеологическое целеполагание доказательственной деятельности суда в уголовном процессе не вызывало сомнений и было четко предопределено ст. 20 закона, в силу которой суд должен был принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств дела. Как отмечает Л. В. Головкин, принцип материальной (объективной) истины был имманентно присущ советскому уголовному судопроизводству, сформированному в рамках континентальной правовой системы⁵.

УПК РФ 2001 г. не содержит подобной нормы, в равной степени в законе отсутствует в принципе какое-либо упоминание дефиниции «истина».

Но вместе с тем познание в уголовном процессе, как и любое познание, как верно отмечает А. А. Брестер, подчиняется общим гносеологическим закономерностям. Основой же современного научного познания является *диалектика*, сущность которой определяют категории *всесторонности, полноты и объективности*⁶. Игнорирование данных категорий делает любое познание безрезультативным и бессмысленным. «Все решения правоприменительных органов, как и все управленческие решения, должны быть обеспечены *достоверной информацией*», – отмечает Н. А. Пьянов⁷. Только истинные знания, справедливо пишет автор, могут быть той базой, которая ведет к законному, обоснованному, целесообразному и справедливому применению права... Истина является основной предпосылкой и законного, и обоснованного, и целесообразного, и справедливого применения права⁸.

Объективная истина как гносеологическая цель уголовно-процессуального доказывания очевидна и несомненна. Но при этом она не должна противопо-

ставляться состязательным началам уголовного судопроизводства. Ибо второй фактор, влекущий проблематичность определения криминалистических основ судебной деятельности, – основополагающий принцип современного уголовного процесса – принцип состязательности, предполагающий активное доказывание не судьей, а сторон обвинения и защиты в исследовании фактов и обстоятельств преступления, что серьезно затрудняет разработку криминалистических рекомендаций, адресованных суду.

Но мы убеждены, что не следует трактовать принцип состязательности как фактор, блокирующий судебное доказывание, предопределяющий пассивность судебной деятельности. Это не так.

Исследование обстоятельств преступления посредством анализа двух различных противоположных аргументированных позиций сторон позволит суду глубже понять сущность фактов и обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Важно понять, что судья, осуществляя уголовно-процессуальное доказывание, исследуя, а в отдельных случаях и собирая доказательства, никоим образом не формирует доказательственную базу обвинения или защиты. Судья имеет полное право по своей инициативе осуществить процесс формирования информации *в случае, когда ее недостаточно для вынесения законного и обоснованного решения или же если данные сведения носят противоречивый характер, и эти проблемы доказательственной базы не устранены сторонами*.

Судом осуществляется **познание** обстоятельств исследуемого события посредством установления фактов и обстоятельств уголовного дела, ибо в ином случае невозможны постановление достоверного и справедливого судебного решения, реализация защиты прав граждан.

При этом степень активности суда в исследовании обстоятельств дела в каждом случае индивидуальна, предопределяема качеством исследуемой доказательственной информации и эффективностью процесса доказывания, реализуемого сторонами обвинения и защиты. Заранее очертить некие гносеологические границы познавательной деятельности суда невозможно.

А. А. Ларинков верно отмечает, что «степень активности судьи определяется его обязанностью по проверке и оценке доказательств *на основании внутреннего убеждения, находится в пределах этого убеждения и определяется им*, иначе будут искажены суть правосудия и назначение уголовного судопроизводства»⁹.

Суд как самостоятельный субъект доказывания, наделенный в соответствии с действующим процессуальным законодательством правом инициирования и производства судебных действий, принятия процессуальных решений, должен быть снабжен эффективными криминалистическими рекомендациями, отражающими алгоритм реализации судебной деятельности в криминалистических ситуациях на различных этапах уголовного судопроизводства.

Необходимость реализации задач, поставленных перед судебной властью государством, обуславливает правомерность активной инициативной деятельности судьи, направленной на достоверное познание исследуемых обстоятельств, но при условии ее реализации исключительно с целью разрешения противоречивой и восполнения неполной (в видении суда) доказательственной информации, отсутствии одностороннего тенденциозного подхода в исследовании и формировании доказательств, и соответствии основополагающим принципам судебной деятельности, положени-

ям уголовно-процессуального законодательства.

Но (и это третья проблема) статус суда, его роль объективного и беспристрастного исследователя фактов и обстоятельств влечет определенные трудности в формировании криминалистических рекомендаций, ибо судья в процессе доказывания не может проводить какую-либо конкретно-определенную тактическую линию поведения и опосредовать целеполаганием ее реализации выбор криминалистических средств и приемов.

В отношении такого участника процесса, как суд, абсолютно не применимы правила, приемы и рекомендации, формируемые в криминалистике в отношении других профессиональных участников процесса.

Поэтому судья не может являться ни субъектом криминалистической методике, ни субъектом криминалистической тактики в том формате, в каком мы традиционно понимаем эти разделы криминалистики.

Криминалистика судебной деятельности – это особый феномен со своими правилами, принципами, постулатами, нуждающимися в глубоком всестороннем исследовании.

В основу формирования методологической концепции криминалистической составляющей деятельности суда, на наш взгляд, должен быть положен качественно иной, новый интегративный подход, предопределяемый спецификой исследовательской направленности процессуальной доказательственной деятельности суда в сфере уголовного судопроизводства и опосредованный сферой интегрированных в криминалистику уголовно-процессуальных институтов и категорий, исследуемых в рамках различных (прежде всего проблемных) криминалистических ситуаций, возникающих в

процессе формирования, исследования и оценки судом доказательств.

Споры о том, где заканчивается уголовный процесс и начинается криминалистика, ведутся много десятилетий.

Мы солидарны с мнением профессора О. Я. Баева, охарактеризовавшего данную проблему в глубокой аналитической статье «Уголовный процесс – криминалистика как система наук, учебных дисциплин и специальностей».

Наиболее важные положения работы процитируем.

Ученый пишет: «Теория доказательств и криминалистика имеют общий объект исследования: практическую деятельность по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательств, доказывание в уголовном судопроизводстве. В этом смысле доказывание в уголовном судопроизводстве – системный, междисциплинарный объект... Теория судебных доказательств формирует, обосновывает и предлагает законодателям источники доказательств, порядок и условия производства тех комплексов познавательных и удостоверительных операций, посредством которых доказательства формируются (главным образом, действий следственных и судебных). Криминалистика на основе познания тех же закономерностей формирует, обосновывает и предлагает правоприменителям технические, тактические и методические приемы и рекомендации по осуществлению информационно-познавательной деятельности... главное при разграничении предметов криминалистики и теории доказательств, по всей вероятности, не столько в степени общности закономерностей, ими исследуемых, сколько в целях их изучения этими научными дисциплинами. Целью изучения информационных закономерностей теорией доказательств является учет их самих и результатов их проявления в

возникновении и развитии норм доказательственного права, его институтов и систем. Но процессуальные отношения не охватывают и не могут охватить всей многогранной, далеко не инвариантной деятельности по собиранию, исследованию, использованию и оценке доказательств... Теория доказательств не может облечь в форму соответствующих правоотношений весь процесс доказывания, формализовать всю информационно-познавательную деятельность по расследованию преступлений. А именно она – информационно-познавательная деятельность лица, осуществляющего уголовно-процессуальное исследование преступлений, – есть предметная область науки криминалистики. Социальная и государственная потребность (необходимость) в познании структуры информационно-познавательной деятельности в данной специфической области, регулируемой процессуальными правоотношениями, на основе осмысления закономерностей, которым она подчиняется, в создании рациональных соответствующих уровню правосознания общества средств и способов этой деятельности по большому счету и составляет предмет науки криминалистики»¹⁰.

Несмотря на индивидуальность криминалистических ситуаций, возникающих в процессе судебного исследования каждого уголовного дела, существуют закономерности механизма совершения конкретных видов преступлений, обуславливающих специфику установления судом фактов и обстоятельств исследуемых деяний и предопределяющих наличие определенных особенностей доказательственной деятельности суда.

Элементы доказывания (формирование, проверка и оценка доказательств), являясь категориями доказательственного права, но будучи исследованы в рамках ситуационного подхода, приме-

няемого для анализа исследовательской судебной деятельности в проблемных криминалистических ситуациях, возникающих в процессе оценки свойств доказательств, их изучения (а в отдельных случаях и формирования) в целях проверки общих и частных криминалистических версий сторон и (при необходимости) самого судьи для оптимизации правоприменительной судебной деятельности, приобретают уже криминалистическую направленность и формируют криминалистический алгоритм судебного доказывания.

Потому возможно и необходимо выявление типовых проблемных с позиции криминалистического судебного доказывания ситуаций, возникающих в процессе исследования, оценки, а также формирования судом доказательств по уголовным делам конкретных видов и разработка эффективных алгоритмов их решения.

Проблемные ситуации могут иметь место при установлении и оценке самых разных элементов составов преступлений – объективной стороны, субъекта, субъективной стороны.

Особо хотим подчеркнуть, что мы ни в коем случае не посягаем на свободу оценки доказательств по внутреннему убеждению судьи, но считаем, что наличие судейского усмотрения (в любой сфере судебной деятельности, в том числе и в процессе оценки свойств доказательств) предопределяет возможность и необходимость формирования соответствующих криминалистических рекомендаций, поскольку позволит судьям на качественно более высоком уровне осуществлять правосудие по уголовным делам.

Ситуационный подход является, на наш взгляд, *исключительной методологической основой для формирования криминалистических рекомендаций суду*, который в силу своего статуса и специфики

функций не может являться субъектом, реализующим конкретную, заранее избранную гносеологическую линию, опосредуя целеполаганием ее реализации выбор конкретных криминалистических приемов, средств и методов (в отличие от следователя, государственного обвинителя и адвоката-защитника).

Необходимость обеспечения объективного и беспристрастного подхода судьи к получению доказательственной информации требует разработки специфических криминалистических методов и приемов тактической судебной деятельности.

В данном случае следует вести речь об особой специфической криминалистической тактике – тактике исследователя.

Новая концепция тактики суда в современных условиях состязательного уголовного судопроизводства должна включать в себя понятие, признаки, принципы тактической судебной деятельности, отражать сферу ее действия, концептуальные основы производства судебных действий и принятия судом тактических решений.

Считаем, что криминалистическая тактика суда представляет собой систему научных положений и разрабатываемых на их основе тактико-криминалистических приемов, характеризующих деятельность судьи, связанную с принятием процессуальных решений и производством судебных действий *в условиях воспрепятствования* познанию достоверных обстоятельств исследуемого события в проблемных судебных ситуациях, характеризующихся неполнотой и противоречивостью доказательственной информации с целью защиты прав и свобод личности, интересов общества и государства.

При этом организационное и гносеологическое воспрепятствование судеб-

ной деятельности должно являться реальным, а не потенциальным (поскольку в ином случае судья превращается либо в обвинителя, начиная осуществлять функцию уголовного преследования, либо в защитника, теряя объективность и беспристрастность).

Тактическое решение судьи заключается в выборе эффективных методов и средств воздействия на проблемную криминалистическую судебную ситуацию с целью устранения препятствий для познания судом объективных обстоятельств события (при наличии неполноты или противоречивости доказательственной информации). Оно не может быть опосредовано целеполаганием достижения какого-либо заранее запрограммированного конкретного результата как части общей запланированной программы судебной деятельности (поскольку потенциально сопряжено с выходом судьи за пределы своей компетенции и утратой им объективности).

Суд не вправе планировать и реализовывать тактические комбинации, т. е. выбирать одновременно сразу несколько способов достижения цели, объединенных общим замыслом в рамках единого плана, поскольку в этом случае он

демонстрирует свою направленность на получение какого-либо гносеологически конкретного результата, а также предупреждает или преодолевает *потенциальное* воспрепятствование реализации судебной деятельности, неминуемо теряя объективность и беспристрастность.

Суд не вправе принимать резервные тактические решения, поскольку исследовательская функция суда не предполагает возможности работы «на опережение».

Безусловно, этот перечень тактико-криминалистических особенностей судебной деятельности является открытым и может быть продолжен.

Формирование концептуальных общих методологических криминалистических основ судебной деятельности в современном состязательном уголовном судопроизводстве позволит создать теоретическую базу для разработки частных методик судебной деятельности при разрешении уголовных дел различных категорий, сделает возможным формирование системы особых тактико-криминалистических рекомендаций, адресованных судам, и в конечном итоге обеспечит высокое качество правосудия по уголовным делам.

¹ См.: *Ароцкер Л. Е.* Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. М., 1964; *Воробьев Г. А.* Планирование судебного следствия. М., 1978; *Его же.* Тактика и психологические особенности судебных действий. Краснодар, 1986; *Корневский Ю. В.* Криминалистика для судебного следствия. М., 2001.

² См.: *Симак А. И.* Криминалистическое обеспечение судебного следствия по уголовным делам в суде первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2013; *Цехомская Е. В.* Организация криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013; *Сычева О. А.* Тактика судебного следствия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.

³ См.: *Корчагин А. Ю.* Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел : дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2008.

⁴ См.: Кириллова А. А. Основы криминалистической методики судебного разбирательства по уголовным делам об убийствах (ч. 1 ст. 105 УК РФ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014 ; Хорошева А. Е. Проблемы теории и практики судебного разбирательства с участием присяжных заседателей по уголовным делам об убийствах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011.

⁵ См.: Головки Л. В. Теоретические основы модернизации учения о материальной истине в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С. 65–87.

⁶ См.: Брестер А. А. Цель уголовного процесса и ее значение для определения метода уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 4. 2012. Вып. 1. С. 81.

⁷ См.: Пьянов Н. А. Истина в правоприменительной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987. С. 4–5.

⁸ См.: Там же. С. 4–6.

⁹ Ларинков А. А. Конституционный принцип состязательности сторон и роль суда в доказывании обстоятельств по уголовному делу // Криминалист. 2013. № 2 (13). С. 70.

¹⁰ Баев О. Я. Уголовный процесс – криминалистика как система наук, учебных дисциплин и специальностей // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Право. 2012. № 1.

Центральный филиал Российского
государственного университета правосудия

Комбарова Е. Л., кандидат юридических
наук, доцент, доцент кафедры судебной
экспертизы и криминалистики

E-mail: kombarova.elena.80@mail.ru

Тел.: 8-950-768-77-80

Central Branch of the Russian State University of
Justice

Kombarova E. L., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Associate Professor of
the Department of Forensic Examination and
Criminalistics

E-mail: kombarova.elena.80@mail.ru

Tel.: 8-950-768-77-80

ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

А н н о т а ц и я: рассматриваются проблемы понимания и применения такого термина, как криминалистическая характеристика при расследовании киберпреступлений. Изучаются наиболее существенные и специфические именно для этого вида преступлений элементы: способ совершения преступлений, механизм следообразования, личность преступника, а также связи между ними.

К л ю ч е в ы е с л о в а: киберпреступления, преступления, совершаемые с использованием информационных технологий, криминалистическая характеристика, способ совершения преступлений, механизм следообразования, личность преступника.

PROBLEMS OF CRIMINAL CHARACTERISTIC IN THE INVESTIGATION OF CYBERCRIMES

A b s t r a c t: the article examines the problems of understanding and using such a term as criminal characteristic in the investigation of cybercrimes. The most essential and specific elements for this type of crime are being studied: the method of committing crimes, the mechanism of trace formation, the personality of the offender, as well as the connections between them.

Key words: cybercrimes, crimes committed with the use of information technologies, criminal characteristic, method of committing crimes, tracking mechanism, personality of the offender.

Поступила в редакцию 19 октября 2021 г.

Для раскрытия содержания криминалистически значимых составляющих киберпреступлений необходимо рассмотрение криминалистической характеристики таких преступлений. Проблемам, касающимся криминалистической характеристики, в литературе уделено достаточно большое внимание¹. Л. А. Сергеев был первым, кто сформулировал и ввел в научный оборот данное понятие. Он считал, что криминалистическая характеристика – это прежде всего обстоятельства, характеризующие преступление, а также взаимосвязи между их группами. Прежде всего, к их числу он относил условия и способ совершения

преступления, особенности объекта преступного посягательства, субъекта, субъективной стороны преступления, а также обстановки его совершения². При этом общим мнением всех исследователей данного вопроса является то, что в криминалистическую характеристику преступлений входит лишь та информация, знание которой способствует расследованию преступлений³.

Однако позднее появились работы, ставящие под сомнение существование этой категории, например, Р. С. Белкин утверждал: «Я убежден, что криминалистическая характеристика преступления, не оправдав возлагавшихся на нее надежд и ученых, и практиков, изжила себя и из реальности, которой она представлялась все эти годы, превратилась в

иллюзию, в криминалистический фантом»⁴. И действительно, на тот момент ее практической реализации не было.

Объяснение создавшейся ситуации дал О. Я. Баев: «Ответ на этот вопрос, представляется, следует искать в первую очередь в осмыслении того, между какими элементами и каким образом устанавливаются корреляционные связи и зависимости при конструировании криминалистической характеристики отдельного вида преступлений и какие при этом возникают сложности. Такой подход обусловлен тем, что, несмотря на различие мнений в определении этой категории, практически все исследователи едины в том, что именно в выявлении таких связей и зависимостей состоит само содержание и назначение криминалистической характеристики преступлений: оптимизация следственного поиска при расследовании конкретных преступлений путем использования следователем знаний о наиболее вероятных связях между установленными элементами расследуемого преступления с искомыми, но к данному моменту расследования неизвестными»⁵.

Наиболее наглядно наличие таких связей прослеживается именно в криминалистической характеристике киберпреступлений.

Киберпреступления отличаются разнообразием и относятся к различным видам преступлений, имеющим собственные криминалистические характеристики, например, криминалистическая характеристика кражи или мошенничества. В данном случае целесообразно говорить о межвидовой криминалистической характеристике, отражающей закономерности преступлений, совершаемых с использованием электронных устройств. Общим для них является то, что такие преступления совершаются путем удаленного доступа преступника к электрон-

ным устройствам потерпевшего с использованием информационно-коммуникационных сетей, в том числе и сети Интернет. В связи с этим поиск относимой к делу цифровой информации должен осуществляться как на электронных устройствах подозреваемого или обвиняемого, так и на других связанных с ними электронных устройствах, хранящих информацию. При этом для работы с сетью Интернет используются не только компьютеры, но и иные устройства (смартфоны, планшеты и т. д.), также имеющие свои особенности функционирования. Вся эта электронная техника обладает способностью хранить значительный объем цифровой информации.

В основе работы любой информационной технологии лежит программа, которую создал человек. Эта программа основана на некотором алгоритме, который и управляет поведением устройств. И это управление представляет собой процессы, состоящие из четко регламентированных правил выполнения операций, действий, этапов разной степени сложности над данными, хранящимися в электронных устройствах. При этом электронная техника создает и непрерывно ведет запись всех производимых с ней действий, сохраняя адреса веб-сайтов, которые просматривал пользователь, какие документы или изображения были загружены или отредактированы, какие использовались приложения, время и продолжительность этих действий, координаты нахождения и перемещения устройства. Таким образом, электронная техника обладает способностью хранить значительный объем цифровой информации и является на данный момент самым информативным источником сведений о его владельце и его активности в цифровой среде.

Учитывая сказанное, мы считаем, что для криминалистической характери-

стики киберпреступлений наиболее существенными и специфическими именно для этого вида преступлений являются следующие элементы:

- 1) способ совершения преступлений;
- 2) механизм следообразования;
- 3) личность преступника.

Как уже было сказано ранее, указанные элементы криминалистической характеристики киберпреступлений оказывают взаимное воздействие друг на друга. Например, профессиональная квалификация субъектов преступлений обуславливает выбор способа его совершения, а также орудий и средств, используемых в этих целях. То есть чем выше квалификация субъектов преступной деятельности, тем более эффективные приемы и средства применяются в ходе ее совершения.

Так, например, в последние годы развитие информационных технологий оказало значительное влияние на способы и механизм совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом психотропных и наркотических средств.

Распространение наркотических средств традиционным контактным способом стало встречаться гораздо реже, чем с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей: сотовой связи, электронной почты, социальных сетей, интернет-магазинов с использованием электронных платежных систем.

«В общем виде бесконтактный способ заключается в том, что преступники ищут клиентов путем размещения объявлений. Покупатели оплачивают наркотики через электронные платежные системы, а их получение осуществляется через тайники. В результате такого способа не происходит непосредственного личного контакта между сбытчиком и приобретателем наркотиков. В связи с этим уве-

личился не только масштаб территории совершения таких преступлений, но и их количество⁶.

Причем для этого не нужно обладать какими-либо мощными электронными ресурсами. Более того, при наличии начальных знаний и навыков программирования можно организовать осуществление этих действий в автоматическом режиме.

Например, можно запрограммировать компьютер для выполнения такого действия, как отправка сообщения электронной почты в определенное время. Этот процесс называется планированием событий и не требует вообще никаких навыков программирования. Это простая функция операционной системы.

Однако современный этап развития общества характеризуется ростом высокотехнологичной преступности.

В настоящее время наиболее современным видом информационных технологий является искусственный интеллект, который может использоваться для совершения преступлений.

«Одним из первых примеров использования искусственного интеллекта в широкоформатных кибератаках можно считать вирус CryptoLocker, распространявшийся при поддержке однорангового ботнета Gameover Zeus, использовавшего зашифрованные каналы связи с центрами контроля и управления. Эта вредоносная система использовала самообучающиеся алгоритмы управления, тип и характер которых в настоящее время достоверно не известен. Обезвреженный в результате операции Tovar ботнет Gameover Zeus был отрезан от центров управления, но сами центры в руки правоохранителей не попали, так что возможности проанализировать использованное для управления программное обеспечение не было. Тем не менее ряд косвенных признаков (устойчивость

к контрвзлому, избегание прямых атак, адаптивное поведение, скорость принятия решений) свидетельствуют о возможном использовании нейросетевой технологии в управлении данной вредоносной компьютерной системой»⁷.

Однако несмотря на различия использованных технических и программных средств, все эти действия создают специфическую виртуальную следовую картину киберпреступлений, которая и образует основное отличие этой группы преступлений.

Виртуальный след – это любое изменение состояния информационной системы, вызванное системой команд, связанное с событием преступления и зафиксированное в виде информации на электронном носителе. Причем эта система команд может являться результатом как непосредственных действий пользователя с применением какой-либо информационной технологии, так и действия аппаратно-программного обеспечения ЭВМ без участия человека.

Эти специфические особенности электронной информации, на наш взгляд, обусловлены тем, что она образует иерархическую структуру с тремя уровнями представления – физическим, логическим и семантическим⁸.

Соответственно и механизм следообразования при совершении киберпреступлений необходимо рассматривать на этих трех уровнях.

Физический уровень – уровень материальных носителей информации, где информация представлена в виде конкретных характеристик вещества (намагниченность домена – для магнитных дисков, угол и дальность плоскости отражения лазерного луча – для лазерных компакт-дисков) или электромагнитного поля (амплитуда, фаза, частота). На данном уровне компьютерная информация существует только в виде совокупности

фактов, сведений, предназначенных для обработки аппаратными компьютерными объектами.

Логический уровень – уровень представления более сложных информационных структур (от байта до файла) на основе элементарных компонент физического уровня. Данный уровень можно охарактеризовать как уровень существования программных средств, реализующих процедуры обработки информации физического уровня.

Семантический уровень – уровень смыслового представления информации. На данном уровне можно говорить о содержательной части электронной информации.

Возникновение следов на физическом уровне представления информации вызывается физическим воздействием аппаратного обеспечения электронных устройств – прохождение электрического тока, намагничивание или размагничивание определенных участков магнитного носителя и т. д. в результате действий преступника. Эти следы невидимые, внешне на аппаратном обеспечении электронных устройств они не проявляются. Обнаружить и зафиксировать их можно только с применением программных средств.

Поэтому наибольший интерес, с криминалистической точки зрения, представляет рассмотрение механизма следообразования на логическом уровне представления информации.

Так как логический уровень представления информации, как было сказано ранее, является уровнем существования программных средств, то на этом уровне возникновение следов вызывается программным обеспечением электронных устройств. В результате такого воздействия на следовоспринимающем объекте будут отражаться результаты действия алгоритма соответствующей

программы или совокупности программ как слеодообразующего объекта, при этом программные средства обладают тем свойством, что в результате выполнения своего алгоритма они также содержат соответствующие следы этого воздействия.

На семантическом уровне представления электронной информации происходит воздействие преступника на смысловое содержание информации.

Значит, при расследовании киберпреступлений происходит криминалистическое исследование всего технологического процесса обработки информации: диагностика программного обеспечения, определение характеристик операционной системы, определение фактического состояния программного средства, установление первоначального состояния программы, определение условий использования программного обеспечения, предназначенного для работы с конкретным аппаратным обеспечением, внешний осмотр аппаратного объек-

та, определение фактического состояния информации, выявление следов возможных участников события, установление целого по частям, групповой принадлежности, общего источника происхождения и т. п.⁹

При этом деятельность по выявлению криминалистических закономерностей образования и обнаружения следовой картины при расследовании киберпреступлений, имеющих различное целевое назначение, может быть также различной, что обуславливает выделение различных методик расследования киберпреступлений в зависимости от функциональных особенностей каждой из них. Так, например, уже выделены методики расследования преступлений в сфере банковских, сетевых, мобильных информационных технологий. При этом они имеют как общие рекомендации, касающиеся исследования электронных устройств в целом, так и присущие конкретным видам особенности.

¹ См.: Артамонов И. И. Методологические аспекты криминалистической характеристики // Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984; Гуняев В. А. Содержание и значение криминалистических характеристик преступлений // Там же; Клочков В. В. Криминалистическая характеристика преступлений: состояние и перспективы исследования // Там же; Колесниченко А. Н., Коновалова В. Е. Криминалистическая характеристика преступлений. Харьков, 1985; Гавло В. К. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений // Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью. Тула, 1980. С. 122.

² См.: Сергеев Л. А. Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. С. 16.

³ См. подробнее: Криминалистика социалистических стран / под ред. В. Я. Колдина. М., 1986; Трухачев В. В. Криминалистический анализ сокрытия преступной деятельности. Воронеж, 2000.

⁴ Белкин Р. С. Проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 223.

⁵ Баев О. Я. И все же: реальность или иллюзия (еще раз о криминалистической характеристике преступлений) // Вестник криминалистики. Вып. 1 (3). М.: Спарк, 2002. С. 20.

⁶ Поляков В. В., Кондратьев М. В. Криминалистические особенности бесконтактного способа совершения наркопреступлений // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Т. 1, № 2(86). С. 83.

⁷ *Тирранен В. А., Ерахтина В. А.* Преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта : проблемы квалификации и расследования // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 2 (35). С. 38.

⁸ См. подробнее: *Мещеряков В. А.* Преступления в сфере компьютерной информации. Основы теории и практики расследования. Воронеж, 2002. С. 58–64.

⁹ См. подробнее: *Усов А. И.* Методы и средства решения задач компьютерно-технической экспертизы : учеб. пособие. М. : ГУ ЭКЦ МВД России, 2002. С. 26–29.

Воронежский государственный университет

Краснова Л. Б., кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики

E-mail: krasnovva@mail.ru

Voronezh State University

Krasnova L. B., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminalistics
Department

E-mail: krasnovva@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ

А н н о т а ц и я: анализируются проблемы использования новых информационных технологий и биометрических технологий идентификации личности при расследовании преступлений. Автором рассматривается проблема использования биометрической информации для аутентификации пользователей в технических компьютерных системах и обратная задача ее декодирования и использования в расследовании преступлений.

К л ю ч е в ы е с л о в а: биометрия, биометрическая идентификация, идентификация личности.

POSSIBILITIES OF USING BIOMETRIC TECHNOLOGIES FOR PERSONAL IDENTIFICATION

A b s t r a c t: the article analyzes the problems of using new information technologies and biometric technologies for personal identification in the investigation of crimes. The author considers the problem of using biometric information for user authentication in technical computer systems and the inverse problem of its decoding and use in the investigation of crimes.

Key words: biometrics, biometric identification, personal identification.

Поступила в редакцию 1 декабря 2021 г.

Биометрическая идентификация – понятие далеко не новое для криминалистики. Биометрические методы распознавания, в первую очередь дактилоскопические, применяются в криминалистике начиная с XIX в., а с конца прошлого века, в связи с развитием техники, возникла возможность формализовать алгоритмы распознавания человека по его внешнему виду или особенностям поведения и применять для этого автоматизированные системы. Многие авторы отмечают, что стремительное развитие технологий позволяет говорить уже в ближайшей перспективе о внедрении в криминалистику методов, которые выведут идентификацию на качественно более высокий уровень, и здесь в первую

очередь имеются в виду биометрические методы идентификации.

В настоящее время биометрические технологии переживают период бурного развития. Действительно, в современном мире социальное взаимодействие становится преимущественно виртуальным (общение в социальных сетях, видеоконференции, возможность выполнять финансовые транзакции через Интернет и т. п.) и чрезвычайную важность приобретает надежное установление личности человека, что возможно только при использовании цифровых биометрических технологий и новых информационных технологий в целом.

Очевидно, что одним из факторов повышения эффективности противодействия современной преступности является постоянное совершенствование теоретических положений, составляющих

научную базу такого противодействия и учитывающих новеллы, характер и текущие особенности преступности. Только такой подход позволяет практическим работникам правоохранительных органов успешно решать всё усложняющиеся задачи выявления, раскрытия, пресечения преступлений. В структуре подобных задач наблюдается постоянный рост составляющей, связанной с новыми информационными технологиями, используемыми для подготовки, совершения преступлений и сокрытия следов. При этом такая составляющая имеется даже в случае совершения «обычных» преступлений, поскольку компьютерная техника, сервисы глобальной сети Интернет, сети мобильной связи, системы видеонаблюдения стали неотъемлемым компонентом повседневной жизни.

Перспективным направлением научной специализации, по нашему мнению, сегодня является направление, которое рассматривает аспекты сопоставления новых «цифровых следов» не только тем или иным процессам слеодообразования, но и субъектам, которые используют новые информационные технологии непосредственно в преступных целях или опосредованно в повседневной жизни. Это направление исследует научную и практическую задачу непроецессуального отождествления личности средствами новых информационных технологий¹.

В публикуемых научных работах встречаются различные термины для обозначения тех или иных элементов новых информационных технологий, которые подвергаются научному анализу в аспекте их использования при подготовке и совершении преступлений. Вместе с тем нам представляется важным использование стандартизированных терминов, которые должны быть заимствованы из технических стандартов и регламентов обладателями юридических знаний в це-

лях унификации терминологии и единообразного понимания терминов всеми участниками уголовного процесса. Основным таким термином является термин «информационные технологии».

В соответствии с ГОСТ Р 52653-2006 научная и практическая категория «информационная технология» включает процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы их осуществления. Отметим, что существует несколько ГОСТов, в которых раскрыто то или иное профессионально ориентированное значение термина «информационная технология», однако нам представляется более подходящим ГОСТ Р 52653-2006, поскольку областью его применения является уровень организаций, в том числе коммерческих, общественных и научных, а также объединений юридических лиц. Связан такой подход с тем, что сегодня большинство повседневных информационных технологий развивается именно благодаря усилиям общественных и научных организаций (например, специфику функционирования сети Интернет определяют общественная организация ISOC – «Общество Internet», группа IAB – «Совет по архитектуре Internet», инженерная комиссия IETF) или коммерческих структур (компании – операторы мобильной связи и их общественные ассоциации типа ассоциации региональных операторов связи АРОС, российской ассоциации электронных коммуникаций РАЭК и иные).

При рассмотрении процессов слеодообразования в цифровой информационной среде актуальна следующая классификация информационных технологий:

– высокие интеллектуальные информационные технологии, которые представляют собой генерацию технических решений, реализующих ситуационное

моделирование, позволяющих выявить связь элементов, их динамику и обозначить объективные закономерности среды;

– вспомогательные информационные технологии, которые ориентированы на обеспечение выполнения определенных функций (бухгалтерский учет и статистика, ведение системы кадров, документооборота, ведение финансовых операций, системы для стратегического управления и т. д.);

– коммуникационные информационные технологии, которые призваны обеспечивать развитие телекоммуникации и ее систем².

Элементы вспомогательных и коммуникационных информационных технологий наиболее часто используются человеком в повседневной деятельности и поэтому, вступая во взаимодействие с ним, в той или иной степени воспринимают информацию о нем, в том числе индивидуализирующего и идентификационного характера. Подтверждают такой вывод иные исследователи проблемы, которые ранее обращали внимание на то, что в современных информационных технологиях любые их ориентированные на конкретного пользователя компоненты, такие как персональные компьютеры, мобильные телефоны, смартфоны, электронные книги, навигаторы и многие другие устройства, содержат большое количество уголовно-релевантной и криминалистически значимой информации о человеке, его контактах, территориальном местоположении и иной уголовно-релевантной информации, существующей в электронной форме. Эта информация востребована при расследовании преступлений, имеет различные формы (программные файлы, электронные документы, акустическая, видеоинформация) и позволяет получать доказательства совершения некоторых действий,

интересующих органы предварительного следствия³.

Анализируя работы в области не процессуального отождествления личности, необходимо отметить, что применительно к информационным технологиям в целом и новым цифровым следам в частности наиболее перспективной представляется проблема использования биометрической информации для аутентификации пользователей в технических компьютерных системах и обратная задача ее декодирования и использования в расследовании преступлений.

Вообще под биометрией понимают область науки, изучающую методы измерения физических характеристик и поведенческих черт человека для последующей идентификации и аутентификации личности. Биометрической характеристикой человека называется его измеренная физическая характеристика или персональная поведенческая черта, в процессе сравнения которой с аналогичной ранее зарегистрированной биометрической характеристикой реализуется процедура идентификации. Основными источниками биометрических характеристик являются отпечатки пальцев, радужная оболочка и сетчатка глаз и др. Методы и технические средства идентификации и аутентификации личности на основе биометрических характеристик получили название биометрических технологий⁴.

В криминалистических исследованиях биометрия рассматривается как единственное направление, позволяющее обеспечить безусловную идентификацию лица путем автоматического определения его биометрических характеристик⁵.

Существующие на данный момент методы биометрической идентификации условно можно разделить на несколько видов: по отпечаткам пальцев (дактило-

скопия); по лицу человека; ладоням рук; ДНК; радужной оболочке глаза; сетчатке глаза; форме уха; запаху; голосу; походке и иные.

Все эти методы можно, в свою очередь, разбить на две группы: идентификация по статическим признакам (основывается на физиологических особенностях человека, которые не изменяются в течение всей жизни – отпечатки пальцев, ДНК, сетчатка глаза и др.) и динамические методы идентификации (основываются на поведенческой характеристике человека, на подсознательных действиях – особенности голоса, походка, динамика клавиатурного почерка и др.)⁶.

Анатомические особенности, такие как папиллярный узор пальцев рук, рисунок радужной оболочки глаза, структура дезоксирибонуклеиновой кислоты, до недавнего времени считались уникальными и неизменяемыми характеристиками человека на протяжении всей его жизни, обеспечивая тем самым высокую достоверность идентификационных процессов.

Однако следует учесть, что даже при всей уникальности биометрических данных биометрика идентифицирует личность только с определенной вероятностью. Известны случаи схожести отпечатков пальцев и дезоксирибонуклеиновой кислоты у однояйцевых близнецов. Вместе с тем дезоксирибонуклеиновая кислота одного и того же человека в редких случаях также может изменяться вследствие болезни или под воздействием химиотерапии или радиационного облучения.

Оптимизация системы идентификации только по критерию достоверности нередко приводит к тому, что в отдельных случаях другие системные требования, особенно при масштабном применении, становятся трудно реализуемыми⁷. Таким образом, новые реалии времени

требуют усовершенствования старых и развития новых способов биометрической идентификации человека.

Среди новейших методов биометрической идентификации можно назвать такие, как идентификация по термограмме (термограмма – это изображение объекта, выполненное с помощью инфракрасной камеры и отображающее картину распределения температурных полей⁸); распознавание человека по изображению лица (2D-распознавание и 3D-распознавание); идентификация пользователей в компьютерных системах по динамике написания слов (экспериментально было доказано, что динамика написания любого выбранного слова из четырех-пяти букв у пользователей становится стабильной после примерно тридцати повторов⁹); идентификация на основе регистрации электрофизиологических характеристик человека (например, проба сердечно-дыхательного синхронизма¹⁰); идентификация личности по голосу (пока это единственная биометрическая технология, которая позволяет проводить бесконтактную, скрытую и удаленную идентификацию личности) и многие другие.

При этом биометрия как метод идентификации человека через его физиологические или биологические характеристики основана на сопоставлении данных идентифицируемого объекта – субъекта персональных данных и биометрического эталона, т. е. биометрических данных. Такое сопоставление невозможно без записи и сохранения биометрической информации, ее документирования. Более того, документированная информация о физиологических и биологических особенностях человека должна быть достаточной для производства идентификации личности¹¹.

В компьютерных системах, требующих для своего функционирования на-

дежного отождествления конкретного пользователя, применяются биометрические системы аутентификации, основанные на использовании биометрических данных пользователей. В ходе биометрической аутентификации проверяется подлинность реквизитов пользователя и соответствующего им набора прав доступа к системе на основе полученных от пользователя определенных биометрических параметров.

Если совсем недавно биометрические системы аутентификации были громоздки, дороги и использовались в исключительных случаях, то сегодня методы биометрической аутентификации используются в бытовых ноутбуках (некоторые модели ноутбуков Dell, HP и Lenovo), смартфонах (HTC One Max, Motorola XT1032 Falcon, iPhone 5S), устройствах позиционирования типа «мышь» (BioLink U-Match Mouse, APC, Wireless IntelliMouse Explorer, поставляемая вместе с USB-сканером Fingerprint Reader), клавиатурах (Optical Desktop with Fingerprint Feature USB) и иных устройствах.

В качестве биометрических данных используют типичные и нетипичные данные. Типичными биометрическими данными являются сетчатка глаза, следы пальцев рук. Нетипичными биометрическими данными являются голос, особенности внешности (лица), почерка, «рисунка» сосудов, характеристик работы пользователя на клавиатуре.

Нетипичные биометрические данные используют в тех ситуациях, когда требования к надежности отождествления конкретного пользователя в системе невысоки, поскольку отсутствуют точные и проверенные статистические данные о надежности использования такой категории данных в целях аутентификации пользователей.

Несмотря на разную степень надежности использования тех или иных

биометрических данных для аутентификации пользователей, все они реализуют более корректный принцип отождествления пользователя, но не устройства, как это было до их использования (аутентификация с использованием паролей, смарт-карт, PIN-кодов, жетонов или технологии инфраструктуры открытых ключей).

Говоря о возможности отождествления личности в ходе расследования преступлений, применительно к оговоренным выше технологиям потенциально решается обратная задача – обнаружение в компьютерном устройстве закодированного «образца» биометрических данных пользователя, его декодирование и использование для отождествления личности и соотнесения процедур использования устройства с действиями конкретного человека.

Представляется, что необходимо внимательно изучать сведения о новых разработках в этой области – использовании термограммы лица в инфракрасном диапазоне, ДНК человека, следов ладоней, особенностей ушной раковины, особенностей походки человека и иных, потому что темпы развития новых информационных технологий таковы, что перечисленные подходы быстро станут массовыми, а значит, указанные биометрические данные – востребованными при расследовании и раскрытии преступлений¹².

В завершение необходимо отметить, что в настоящее время судебная экспертиза может быть назначена и произведена до возбуждения уголовного дела, при этом задача отождествления личности средствами новых информационных технологий, а также цифровых биометрических технологий может быть решена именно процессуально, с использованием методов и средств нового вида (рода) экспертных исследований.

¹ См. подробнее: *Кукарникова Т. Э., Яковлев А. Н.* О возможности непроцессуального отождествления личности средствами новых информационных технологий // Воронежские криминалистические чтения. Воронеж, 2014. Вып. 16. С. 111–119.

² См.: *Ковалева Н. Н.* Информационное право России : учеб. пособие. М. : Дашков и К, 2007. С. 119.

³ См.: *Мещераков В. А., Трухачев В. В.* Формирование доказательств на основе электронной цифровой информации // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 2. С. 108–110.

⁴ См.: *Дунаев Д.* Кратко о биометрических технологиях // Алгоритм Безопасности. 2008. № 4. URL: <http://www.algoritm.org/arch/arch.php?id=35&a=616>

⁵ См.: *Тульских В. Д.* Использование биометрических технологий в экспертно-криминалистической деятельности // Армия и общество. 2013. № 1 (33). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-biometricheskih-tehnologiy-v-ekspertno-kriminalisticheskoy-deyatelnosti>

⁶ См.: *Двоеносова Г., Двоеносова М.* Биометрия как наука, метод и способ документирования // Управление персоналом. 2009. № 11. С. 82–86.

⁷ См.: *Клипка Е. П.* Применение пробы сердечно-дыхательного синхронизма для биометрической идентификации человека // Научный журнал КубГАУ. 2013. № 92 (08). С. 19.

⁸ См.: Биометрические технологии в криминалистике. URL: <https://idaten.ru/law/criminal-law/biometricheskie-technologie-v-kriminalistike>

⁹ См.: *Ложников П. С.* Идентификация человека по динамике написания слов в компьютерных системах // Успехи современного естествознания. 2014. № 4. С. 129.

¹⁰ См.: *Клипка Е. П.* Основы медико-криминалистической идентификации человека. Краснодар, 2010. С. 75–80.

¹¹ См.: Федеральный закон «О персональных данных»: научно-практический комментарий (постатейный) / А. Х. Гафурова и др. ; под ред. А. А. Приезжевой. М. : Редакция «Российской газеты», 2015. Вып. 11. 176 с.

¹² См.: URL: http://planetatrain.ru/blog/sposoby_identifikacii_lichnosti_cheloveka

Воронежский государственный университет

Кукарникова Т. Э., кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики

E-mail: tanya@law.vsu.ru

Voronezh State University

Kukarnikova T. E., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminalistics Department

E-mail: tanya@law.vsu.ru

А. В. Малык

Воронежский государственный университет

**ПРЕДМЕТ И СИСТЕМА КРИМИНАЛИСТИКИ В ВОЗЗРЕНИЯХ
О. Я. БАЕВА
(МЕСТО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
АРБИТРАЖНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ПРЕДМЕТНОЙ
ОБЛАСТИ)**

А н н о т а ц и я: рассмотрены основные подходы к пониманию места криминалистического обеспечения арбитражного судопроизводства, выделена и обоснована необходимость использования положений криминалистики в процессе доказывания в рамках арбитражного судопроизводства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: криминалистическое обеспечение, арбитражное судопроизводство, система криминалистики.

**THE SUBJECT AND SYSTEM OF CRIMINALISTICS IN THE VIEWS
OF O. Ya. BAEV
(THE PLACE OF FORENSIC SUPPORT OF ARBITRATION
PROCEEDINGS IN THE SUBJECT AREA)**

Abstract: the main approaches to understanding the place of forensic support of arbitration proceedings are considered, the necessity of using the provisions of criminalistics in the process of evidence in the framework of arbitration proceedings is highlighted and justified.

Key words: forensic support, arbitration proceedings, system of criminalistics.

Поступила в редакцию 17 ноября 2021 г.

В трудах О. Я. Баева явно прослеживается интерес к предметной области криминалистики¹. Во многих своих работах он формулировал проблему следующим образом: «Что же изучает закономерности собирания и исследования доказательств? Криминалистика или все же теория доказательств?» И сам отвечал, что, по его мнению, и то и другое².

Безусловно, теория доказательств и сам доказательственный процесс присущи не только уголовному, но и гражданскому (арбитражному) судопроизводству.

Криминалистическое обеспечение судебного разбирательства далеко не новый институт, но до сих пор с «завидным постоянством» является предметом многочисленных дискуссий.

О. Я. Баев производство следственных и большинства судебных действий рассматривал в предметной области тактики уголовного преследования и тактики профессиональной защиты от обвинения и не раз поднимал вопрос: «Является ли суд субъектом криминалистической тактики?» И отвечал на него отрицательно: «Я принципиально не согласен с тем, что в число субъектов криминалистики, в число субъектов судебного исследования преступлений криминалистическими средствами (как бы это на первый

взгляд ни казалось парадоксальным) включается суд»³.

В более поздних работах он писал: «...сказанное отнюдь не означает, что профессиональный судья не должен обладать определенными криминалистическими знаниями, хотя бы в части планирования судебного исследования доказательств, принципов проверки следственных версий, информационно-познавательных возможностей отдельных следственных и судебных действий, отдельных видов судебных экспертиз, методологии их производства»⁴ и был согласен с Л. Е. Ароцкером, что использование данных криминалистики в судебном разбирательстве имеет место быть, хотя и не является криминалистической тактикой⁵.

В связи с этим, развивая мысль О. Я. Баева, сложно не согласиться с мнением С. Н. Махиной и О. Ю. Цурлуй: «Сегодня в криминалистических познаниях, наработках, опыте, методиках, экспертизах и т. п. нуждаются все виды судопроизводства, т. е. складывается весьма интересная ситуация, когда наука криминалистика становится (по критерию востребованности) как бы межотраслевой и выступает в определенной степени “универсальным” процессуальным инструментом»⁶.

Наше внимание привлекло арбитражное судопроизводство, так как, с одной стороны, оно напрямую меньше всего связано с криминалистической деятельностью, а с другой стороны, как и уголовное, нуждается в криминалистическом обеспечении.

Так как вопрос расширения границ предмета криминалистики весьма актуален и данная тема раскрывается в исследованиях многих теоретиков и практиков юриспруденции, хотелось бы более подробно изучить ее в контексте арбитражного судопроизводства.

Безусловно, и предмет, и объект криминалистики уже претерпели существенные изменения, в связи с появлением новых тенденций, но все же дискуссия о месте криминалистического обеспечения отдельных видов судопроизводства в системе криминалистики остается открытой.

Вывод о необходимости криминалистического обеспечения арбитражного судопроизводства обуславливается потребностями практики, поскольку в ходе гражданского и арбитражного судопроизводства появляется необходимость в исследовании доказательств, назначении судебных экспертиз (в том числе повторных и дополнительных) и в их оценке.

Актуальность выбранной темы обусловлена практической необходимостью применения криминалистических познаний в деятельности работников аппарата арбитражного суда, а именно в деятельности судей и их помощников.

Криминалистическое обеспечение арбитражного судопроизводства требует структурирования содержания с учетом места, занимаемого в общей системе криминалистики.

В целом, основные точки зрения ученых по данной проблематике можно разделить на три группы.

Первая группа ученых (А. Ю. Корчагин, М. А. Фокина, А. И. Винберг, Р. С. Белкин) предлагает для отражения в курсе криминалистики особенностей судебного следствия, в том числе и арбитражного, включать новые знания в традиционную систему криминалистики в качестве дополнений к соответствующим темам, а именно расширить раздел криминалистической тактики. Поэтому А. Ю. Корчагин выделяет в предмете криминалистики судебное следствие с целью применения разработок форм криминалистических рекомендаций в судебной деятельности⁷.

Судебное следствие в арбитражном процессе, как и в других процессах, осуществляется через процесс доказывания. В арбитражном судопроизводстве под доказыванием понимается «сложный процесс, охватывающий мыслительную и процессуальную деятельность его субъектов по обоснованию какого-то положения и выведению нового знания на основе исследованного»⁸.

М. А. Фокина выделяет «три группы субъектов доказывания в гражданском процессе: суд, субъекты, имеющие процессуальный, публичный или профессиональный интерес, субъекты, являющиеся источниками доказательственной информации»⁹.

Участники арбитражного процесса: суд, стороны, третьи лица, их представители, прокурор, эксперт, специалист – должны хорошо ориентироваться в средствах получения, исследования и оценки доказательственной информации, а значит, и в криминалистическом обеспечении, чтобы установить фактические обстоятельства по делу и вынести законное и обоснованное решение.

Деятельность по доказыванию в процессе любого судопроизводства, в том числе и арбитражного, является его основным содержанием, подкрепляется процессуальными нормами и образует институт доказательственного права.

Криминалистическая деятельность предназначена для обеспечения научными средствами собирания, закрепления, изучения, исследования, проверки и оценки доказательств. Р. С. Белкин установил взаимосвязь криминалистики с доказыванием и сформулировал ее в определении, которое было поддержано большинством криминалистов. Криминалистика – это наука о «закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования,

оценки и использования доказательств и основанных на этих закономерностях специальных средств и методах судебного исследования и предотвращения преступлений»¹⁰. А. И. Винберг отмечал: «Криминалистика – это наука, разрабатывающая систему специальных приемов, методов и средств собирания, исследования и оценки судебных доказательств, применяемых в уголовном процессе для предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, также используемых при судебном рассмотрении уголовных, а в ряде случаев и гражданских дел»¹¹.

По своей сути криминалистическая деятельность повышает эффективность доказывания и эффективность производства самого судебного следствия. Поэтому можно говорить о том, что именно процесс доказывания связывает применение криминалистических данных с судебной деятельностью, а также дает основания для выхода за пределы сферы уголовного судопроизводства и рассмотрения криминалистического обеспечения арбитражного процесса. Это обусловлено тем, что разрабатываемые криминалистикой приемы, средства и методы, необходимые для практического применения при расследовании преступлений, могут соотноситься с судебной деятельностью, в особенности в гражданском и арбитражном процессах, лишь при использовании данных криминалистики, преобразованных в процессуальную форму в качестве доказательств.

Таким образом, первая группа ученых определяет место криминалистического обеспечения арбитражного судопроизводства в системе криминалистики путем расширения третьего раздела криминалистики – криминалистической тактики. Предлагается внести в него понятие «криминалистическое обеспече-

ние судебных действий в цивилистическом процессе», включающее в себя тактику судебного допроса, тактику осмотра письменных и вещественных доказательств, тактику использования специальных знаний, тактику назначения судебной экспертизы и привлечения специалиста к участию в судопроизводстве и ряд новых знаний о судебном следствии, выходящих за рамки уголовного судопроизводства, что открывает довольно широкие возможности для дальнейшего развития и расширения сферы применения разрабатываемых криминалистикой средств в других видах судопроизводства, в данном случае – в гражданском и арбитражном процессах.

Вторая группа ученых в лице В. К. Гавло и Е. А. Жегалова полагает, «что методика... судебного разбирательства по тем или иным категориям дел, видам, группам преступлений должна стать составной частью криминалистической методики как раздела криминалистики»¹².

М. В. Жижина считает, что криминалистическое обеспечение арбитражного судопроизводства может стать частью криминалистической методики, и выделяет некоторые аспекты:

1) криминалистические знания в цивилистическом (арбитражном) процессе имеют разную степень общности;

2) основы техники, тактики и методики производства судебных действий при рассмотрении дел арбитражного профиля имеют большую степень общности, нежели криминалистические рекомендации для совершения отдельных судебных действий, например допроса, осмотра и т. д.;

3) рассмотрению тактики отдельных судебных действий должно предшествовать изложение основ тактики производства судебных действий в арбитражном процессе;

4) необходимо разработать частные методики арбитражного криминалистического обеспечения, их изложению должны предшествовать общие принципы построения этих методик;

5) общие принципы криминалистического обеспечения в уголовном процессе должны составить начальную часть общих положений для арбитражного судопроизводства¹³.

Лишь таким образом возможно создание криминалистического обеспечения доказывания в цивилистическом процессе (по отдельным категориям гражданских дел, рассматриваемых в арбитражном суде). «Криминалистические аспекты деятельности суда являются предметом криминалистики и вершиной ее применения и использования, поскольку именно в Суде рождается юридическая Истина. Методика же судебного разбирательства по тем или иным категориям дел, видам, группам преступлений должна стать составной частью криминалистической методики как раздела криминалистики»¹⁴.

Таким образом, перестраивается традиционная структура криминалистической методики расследования. Помимо двух имеющихся (криминалистическая характеристика совершения отдельных видов и групп преступлений и криминалистическая характеристика раскрытия, расследования и предотвращения отдельных видов и групп преступлений на предварительном следствии), появляется новый третий блок – «криминалистическая характеристика судебного разбирательства отдельных видов и групп преступлений»¹⁵ (т. е. криминалистическая характеристика судебного разбирательства дел в арбитражном суде).

Можно сделать вывод, что точка зрения второй группы ученых также основана на включении новых знаний в традиционную систему криминалистики, но

в отличие от первой группы, они предлагают расширить раздел криминалистической методики путем внесения в ее структуру нового блока – криминалистическая характеристика судебного разбирательства отдельных видов и групп преступлений (т. е. криминалистическая характеристика судебного разбирательства дел в арбитражном суде).

Третье мнение относительно места криминалистического обеспечения арбитражного судопроизводства значительно отличается от двух предыдущих. В данном случае речь идет о формировании целостной системы новых знаний в виде создания нового раздела – курса криминалистики. Основными сторонниками данной идеи выступают В. В. Степанов, А. Г. Филиппов, А. В. Дулов, В. Д. Зеленский, И. П. Можаяева, Н. А. Бурнашев. Они считают необходимым выделение раздела об организационных основах выявления, расследования и предупреждения преступлений. В. Ю. Толстолицкий предлагает «в качестве пятой части системы криминалистики криминалистическую информатику»¹⁶. А. М. Ишин считает необходимым «выделение пятого раздела криминалистики “Информационные основы расследования преступлений”, который должен состоять из двух частей – информационное обеспечение и организация раскрытия и расследования преступлений»¹⁷.

Т. С. Волчецкая говорит о необходимости создания отдельного раздела в структуре криминалистики, в котором будут излагаться все факультативные вопросы, выходящие за привычные рамки предмета криминалистики. Предлагается также название раздела – «Прикладная криминалистика в юридической практике»¹⁸. В данном случае речь идет об «адаптации положений криминалистики к новым нетрадиционным объектам, а именно о специфике использования кри-

миналистической науки в гражданском, арбитражном, административном судопроизводстве, в таможенном деле, в деятельности нотариуса и т. д.»¹⁹. Сама же криминалистика относится к междисциплинарным юридическим наукам, поэтому ее положения носят прикладной характер, полностью оправдывая необходимость создания самостоятельного раздела в системе криминалистики.

Следовательно, третья группа ученых предлагает создать новый раздел в криминалистике, который будет являться относительно самостоятельным, иметь свой предмет и решать все те вопросы, которые в настоящий момент не охватываются криминалистикой. Из этого следует, что криминалистическое обеспечение арбитражного судопроизводства будет носить прикладной характер по отношению к науке криминалистике и в то же время являться частью криминалистической системы.

Криминалистика является наукой, которая находится в динамике развития. Постоянно расширяются сферы ее влияния и их границы, возникают новые учения, теории и направления, что вызывает бурные научные дискуссии относительно предмета криминалистики, который также не остается неизменным. Таким образом, процесс развития предмета криминалистики начинает трансформироваться и адаптироваться к современным реалиям.

Можно сделать вывод, что анализ концептуальных положений о предмете криминалистики не дает конкретного определения места криминалистическому обеспечению арбитражного судопроизводства в системе криминалистики, но определенно дает понять, что оно может и должно входить в предмет криминалистики.

Что касается подходов к пониманию места криминалистического обеспече-

ния в системе криминалистики, считаем, что все три точки зрения являются обоснованными.

На наш взгляд, позиция первой и второй групп ученых имеет под собой общую идею несмотря на то, что одни хотят отнести криминалистическое обеспечение арбитражного судопроизводства к криминалистической тактике, а другие – к криминалистической методике. И те и другие предлагают включать новые знания в традиционную систему криминалистики в качестве дополнений к уже имеющимся разделам, что, безусловно, изменит систему криминалистики.

Мнение третьей группы ученых, на наш взгляд, выглядит наиболее выгодным при реализации на практике, так как не изменит привычную структуру криминалистики, а лишь дополнит ее новым разделом. Мнение Т. С. Волчецкой о создании самостоятельного раздела «прикладной криминалистики в юридической практике» наиболее полно отвечает на вопрос о месте криминалистического обеспечения арбитражного судопроизводства, но существуют и другие не менее важные вопросы: «криминалистический анализ информации о преступлении», «следственная версия», «планирование следственных действий», «криминалистическая информатика», «информационные основы расследования преступлений», «криминалистическая стратегия» и др.

Учитывая вышесказанное, мы полагаем, что основным объектом ново-

го раздела должны быть адаптационные положения криминалистики к новым, нетрадиционным для этой науки объектам. В настоящее время практическая криминалистическая деятельность по доказыванию полностью ориентирована лишь на уголовное судопроизводство, поскольку оно как бы вытекает из сути криминалистики, что негативно отражается на гражданском (арбитражном) судопроизводстве.

Подводя итог, мы можем сказать, что знания, разработанные криминалистической наукой для обеспечения нужд уголовного судопроизводства, могут и должны быть адаптированы для нужд гражданского (арбитражного) процесса путем разработки и реализации новых концепций. И только тогда криминалистика сможет подняться с межотраслевого уровня науки на надотраслевой и успешно реализовывать свое непосредственное прикладное предназначение, а именно, способствовать практическими рекомендациями совершенствованию осуществления правосудия в целом.

Считаем, что вклад О. Я. Баева в науку является бесценным, поскольку он не только создал и разработал частные теории и концепции криминалистики, но и смог открыть возможности развития новых направлений предметной области криминалистики, включая размышления по поводу криминалистического обеспечения судопроизводства. А это значит, что он вечно будет жить в трудах и сердцах своих последователей!

¹ См.: Баев О. Я. Избранные работы : в 2 т. Воронеж : Издательство Воронеж. гос. ун-та, 2011.

² См.: Баев О. Я. Предмет криминалистики и теория судебных доказательств // Правоведение. 1983. № 3. С. 98.

³ Баев О. Я. Основы криминалистики : курс лекций. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Эксмо, 2009. С. 27.

⁴ Баев О. Я. Сущность криминалистической тактики и ее субъекты // Проблемы современной криминалистики и основные направления ее развития в XXI веке : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летнему юбилею кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета (6 октября 2017 г.). Екатеринбург : Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2017. С. 34.

⁵ См.: Ароцкер Л. Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. М., 1964. С. 181.

⁶ Махина С. Н., Цурлуй О. Ю. Криминалистическое обеспечение судебного разбирательства в России : современное понимание и направления развития // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Право. 2019. № 3 (38). С. 274.

⁷ См.: Корчагин А. Ю. Основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел. М., 2009. С. 127.

⁸ Арбитражный процесс. М., 1998. С. 119.

⁹ Фокина М. А. Механизм доказывания по гражданским делам : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 46.

¹⁰ Белкин Р. С. Криминалистика : проблемы сегодняшнего дня. М., 2001. С. 132.

¹¹ Большая советская энциклопедия : в 30 т. М. : Советская энциклопедия, 1973. Т. 13. С. 427.

¹² Гавло В. К., Жегалов Е. А. Тактика и методика судебного следствия // Известия Алтайского гос. ун-та. 2004. № 2. С. 66.

¹³ См.: Жижина М. В. Основы криминалистической тактики судебного допроса в гражданском (арбитражном) процессе : науч.-практ. пособие / под ред. Е. П. Ищенко. М., 2012. С. 109.

¹⁴ Там же. С. 110.

¹⁵ Гавло В. К. Проблемные вопросы предмета и структуры криминалистической методики расследования преступлений // Современное российское право : федеральное и региональное измерение : материалы конф. / под ред. В. Я. Музыкина, В. В. Невинского. Барнаул, 1998. С. 16.

¹⁶ Толстолицкий В. Ю. Криминалистическая информатика : монография. Ижевск : Детектив информ, 2003. С. 9.

¹⁷ Ишин А. М. О некоторых тенденциях развития криминалистики в современных условиях // Вестник криминалистики / отв. ред. А. Г. Филиппов. Вып. 4 (20). М. : Спарк, 2006. С. 38.

¹⁸ Волчецкая Т. С. Расширение прикладного аспекта криминалистической науки позитивно изменит ее структуру // Проблемы системных исследований в криминалистике и судебной экспертизе : конф., 4–5 декабря 2006 г., Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова : сб. тезисов. М. : МАКС Пресс, 2006. С. 24.

¹⁹ Там же.

Воронежский государственный университет

Малык А. В., аспирант кафедры криминалистики

E-mail: nastena.malyk.95@mail.ru

Voronezh State University

Malyk A. V., Post-graduate Student of the Criminalistics Department

E-mail: nastena.malyk.95@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРИСВОЕНИИ И РАСТРАТЕ

Аннотация: рассматривается понятие специальных знаний, обосновывается необходимость участия специалистов различных профилей в производстве следственных действий по уголовным делам о присвоении и растрате, раскрываются тактические особенности участия специалистов в отдельных следственных действиях по делам данной категории.

Ключевые слова: специальные знания, специалист, присвоение и растрата, следственные действия, расследование, следы, криминалистически значимая информация.

FEATURES OF THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN THE INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES OF ASSIGNMENT AND EMBEZZLEMENT

Abstract: the article examines special knowledge, substantiates the need to use various profiles in the conduct of investigative actions in criminal cases of embezzlement and embezzlement, reveals tactical signs of the participation of specialists in certain actions in this category.

Key words: special knowledge, specialist, appropriation and waste, investigative actions, investigation, traces, forensically significant information.

Поступила в редакцию 15 октября 2021 г.

Институт специальных знаний прошел достаточно долгий путь своего формирования, которое было обусловлено развитием не только юридической науки, но и иных научных отраслей. Следует обратить внимание на тот факт, что законодатель достаточно активно использует термин «специальные знания», однако не приводит его определения, что вполне закономерно влечет за собой многочисленные попытки выработки данного понятия среди исследователей. В общем виде специальные знания можно определить как зна-

ния в области науки, искусства, техники и ремесла, приобретенные при получении специального образования или в процессе практической работы по конкретной специальности. Однако представляется, что для предотвращения различного понимания указанного термина и разрешения спорных вопросов его значение должно быть законодательно закреплено. Только в этом случае удастся достичь единого и четкого понимания специальных знаний, образующих основу теории судебной экспертизы и используемых в уголовном процессе и криминалистической деятельности при расследовании и раскрытии преступлений разной направленности.

Одним из видов преступлений, раскрытие и расследование которых невозможно без использования специальных знаний в различных формах, является присвоение и растрата. Рассмотрим подробно некоторые особенности использования специальных знаний при производстве отдельных следственных действий по уголовным делам указанной категории.

К числу ключевых следственных действий при расследовании присвоения и растраты относится осмотр места происшествия, в ходе которого возможно обнаружение и изъятие не только материальных следов (рукописные записи, документы финансовой отчетности и др.), но и криминалистически значимой компьютерной информации. Последнее обстоятельство в настоящее время обусловлено повсеместным использованием в деятельности предприятий и организаций электронного документооборота, который в том числе ведется на базе специализированного программного обеспечения. При подготовке к осмотру места происшествия по делам о присвоении и растрате следует тщательно подходить к определению состава следственно-оперативной группы, в которую надлежит включать сотрудника подразделения экономической безопасности, специалиста в сфере информационных технологий, поскольку особую сложность вызывает обнаружение и изъятие электронной информации, а также, по возможности, специалистов в сфере бухгалтерского учета¹.

Следственная практика свидетельствует о том, что в ряде случаев при производстве следственных действий, связанных с изъятием электронных носителей информации, происходит потеря, подмена или уничтожение компьютерной информации, вызванные некаче-

ственной подготовкой данных мероприятий. В связи с этим главной задачей следователя становится обеспечение сохранности изъятого объекта в неизменном виде как первоисточника достоверной информации. По отношению к электронным носителям информации в процессе производства следственного действия должно быть принято одно из следующих решений: носитель не изымать, информацию не копировать; носитель не изымать, информацию скопировать; носитель изъять.

В ходе следственного действия следователю необходимо уяснить ряд вопросов, касающихся электронных носителей информации.

1. Содержатся ли на электронных носителях информации сведения, имеющие значение для уголовного дела. Для этого необходимо с участием специалиста произвести осмотр информации на электронном носителе. Одновременно необходимо устанавливать коды доступа, пароли, ключи шифрования и т. п. (путем поиска соответствующих надписей, записей, проведения опросов, оперативных комбинаций и т. п.). Если интересующая следствие информация не обнаружена, то носитель изъятию не подлежит. О результатах осмотра информации на электронном носителе обязательно делается запись в протоколе следственного действия.

2. Кто является законным владельцем электронных носителей или обладателем содержащейся на них информации. В протокол следственного действия подлежат включению следующие сведения: кто, на основании каких документов (показаний) является обладателем какого объекта (какой именно информации), где на электронном носителе информации она размещена, причины, по которым установить такие сведения не представилось возможным.

3. Может ли имеющаяся на носителях информация быть использована для совершения новых преступлений.

4. Имеются ли технические возможности для копирования информации, имеющей значение для уголовного дела.

Присутствие компьютерного оборудования в организации не гарантирует наличия на нем искомой информации, а также ее целостности и доступности (в настоящее время широко применяется практика хранения и обработки информации как в российских, так и зарубежных центрах обработки данных). Поэтому к производству следственных действий в организациях и у предпринимателей, использующих в своей деятельности большие объемы данных, необходимо привлекать не только стороннего IT-специалиста, но и сотрудников, осуществляющих компьютерное сопровождение организации (системного администратора, программиста и т. п.), и изымать информацию из «облачных хранилищ» и серверов непосредственно на месте. До начала следственного действия необходимо подготовить технические средства для осмотра и копирования компьютерной информации. Копирование информации следует производить на носители информации (компакт-диски) однократной записи. Если предполагается изъятие больших объемов информации, для копирования можно использовать накопители на жестких магнитных дисках большого объема. Для осмотра и копирования информации также можно использовать ресурсы организации.

5. Может ли изъятие электронных носителей информации привести к приостановлению законной деятельности юридических лиц или индивидуальных предпринимателей. Необходимо отметить, что изъятие серверов или носителей информации из них негативно влияет на осуществление предприниматель-

ской деятельности, в то же время изъятие мобильных устройств, флеш-накопителей, компакт-дисков и карт памяти, как правило, не влечет приостановление законной деятельности юридического или физического лица.

6. Может ли копирование информации с электронного носителя повлечь за собой ее утрату или изменение. Как правило, копирование информации из подавляющего большинства устройств, снабженных автономными источниками электрического питания (мобильных телефонов, планшетов, навигаторов и т. п.), приводит к ее изменению. Кроме того, к изменению информации также способно привести ее копирование без применения специализированных программно-аппаратных средств.

Нельзя не принимать во внимание и тот факт, что в ходе осмотра места происшествия по делам о присвоении и растрате могут быть обнаружены следы, свидетельствующие об инсценировке. Инсценировка кражи – один из способов сокрытия недостачи. В практике наиболее часто встречаются инсценировки краж из помещений предприятий торговли. Поэтому в каждом случае кражи из магазина необходимо устанавливать, когда проводилась последний раз ревизия, когда должна быть следующая (зачастую инсценировка кражи совершается незадолго до предстоящей ревизии). В подавляющем большинстве сотрудники магазина, инсценируя кражу, весьма туманно представляют себе последовательность действий реального преступника, в связи с чем допускают логические ошибки, обнаружение которых в ходе осмотра места происшествия позволяет установить действительное положение вещей, и здесь значимую роль играет специалист-криминалист, который должен привлекаться в качестве специалиста к производству данного следственного действия. Об

инсценировке может свидетельствовать просматривающийся способ совершения преступления, который не рационален. Так, при совершении кражи, как правило, выбираются преграды, которые наиболее легко преодолеть, затратив при этом как можно меньше времени и сил и произведя как можно меньше шума². Соответственно, например, если при отсутствии решеток на окнах проникновение совершено путем взлома металлической двери, может обоснованно возникнуть версия об инсценировке, поскольку взлом металлической двери является трудоемким делом, производящим значительное количество шума.

Еще одним признаком инсценировки хищения в данном случае будет являться наличие повреждений, причиненных орудиями взлома, внутренних, а не на наружных частях преград. Характерной ошибкой инсценировщиков является разбитие окна изнутри, а не снаружи, о чем свидетельствует специфическая осыпь осколков. Встречаются в практике и случаи взлома дверей в помещении изнутри. Инсценировщик, не владея основами криминалистики, полагает, что достаточно создать повреждение на двери, в результате которого появляется доступ в помещение, не понимая, что отжатие двери изнутри и снаружи оставляет различные следы, что очевидно для специалиста³. Об инсценировке свидетельствует и несоответствие размера повреждения габаритам похищенного предмета⁴. Например, о проникновении на склад свидетельствует лишь поврежденная или открытая форточка окна, в то время как похищен крупногабаритный предмет.

Еще одним моментом, вызывающим сомнение в действительности произошедшего проникновения в помещение, является противоестественное размещение пролома. Например, отверстие в стене находится на такой высоте от зем-

ли, что пробить его с улицы мог только очень высокий человек, в то время как изнутри торговой точки отверстие могло быть проделано человеком даже ниже среднего роста, поскольку пол в помещении находится выше уровня земли почти на два метра.

Анализу мыслительной деятельности следователя должны подвергаться обнаруженные способы проникновения с точки зрения временной и физической затратности. Так, например, если дверь в помещение можно легко сорвать с петель, а проникновение произошло путем распила дужки навесного замка, на что было затрачено гораздо больше времени и усилий, чем требовалось бы для выбивания двери и вследствие чего шум был более долгий и громкий, то версия об инсценировке должна быть проверена одной из первых⁵.

Зачастую следы инсценировки могут быть обнаружены при исследовании запорных устройств, которые якобы были взломаны или открыты. Это может быть обнаружение на взломанном замке повреждений, нанесение которых возможно исключительно при нахождении замка в открытом состоянии. Взломы, которые совершены с целью инсценировки кражи, от взломов реального характера отличаются и степенью разрушения запирающих механизмов, и примененными орудиями взлома, и расположением следов, и многим другим, что может выявить лицо, владеющее специальными знаниями. Так, например, расположение следов «взлома» исключительно вокруг замочной скважины и отсутствие их на ее краях свидетельствуют исключительно о нанесении следов, но не об открытии замка посторонним предметом. О факте того, что отмычка не применялась, свидетельствует и отсутствие следов на направляющем штифте и на внутренней стороне крышки замка. Отсутствие либо

наличие таких следов может быть определено визуально при осмотре замочной скважины, однако окончательный ответ на вопрос о том, действительно ли замок был взломан или имела место инсценировка, может быть получен лишь путем производства трасологической судебной экспертизы.

В случае, когда в ходе осмотра места происшествия не были обнаружены все необходимые для доказывания предметы и документы либо в ходе расследования получена дополнительная информация о возможном местонахождении других доказательств, важную роль играет обыск, в производстве которого также целесообразно участие специалиста. Обыски проводятся в офисе юридического лица, по месту жительства руководителя, финансового директора, главного бухгалтера юридического лица. В процессе обыска у юридического лица изымают как официальные документы, так и черновые записи, всевозможные списки номеров телефонов и фамилий лиц, которые связаны с подозреваемым лицом, заготовки поддельных документов, клише печатей и штампов, бланки, средства оргтехники, использованные для изготовления. Также целесообразно изъять всю первичную бухгалтерскую документацию⁶.

Сложной является тактика производства обыска в помещениях, в которых много компьютерных устройств и возможен удаленный доступ к ним, поскольку в таком случае интересующая следствие информация может быть легко изменена или уничтожена. Следует учитывать, что даже включение/выключение компьютера или разрыв сетевого соединения могут привести к уничтожению или изменению информации, поэтому по прибытии на место обыска необходимо прежде всего запретить доступ к компьютерной технике всем лицам, находящимся в по-

мещении (на объекте). Если компьютеры объединены в сеть, необходимо установить их расположение, назначение и IP-адреса, наличие сервера, маршрутизаторов (роутеров), места прокладки кабелей, расположение точек подключения к каналам связи (компьютерных розеток), а также наличие установленного на ПК программного обеспечения для удаленного доступа.

Помимо обыска, изъятие документации и электронной информации может осуществляться в ходе выемки, к участию в которой также видится необходимым привлечение соответствующего специалиста. В процессе выемки у представителя юридического лица изымают документы, касающиеся ведения финансово-хозяйственной деятельности, регистрационные документы организации. Изъятие финансовой документации имеет огромное значение для последующего доказывания причастности конкретных лиц к совершению данного преступления.

Еще одно следственное действие, в котором существенна роль специалиста, – это допрос. Одной из особенностей производства данного следственного действия по рассматриваемой категории уголовных дел является необходимость владения определенными знаниями в сфере экономики и бухгалтерского учета. В силу указанной специфики возникает необходимость в участии в допросах по расследуемому уголовному делу специалиста в данной сфере. Конечно, наилучшим вариантом является поручение расследования уголовного дела о присвоении и растрате следователю, который обладает глубокими знаниями в сфере экономики и бухгалтерского учета, однако анализ следственной и судебной практики приводит к выводу о том, что таких специалистов в правоохранительной системе достаточно мало. Производство

уголовных дел рассматриваемой категории наравне с остальными (общеуголовными) обычно поручается тем следователям, у которых наименьшая нагрузка по находящимся в производстве уголовным делам, в силу чего возникает насущная необходимость воспользоваться помощью соответствующего специалиста. Присутствие специалиста обеспечивает возможность следователю получить необходимые разъяснения непосредственно во время допроса, не требуя его прерыва и дополнительных временных затрат на получение консультаций.

Совершенно обоснованной видится рекомендация приглашать специалиста к участию в допросе в тех ситуациях, когда следователь достоверно знает о наличии у допрашиваемого глубоких знаний в определенной сфере, которые отсутствуют у него, поскольку здесь нередко может возникнуть ситуация, когда допрашиваемый начинает активно объяснять следователю сложную схему объектов и многообразие связей между ними, тем самым выясняя уровень знаний следователя в конкретной отрасли, его способность воспринимать смысл терминов⁷. Не обладая специальными знаниями в конкретной области, следователь, оказавшись один на один с допрашиваемым, гораздо лучше ориентирующимся в предмете допроса, выглядит крайне неубедительно. При этом могут допускаться ошибки, когда следователь демонстрирует допрашиваемому свою некомпетентность в предмете допроса, уточняя

значение различных терминов, тем самым фактически получая консультацию от допрашиваемого в ходе производства следственного действия. Такая линия поведения следователя недопустима, поскольку сразу дискредитирует его как профессионала. Это лишний раз свидетельствует о необходимости в указанных ситуациях готовиться к производству допросов по делам о присвоении и растрате с участием специалиста (специалистов) в сфере экономики, бухгалтерского учета или иных смежных специальностей.

В заключение подчеркнем, что при расследовании присвоения и растраты вопрос о необходимости и целесообразности привлечения специалиста к участию в следственном действии разрешается следователем с учетом целей и задач данного следственного действия, а также на основе анализа текущей следственной ситуации и обстоятельств совершенного преступления. При этом очевидно, что повышение эффективности раскрытия и расследования преступлений рассматриваемого вида тесным образом связано с квалификацией привлекаемых специалистов, в связи с чем важно исключить формальный подход при подборе участников следственного действия. Представляется, что указанная мера позволит избежать значительного количества проблем и ошибок, приводящих к некачественному изъятию или утрате криминалистически значимой информации и в результате – к невозможности ее использования в качестве доказательства.

¹ См.: Белкин А. Р. Теория доказывания : криминалистический и оперативно-розыскные аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2000. С. 100.

² См.: Солодовник В. В., Тишкина Н. В. Понятие и способы маскировки преступления // Мир юридической науки. 2015. № 7. С. 72.

³ См.: Соловьев А. В. Общие положения криминалистической методики расследования преступлений // Криминалистика : учебник / под ред. Е. П. Ищенко. М. : Проспект, 2011. С. 341.

⁴ См.: Балугина Т. С. Типичные следственные ситуации начального этапа расследования краж имущества юридических лиц и алгоритм действий в них // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2015. № 4 (25). С. 4.

⁵ См.: Миронова Е. А., Образцов В. А. Криминальная инсценировка как система фикций // Образование и право. 2019. № 2. С. 182.

⁶ См.: Якупов Р. К. Методика расследования налоговых преступлений // Теория и практика современной науки. 2018. № 10 (40). С. 459.

⁷ См.: Егоров Н. Н. Вещественные доказательства : уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты. М. : Юрлитинформ, 2007. С. 197.

*Московский университет МВД России имени
В. Я. Кикотя*

Меркулова М. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, полковник полиции

E-mail: merkulova.mosu@gmail.com

Тел.: 8-905-780-34-59

*Moscow University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya*

Merkulova M. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminalistics, Police Colonel

E-mail: merkulova.mosu@gmail.com

Тел.: 8-905-780-34-59

Шлемен В. В., слушатель 5-го курса, младший лейтенант полиции

E-mail: Nika9901@mail.ru

Тел.: 8-980-000-62-22

Shlemen V. V., 5th-year Student, Junior Police Lieutenant

E-mail: Nika9901@mail.ru

Тел.: 8-980-000-62-22

В. А. Мещеряков

Воронежский государственный университет

О. Ю. Цурлуй

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ НОТАРИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

А н н о т а ц и я: существующие коллизии норм, регламентирующих нотариальное обеспечение доказательств, вызывают множество вопросов и существенные затруднения в правоприменении. Авторами статьи путем анализа способов нотариального обеспечения доказательств выявлены положительные и проблемные стороны указанного правового института.

К л ю ч е в ы е с л о в а: доказательство, доказывание, экспертиза, нотариус, назначение экспертизы, обеспечение доказательств, судопроизводство.

NOTARIAL SUPPORT OF EVIDENCE FROM THE POINT OF CRIMINALISTICS DURING TOTAL DIGITALIZATION

Abstract: the existing conflicts of norms regulating the notarial provision of evidence cause a lot of questions and significant difficulties in law enforcement. The authors identified the positive and problematic aspects of this legal institution by analysing of notarial methods of evidence providing.

Key words: proof, prove, examination, notary, appointment of examination, provision of evidence, legal proceedings.

Поступила в редакцию 18 января 2022 г.

Активное внедрение современных информационных и телекоммуникационных технологий во все сферы человеческой жизни, провозглашение политики цифровизации всех сфер экономики и общественных отношений неминуемо привело к попыткам их внедрения в российское судопроизводство. С завидной регулярностью стали появляться законодательные предложения и законопроекты о расширении сферы использования электронных документов, проведении судебных заседаний в режиме видеокон-

ференции и внедрении электронных доказательств.

При этом если во все виды процессуального законодательства предлагаемые новшества внедряются постепенно и с большой осторожностью, то во все иные сферы нормативного регулирования цифровые и телекоммуникационные нововведения хлынули бурным потоком. Неся с собой позитивные изменения (повышение комфортности и скорости всех юридических процессов, возможности дистанционного осуществления юридически значимых действий и т. п.), в ряде случаев они оказывались не столь безобидными и начинали негативно влиять

на весьма значимые свойства отечественного судопроизводства.

Одним из примеров такого неоднозначного влияния попытки совершенствования законодательства о нотариате на все процессуальное законодательство стало принятие Федерального закона от 27 декабря 2019 г. № 480-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹.

Как было указано в тексте пояснительной записки в системе обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации к внесенному законопроекту № 750699-7, основной его целью были оптимизация нотариальной деятельности, повышение востребованности нотариальной защиты прав граждан и юридических лиц в условиях развития цифрового общества². На первый взгляд это никак не должно было оказать существенного влияния на процессуальное законодательство и тем более на уголовно-процессуальное. Однако, как выяснилось, это не совсем так.

В соответствии с п. 35 ст. 1 названного Федерального закона статья 103 Действия нотариуса по обеспечению доказательств «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате»³ (далее – Основы) дополнялась частью второй, содержащей положения о том, что «обеспечение доказательств в виде осмотра информации, находящейся в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, может быть совершено удаленно в порядке, установленном статьей 44.3 настоящих Основ».

Таким образом, в дополнение к уже законодательно закрепленным формам (следует заметить, весьма туманным с процессуальной точки зрения) нотариального обеспечения доказательств (до-

просу свидетелей, осмотру письменных и вещественных доказательств, а также назначению экспертизы) добавилась такая форма, как осмотр информации в сети Интернет.

В результате обстоятельства, отраженные в нотариально заверенных протоколах названных выше действий, в соответствии со статьей 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) и статьей 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) не требуют доказывания и признаются доказательствами с незначительными оговорками. Учитывая, что в российском законодательстве обстоятельства и факты, ранее установленные вступившими в законную силу решениями/приговорами по другому делу, в котором участвуют те же лица, обязательны для принятия судами в качестве доказательств без дополнительной проверки и возможности оспаривания на основании статьи 61 ГПК РФ, статьи 90 УПК РФ, статьи 69 АПК РФ и статьи 90 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ).

На основании изложенного обстоятельства и факты, закрепленные в нотариально заверенном протоколе, становятся доказательством практически в любом виде судопроизводства. При этом подобное положение вещей обосновывается потребностью практики и необходимостью обеспечения доказательств в связи с предполагаемой перспективой утраты фактами и обстоятельствами своего доказательственного значения на момент рассмотрения их судом.

Сторонники правомерности и целесообразности нотариального обеспечения доказательств для последующего их представления заинтересованными лицами в порядке гражданского, арбитраж-

ного и административного судопроизводства обосновывают данную деятельность следующими аргументами.

Во-первых, это прямо предусмотрено Основами законодательства Российской Федерации о нотариате.

Во-вторых, в силу присущего российскому процессуальному законодательству принципа свободной оценки доказательств (ст. 67 ГПК РФ и ст. 71 АПК РФ) суд общей юрисдикции либо арбитражный суд в любом случае будут оценивать обеспеченные нотариусом доказательства по общим правилам их относимости, допустимости, достаточности и достоверности⁴.

Вместе с тем подобное положение вещей вызывает много принципиальных вопросов. Так, если допрос свидетелей и осмотр письменных и вещественных доказательств как по сути, так и по процессуальным моментам (за счет использования в тексте закона отсылки к нормам гражданского процессуального законодательства) становится понятен, то назначение экспертизы и особенно осмотр информации в сети Интернет, на наш взгляд, не выдерживает серьезной критики. Рассмотрим названные выше действия нотариуса по обеспечению доказательств подробнее.

Назначение экспертизы

Созвучие названий *назначение экспертизы* нотариусом и *назначение судебной экспертизы* вызывает полное ощущение того, что это фактически два синонимичных названия одного и того же действия, порождающего одинаковые правовые последствия. Кроме созвучных названий для этого есть ряд объективных причин, усиливающих это ощущение.

Во-первых, начиная с 2015 г. Основами предоставлена возможность нотариального обеспечения доказательств не

только на досудебной, но и на судебной стадии.

Во-вторых, порядок проведения обеспечительных мероприятий нотариусами (в частности, назначения экспертизы), как и назначение судебной экспертизы в гражданском судопроизводстве, регулируется нормами гражданского процессуального законодательства.

В-третьих, в гражданском и арбитражно-процессуальном законодательстве содержатся нормы, устанавливающие, что факты и обстоятельства, отраженные в нотариально заверенных протоколах, не требуют доказывания и признаются доказательствами.

Однако это не совсем так, хотя заинтересованное лицо, обратившееся с соответствующим ходатайством к нотариусу и заплатившее ему установленную денежную сумму, рассчитывает получить именно полноценные доказательства в будущем или уже идущем судебном споре, а при определенных условиях (благодаря преюдиции) даже и в уголовном процессе. Рассмотрим существующие различия.

1. *Источники финансирования деятельности субъекта назначения экспертизы.*

При нотариальном обеспечении доказательств экспертизу назначает частный нотариус (государственных нотариусов в России практически не осталось⁵), осуществляющий свою деятельность на средства, получаемые от обратившихся лиц⁶.

При назначении судебной экспертизы в соответствии с процессуальным законодательством (ГПК, АПК) экспертизу назначает максимально независимый от интересов сторон судья, деятельность которого обеспечивается финансированием из государственного бюджета.

2. *Открытость самого факта привлечения специальных знаний в форме назначения экспертизы.*

При нотариальном обеспечении доказательств допускается назначение нотариусом экспертизы скрытно от одной из сторон, в том числе в случае, когда спор уже находится на рассмотрении в суде. Подобное назначение в соответствии со статьей 103 Основ допустимо для случаев, не терпящих отлагательства, или когда нельзя определить, кто впоследствии будет участвовать в деле.

Действующим законодательством на нотариуса не возлагается обязанность устанавливать, находится ли соответствующий спор в суде или нет. Он может не интересоваться перечнем сторон и третьих лиц в соответствующем судебном споре, следовательно, не извещать их о времени и месте производства назначенной экспертизы.

При назначении судебной экспертизы в соответствии с процессуальным законодательством (ГПК, АПК) стороны информируются о необходимости привлечения специальных знаний для разрешения возникших в ходе судебного процесса вопросов, поскольку решение о необходимости назначения судебной экспертизы принимается в ходе судебного заседания с участием сторон и иных участников процесса.

3. Процедура формирования вопросов при назначении экспертизы.

Несмотря на кажущуюся простоту процесса формулирования вопроса, он имеет серьезное значение для организации экспертного исследования и правильного применения специальных знаний при разрешении судебных споров.

Общеизвестно, что вопрос и ответ входят в тесной логической взаимосвязи⁷, и тактически грамотная формулировка вопросов одной из сторон может значительно повлиять на результат экспертизы, поскольку эксперт отвечает только на те вопросы, в той форме и в том объеме, в каком они перед ним поставлены.

При формировании вопросов, выносимых на разрешение эксперта при нотариальном обеспечении доказательств, доминирующим фактором является воля обратившегося к нотариусу заинтересованного лица. Кроме того, действующим законодательством не установлены основания отказа нотариуса от включения какого-либо вопроса, выносимого на разрешение эксперта, или изменения его формулировки по сравнению с редакцией, предложенной заинтересованным лицом.

При назначении судебной экспертизы в соответствии с процессуальным законодательством (ГПК, АПК) каждая из сторон и другие лица, участвующие в деле, вправе представить суду вопросы, подлежащие разрешению при проведении экспертизы. Однако окончательный круг вопросов, по которым требуется заключение эксперта, определяется судом. Отдельные вопросы, предложенные участниками судебного процесса, по объявленным сторонам мотивам могут быть судом отклонены.

4. Правовое регулирование проведения экспертного исследования.

В данном вопросе наблюдается определенная правовая коллизия. Право назначения экспертизы статьей 103 Основ нотариусам предоставлено, этой же законодательной нормой определено, что при производстве необходимых процессуальных действий по обеспечению доказательств нотариус должен руководствоваться соответствующими нормами гражданского процессуального законодательства Российской Федерации.

При этом в Федеральном законе от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»⁸ и нормах ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) и УПК РФ, посвященных производству су-

дебной экспертизы, упоминания нотариуса как субъекта, обладающего правом назначения экспертизы со всеми вытекающими из этого последствиями не содержится.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о некотором процедурном различии и нечеткой законодательной регламентации назначения экспертизы нотариусом.

Осмотр информации, находящейся в сети Интернет

Наиболее неоднозначным, на наш взгляд, в перечне способов нотариального обеспечения доказательств является осмотр информации, находящейся в сети Интернет, предусмотренный статьей 103 Основ.

Данный вид обеспечения доказательств становится все более востребованным, поскольку субъекты современных правоотношений сталкиваются с необходимостью заверения переписки по электронной почте и в интернет-мессенджерах в целях подтверждения самого факта возникновения соответствующих видов правоотношений, заключения договоров, подтверждения выполнения обязательств и иных юридически значимых фактов взаимодействия субъектов. Достаточно часто основанием для обращения к нотариусу за обеспечением доказательств данного вида выступает распространение в сети Интернет сведений, порочащих честь и достоинство человека, либо размещение заведомо ложной информации, порочащей деловую репутацию юридического лица.

Как утверждают сторонники данного вида обеспечения доказательств, нет лучшего варианта для этого, как осмотр доказательств нотариусом, и только нотариальный осмотр в настоящее время является быстрым способом фиксации информации, находящейся в сети Интернет.

Кроме того, значимую роль в повышении востребованности этого нотариального процессуального действия играет и тот факт, что суды все активнее принимают нотариальные протоколы, фиксирующие доказательства⁹.

Все перечисленные выше юридические факты и обстоятельства, будучи нотариально заверенными, в дальнейшем могут быть предъявлены суду в качестве доказательств в целях защиты нарушенных прав одной из сторон.

Для нотариального обеспечения названных выше доказательств заинтересованное лицо (физическое или юридическое) обращается к нотариусу с письменным заявлением, на основании которого нотариус производит осмотр указанного заявителем информационного источника и составляет протокол осмотра, который будет использован в качестве доказательства в предстоящем или уже начатом судебном споре¹⁰.

Наличие растущего спроса на подобного рода услуги влечет появление соответствующих предложений. Так, мониторинг сети Интернет выявил сайты нескольких компаний, зарегистрированных в качестве юридических лиц, доступных широкому кругу пользователей, предлагающих подобного рода услуги на возмездной основе.

Зачастую для таких компаний услуга по нотариальному заверению информации сайтов в сети Интернет не является единственной в перечне предоставляемых ею услуг. Например, ООО «Регистрация доменных имен РЕГ.РУ», являющаяся регистратором доменных имен и хостинг-провайдером, на своем сайте предлагает в том числе услугу по нотариальному заверению сайта¹¹.

Более того, на страницах сайтов таких компаний приводится обширная судебная практика, подтверждающая факты востребованности и признания дока-

зательственного значения результатов услуг по заверению сайтов. Например, сайт сервиса Вебджастис Интернет правосудие демонстрирует подобную статистику¹².

В ряде случаев предложения о заверении информации, содержащейся на сайте в сети Интернет, размещаются непосредственно на официальных интернет-страницах нотариусов¹³.

Давайте внимательно разберемся, в чем суть выполняемых нотариусом процессуальных действий по обеспечению доказательств в виде осмотра информации, находящейся в сети Интернет, последовательно отвечая на ряд вопросов.

Что же осматривает нотариус?

В соответствии с буквальной формулировкой положений статьи 103 Основ осмотру подлежит «информация», одним из свойств которой является тот факт, что она размещена в сети Интернет. Эта категория в настоящее время является столь же важной для понимания всех информационных процессов, сколь и терминологически запутанной.

Существует огромное количество подходов к определению содержания данной категории, ориентированных на ту или иную сферу человеческой деятельности, область науки или техники.

В соответствии с бытовым обыденным представлением информация (от лат. *informatio* – «разъяснение, представление, понятие о чем-либо»; *informare* – «придавать вид, форму, обучать; мыслить, воображать»¹⁴) – сведения об окружающей нас действительности и протекающих в ней процессах.

Однако, учитывая направленность нашего исследования, нас в первую очередь будут интересовать соответствующие юридические определения и представление об информации в областях, связанных с информатикой и компью-

терной техникой, поскольку от контекста его использования существенно зависит его смысл.

Толковый словарь Ожегова выделяет два значения этого термина:

«1. Сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком или специальным устройством;

2. Сообщения, осведомляющие о положении дел, о состоянии чего-нибудь»¹⁵.

Говоря о юридическом значении категории информации, традиционно обращаются к Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – ФЗ об Информации), который определил информацию предельно кратко и в самом общем виде: «**информация – сведения (сообщения, данные)** независимо от формы их представления»¹⁶.

В свою очередь, если посмотреть на значение термина **сообщение** в Толковом словаре русского языка Ожегова, то можно увидеть, что он определяется как «то, что сообщается, известие, **информация**»¹⁷. Фактически круг определений замыкается, не добавляя ничего принципиально нового и не проясняя все возникающие в сфере правового регулирования вопросы.

Это вполне понятно, поскольку еще основоположник кибернетики Норберт Винер отмечал, что «информация – это не материя и не энергия, информация – это информация»¹⁸.

Внимательный анализ специальной литературы показывает, что используемое в действующем законодательстве (ФЗ об Информации, УК РФ и др.) определение информации в настоящее время уже далеко не в полной мере отвечает современному уровню накопленных знаний.

Например, философский энциклопедический словарь отметил, что «первоначальное понимание информации как сведений сохранялось вплоть до середины XX в. В связи с развитием коммуникационных средств были предприняты первые попытки измерения количества информации с использованием вероятностных методов»¹⁹.

По своей сути категория «информация» является одним из трех базовых и фундаментальных понятий науки (вещество, энергия и информация), которые, по мнению ряда крупнейших ученых, невозможно определить однозначно.

Учитывая это, весьма значимым представляется определение информации, предложенное одним из основателей отечественной кибернетики В. М. Глушковым и связывающее воедино все три фундаментальных понятия современной науки (вещество, энергию и информацию). Он утверждал, что информация «есть мера неоднородности материи и энергии в пространстве, мера изменений, которыми сопровождаются все протекающие в мире процессы»²⁰.

На наш взгляд, именно эта точка зрения является наиболее обоснованной и практически востребованной для решения основных задач правоприменения. Важнейшим ее достоинством является то, что она позволяет перебросить логический мостик от качественного восприятия информации как результата происходящих в результате всеобщего взаимодействия материальных объектов к их количественной мере.

Резюмируя все сказанное выше, мы приходим к закономерному выводу, что осмотреть (т. е. воспринять визуально, интерпретировать материальные объекты с помощью отраженного от них в окружающей среде света, поступающего к человеку через органы зрения) информацию, понимаемую как «сведения»,

«данные», «меру неоднородности», ни нотариус, ни кто-либо другой не сможет ввиду нематериальной природы категории информация.

Тогда поставленный нами вопрос звучит еще более отчетливо – что же все-таки мы осматриваем, говоря об осмотре информации?

Достаточно простой и в то же время эффективный для понимания специфики формирования доказательств ответ на этот вопрос дает криминалистическая теория отражения. Отражение – всеобщее свойство, присущее любой материи. Результатом такого отражения является информация, которая возникает всегда и существует объективно независимо от нашей готовности ее зарегистрировать или каким-либо образом использовать²¹.

В результате, говоря об информации как о результате отражения, следует подчеркнуть, что информация не может существовать сама по себе, вне своего носителя. Она обязательно выражена (материализована) в виде изменения какого-либо свойства своего носителя (того или иного материального объекта), возникшего в результате взаимодействия объектов окружающей действительности.

Таким образом, говоря об осмотре информации, мы имеем в виду непосредственное восприятие количественных и качественных изменений одного или комплекса взаимосвязанных свойств материального носителя этой информации, являющихся результатом взаимодействия объектов окружающей действительности.

Это наиболее общее представление охватывает любые виды носителей информации: бумажные, металлические, магнитные, электронные и др. Кроме того, оно созвучно подходу, использованному законодателем в тексте статьи

103 Основ. Перечисляя виды нотариального обеспечения доказательств, он называет только допрос свидетелей, осмотр письменных и вещественных доказательств и назначение экспертизы, не добавляя в этот перечень используемый в следующем абзаце такой вид обеспечения доказательств, как осмотр информации в сети Интернет.

Из этого следует, что информация, находящаяся в сети Интернет, рассматривается в качестве одного из видов письменных или вещественных доказательств. Исходя из анализа содержания определений, приведенных в статье 71 Письменные доказательства и статье 73 Вещественные доказательства ГПК РФ, становится ясно, что информация, находящаяся в сети Интернет, с точки зрения статьи 103 Основ, – это письменное доказательство.

Дополнительным аргументом в пользу такой трактовки является упоминание в определении письменных доказательств в статье 71 ГПК РФ, кроме всего прочего, документов и материалов, полученных посредством электронной или другой связи, с использованием сети Интернет.

Насколько справедливо такое утверждение, рассмотрим далее.

*Какую информацию осматривает
нотариус?*

Согласимся с мнением о том, что «в ходе осмотра письменных и вещественных доказательств сведения, изложенные в них, воспринимаются нотариусом непосредственно, путем визуального осмотра и не требуют специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла»²².

Поддерживая рациональность нотариального заверения письменных документов на бумажном носителе, любое изменение которого можно установить экс-

пертным путем, позволим поставить под сомнение допустимость нотариального заверения сведений интернет-страниц по следующим основаниям.

Обратимся для начала к законодательному определению понятия письменных документов.

Нормы статьи 71 ГПК РФ в качестве письменных доказательств предусматривают содержащие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, акты, договоры, справки, деловую корреспонденцию, иные документы и материалы, выполненные в форме цифровой, графической записи, в том числе полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи, с использованием сети Интернет, документы, подписанные электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, либо выполненные иным позволяющим установить достоверность документа способом. К письменным доказательствам относятся приговоры и решения суда, иные судебные постановления, протоколы совершения процессуальных действий, протоколы судебных заседаний, приложения к протоколам совершения процессуальных действий (схемы, карты, планы, чертежи). Письменные доказательства представляются в подлиннике или в форме надлежащим образом заверенной копии.

Практически аналогичное содержание письменных документов содержится в статье 75 АПК РФ, а также статье 70 КАС РФ.

Ключевым моментом в заверении доказательственного значения письменного документа, как следует из буквы закона, выступает установление достоверности документа, для чего необходимо знание способа выполнения такого документа.

Обеспечение доказательств в виде осмотра информации, находящейся в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, может быть совершено удаленно в порядке, установленном статьей 44.3 Основ.

Отметим, что в рамках исследования вопроса о нотариальном заверении информации, находящейся в сети, интернет-форма представления информации крайне важна, поскольку невозможно осмотреть содержание сведений без учета формы закрепления.

Одной из базовых категорий, лежащих в основе большинства процессуальных и следственных действий, является «компьютерная информация».

Несмотря на то что в примечании к статье 272 УК РФ дано законодательное определение данной категории, в котором «под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи»²³, на практике по-прежнему возникает множество вопросов, связанных с его пониманием и толкованием в различных нестандартных ситуациях правоприменения. В связи с этим рассмотрим данную категорию подробно.

В словосочетании «компьютерная информация» (русскоязычная калька с английского термина «computer information») базовым понятием является «информация», а прилагательное «компьютерная» характеризует лишь одно из ее свойств (особенностей).

В рамках исследуемой темы необходимо привести определение сайта.

Согласно статье 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 09.03.2021) сайт в сети «Интернет» – совокупность программ для электрон-

ных вычислительных машин и иной информации, содержащейся в информационной системе, доступ к которой обеспечивается посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее – сеть «Интернет») по доменным именам и (или) по сетевым адресам, позволяющим идентифицировать сайты в сети «Интернет» (п. 13 введен Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 139-ФЗ (в ред. Федерального закона от 7 июня 2013 г. № 112-ФЗ).

Из содержания законодательно закрепленного определения следует, что наблюдаемая всеми пользователями картина при обращении к какому-либо сайту в сети Интернет – это результат работы компьютерной программы со всеми вытекающими особенностями и возможностями, присущими ей.

В свою очередь, доменное имя – это «обозначение символами, предназначенное для адресации сайтов в сети “Интернет” в целях обеспечения доступа к информации, размещенной в сети “Интернет”, а сетевой адрес – «идентификатор в сети передачи данных, определяющий при оказании телематических услуг связи абонентский терминал или иные средства связи, входящие в информационную систему».

На основании приведенных определений складывается четкое представление о процессе доступа к сайту в сети Интернет. Пользователь вводит в браузере своего компьютера адрес требуемого ему сайта (например, www.yandex.ru), и в соответствии с указанным адресом через сеть Интернет направляется запрос к компьютерной инфраструктуре, обеспечивающей функционирование соответствующего сайта, и на компьютер потребителя направляется нужная информация.

Из приведенных определений следует, что информация, размещенная в сети Интернет, обладает массой свойств,

не позволяющих приравнять ее к вещественным или письменным доказательствам, что требует применения специальных познаний и технологических приемов для грамотного осмотра.

В нотариальной практике реализация нотариусом правомочия по осмотру информации, находящейся в сети Интернет, осуществляется двумя подходами.

2. Осмотр страницы Интернета требует наличия специальных знаний.

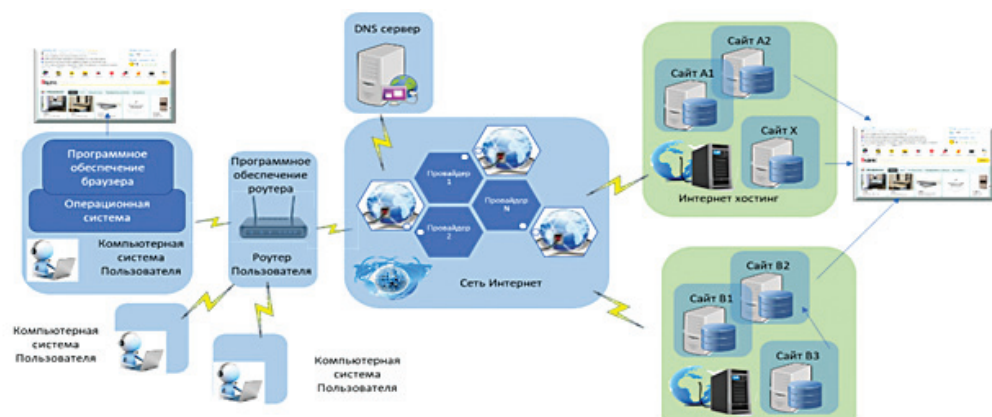
Данный подход свидетельствует о понимании сложности процесса формирования информации на сайте в сети Интернет, который включает в себя следующие этапы.

Аудиовизуальной образ, наблюдаемый и слышимый на компьютере нотариуса, – это результат:

1) определения IP-адреса (почти абсолютных координат места в сети Интернет, где лежит все необходимое) сайта в сети Интернет по его символическому имени.

`www.yandex.ru ==> 77.88.55.66;`

2) динамической (как правило) сборки ситуативного (в зависимости от профиля обратившегося пользователя, географической привязки его IP-адреса, истории предыдущих обращений и даже времени суток) представления образа сайта в соответствии с заданной разработчиком программой из отдельных информационных блоков, размещенных в определенных местах (это могут быть разные файлы, разные физические диски и даже разные компьютерные системы, установленные в различных географических точках).

При определении IP-адреса могут возникнуть следующие проблемы:

1) формирование запроса по доменному имени зависит:

- от настроек браузера, которые могут быть автоматическими, а могут настраиваться умышленно;

- настроек операционной системы, влияющих на поиск IP-адреса, который может быть подменен;

- настроек роутера пользователя, представляющего собой сложный процесс, требующий процедуры подтверждения;

2) определение IP-адреса осуществляется службой DNS, которая также может умышленно исказить сведения;

3) коммутация и передача данных требует выяснения и подтверждения сведений об инфраструктуре провайдера, что представляет собой достаточно сложную процедуру.

При динамическом формировании образа сайта возникают следующие проблемы:

- подмена содержимого информационного блока, из совокупности которых формируется сайт;

- изменение адреса хранения информационного блока;

- изменение логики динамической сборки образа сайта.

Путем поисковых запросов в сети Интернет можно обнаружить сервисы, предлагающие оказание услуг подмены содержимого сайта, что говорит о возможности реализации такой технологии.

Картина происходящего при получении доступа к сайту в сети Интернет значительно сложнее и включает в себя использование целого ряда искусственных моделей взаимодействия, настроенных несколькими субъектами по своему усмотрению исходя из собственных представлений о степени достижения желаемого ими результата.

Причем небрежность (или злой умысел) в настройке параметров этих моделей может привести к непредсказуемым (или наоборот, требующимся для злоумышленника, но не соответствующим действительности) результатам, а виртуальность получаемого эффекта может проявляться в двух основных направлениях:

1) изменение сетевого адреса размещения источника получения данных для отображения искомого сайта;

2) изменение контента сайта, получаемого от источника данных с корректным адресом его размещения.

Рассмотрим эти группы подробнее.

Первая иллюзия (как проявление эффекта виртуальности) заключается в различном понимании термина «возможности идентифицировать сайты в сети Интернет» в криминалистике и иных сферах юридической деятельности.

В соответствии с законодательно установленным определением сайт в сети Интернет идентифицируется по доменным и (или) сетевым адресам. Однако уже здесь есть ряд несоответствий и неоднозначностей.

Первое связано с неоднозначным соответствием сайта его доменному имени и сетевому адресу. Так, с точки зрения криминалистики, идентификация означает тождество (однозначное соответствие) объекта самому себе в различные периоды времени или в различных своих состояниях по своим признакам, зафиксированным в отражениях. В случае с адресацией сайтов в сети Интернет мы знаем, что один и тот же сайт может иметь несколько сетевых адресов или доменных имен.

Так, например, корневой сайт интернет-портала Яндекс с доменным именем Yandex.ru имеет целый пул сетевых адресов (в частности, 5.255.255.60, 5.255.255.70, 77.88.55.66, 77.88.55.70,

87.250.250.11, 87.250.251.11, 93.158.134.11, 213.180.193.11, 213.180.204.11, 77.88.21.11)²⁴, а электронные письма, направленные по различным почтовым адресам (например, digit@yandex.ru и digit@ya.ru), приходят в один и тот же почтовый ящик.

Подобные эффекты связаны с тем, что для решения вопроса определения сетевого адреса для того или иного доменного имени создана целая система хранения доменных имен – DNS (Domain Name System), представляющая собой распределенную базу данных, поддерживаемую с помощью иерархии серверов, взаимодействующих по определенным протоколам²⁵.

Строго говоря, один сетевой адрес за некоторыми маленькими исключениями (например, использования техники подмены IP-адресов и формирования виртуальных интерфейсов в системах виртуализации) соответствует одному интерфейсу (сетевой карте) компьютерной системы. В связи с этим сайт, размещенный на компьютере, имеющем пять сетевых карт (для серьезных серверов это рядовой случай), может иметь пять сетевых адресов, причем даже в различных подсетях (адресных пространствах), а к каждому сетевому адресу может быть привязано столько доменных имен, сколько будет соответствующих записей в таблицах соответствия службы DNS.

Второе несоответствие связано с тем, что таблиц соответствия доменных имен и соответствующих им сетевых адресов существует несколько, а также с тем, что записи о соответствии доменных имен и их сетевых адресов хранятся в нескольких местах на различных технических устройствах, при этом эти места хранения имеют различный приоритет их использования в процессе маршрутизации конкретного запроса.

Так, например, первый тип несоответствия доменного имени и сетевого

адреса искомого сайта в компьютерах, работающих под управлением операционных систем семейства Windows, может быть задан путем модификации содержимого файла hosts.

Если в нем написать строку следующего содержания

127.0.0.1 vk.ru

то браузер начнет искать корневой сайт социальной сети «ВКонтакте» в первую очередь на вашем собственном компьютере, а не в сети Интернет, и только не найдя его в нем, направится на дальнейшие поиски в установленные места глобальной сети.

Следующий тип несоответствия доменного имени и сетевого адреса может быть сформирован путем модификации соответствующей записи в роутере конечного пользователя.

Уже более 10 лет широко известны варианты компьютерных атак, основанных на модификации соответствующих записей в настройках роутеров²⁶.

Более того, на подобной схеме подмены корневых DNS серверов в Интернете строится вся концепция создания Национальной системы доменных имен в Российской Федерации²⁷, которая позволит обеспечить работоспособность российского сегмента Интернета в случае его отключения от международных сетей связи.

Второй уровень виртуализации представления информации, получаемой от источника данных с корректным адресом его размещения, достигается за счет динамического формирования контента сайта.

Большинство значимых сайтов, находящихся свое реальное практическое применение, строится на основе CMS (Content Management System – система управления содержимым) – специальной информационной системы, предназначенной для организации и обеспече-

ния совместного создания, редактирования и управления контентом. При этом элементы контента и настройки сайта хранятся в базе данных (как правило, семейства SQL), что позволяет не хранить готовые страницы (как это бывает в привычных всем обычных книгах), а формировать их динамически в соответствии с текущей ситуацией (профилем обратившегося пользователя, его географическим размещением, историей действий пользователя при предыдущих посещениях сайта и т. п.).

Выделяют три основных варианта динамического формирования контента страницы для интернет-сайта²⁸: генерация страниц по запросу, генерация страниц при редактировании, а также одновременное использование двух названных выше вариантов.

При этом каждый вариант может быть реализован тремя способами²⁹: генерацией содержимого на стороне сервера (фактически программой CMS сайта на серверной вычислительной платформе), генерацией содержимого на стороне клиента (фактически браузера на компьютере пользователя), а также комбинированной генерацией.

В каждом из названных вариантов динамического формирования контента сайта итоговый вид интернет-страницы собирается из отдельных информационных блоков, хранящихся в базе данных сайта или иных местах (других интернет-сайтах, конкретных серверах или даже на компьютерах отдельных пользователей). Причем в качестве информационного блока в таком динамическом сайте может выступать не только сам фрагмент контента, но и URL-адрес его размещения в Интернете.

Приведенные особенности виртуальной природы интернет-сайтов приводят к тому, что появляется возможность динамической подмены контента сайта.

Причем оказывается возможным что называется «на лету», во время самого формирования контента подменять практически любой его тип – текст, графику, формы, кнопки и др. В настоящее время способов реализации динамической подмены контента в Интернете описано великое множество, и технически она не очень сложная. С такой задачей может справиться уже студент-старшекурсник профильного вуза³⁰.

При этом подмена может осуществляться на основе какого-либо свойства компьютерной системы, обращающейся к сайту (например, географической привязки его сетевого адреса³¹) или же по целой совокупности признаков в автоматизированном режиме. В настоящее время в Интернете есть целый спектр предложений подобных услуг, работающих по заверениям их авторов мгновенно, по гибким условиям, на любом сайте, без программиста³².

Кроме того, при формировании динамического представления сайта может изменяться не только содержимое информационного блока в месте его хранения, но и адрес ссылки на место его размещения.

Специалистами по информационной безопасности уже выделено как минимум четыре способа подмены URL³³:

1) неправильно написанные ссылки (URL-адреса, которые очень похожи на URL-адрес интересующего сайта, но с небольшими отличиями, такими как дополнительная буква или буква, замененная другой буквой или символом);

2) сжатые URL-адреса (адреса, которые были сокращены соответствующими службами, развернутыми на сервере интернет-сайта, часто могут скрывать истинный URL-адрес поддельного веб-сайта);

3) ссылки, скрытые в гиперссылках (слова с гиперссылками на сайтах или

электронных письмах могут скрывать поддельные URL-адреса);

4) формирование URL-адреса с не-латинскими символами (поддельные URL-адреса формируются за счет замены латинских символов на символы из других алфавитов, но совпадающие с ними по начертанию).

Криминалистической особенностью представления контента современных интернет-сайтов является динамичность формируемых виртуальных следов, причем не только их внешнего вида (вида, размера и цвета шрифта, фонового изображения и т. п.), но и самого содержимого (индивидуальная сборка из отдельных информационных блоков на основе различных ситуативных условий: профиля пользователя, времени суток, географического размещения пользователя, запросившего информацию страницы, и т. п.).

Интернет-страница с ее свойствами (цветом и размером шрифтов, фоном и содержимым) и конкретным видом, которую в данный момент наблюдает пользователь компьютерной системы (следователь, дознаватель, свидетель, подозреваемый и т. п.), может никогда не существовать в наблюдаемом виде ни до, ни после текущего момента.

Различные пользователи компьютерных систем, обратившись к интернет-сайту по одному и тому же адресу, но с различных компьютеров или из различных мест (адресного пространства компьютерных сетей), или в разное время, могут получить совершенно разные результаты – различное содержимое и различные варианты его представления.

В связи с изложенным поддержим позицию коллег, согласно которой «установление достоверности визуально отображаемого содержимого сайта как документа требует выполнения слож-

ных технических действий, не сводимых к простому аналогу фотографирования страниц сайта, которые не могут быть выполнены без использования специальных знаний, а в большинстве случаев – вне производства специализированной (компьютерно-технической) экспертизы»³⁴.

Согласно методическим рекомендациям³⁵, при производстве осмотра письменных и вещественных доказательств нотариусом составляется протокол, в котором указываются:

1) дата и место производства осмотра;

2) фамилия, инициалы нотариуса, производящего осмотр, дата и номер приказа органа юстиции о назначении на должность нотариуса, его нотариальный округ или наименование государственной нотариальной конторы;

3) сведения о заинтересованных лицах, участвующих в осмотре, в соответствии с п. 2 Методических рекомендаций;

4) обстоятельства, обнаруженные при осмотре.

Протокол подписывается участвующими в осмотре лицами, нотариусом и скрепляется печатью нотариуса.

В протоколе осмотра нотариусу необходимо детально отразить содержание интернет-страницы, порядок и последовательность действий доступа к ней, а также тщательно изложить интересующие сведения, которые были получены при осмотре интернет-страницы³⁶.

Очевидно, что протокол осмотра интернет-ресурса должен содержать в себе совокупность сведений, подтверждающих достоверность интернет-ресурса, а следовательно, информацию о способе создания конкретной осматриваемой интернет-страницы, для чего нотариус должен обладать специальными знаниями в области науки, техники (знаниями языка HTML, скриптовых языков, методов ре-

ализации сайтов, порядка хранения отображаемых данных на сетевых серверах, порядка владения доменным именем – адресом сайта, способов отображения сайта в исходных кодах и т. п.)³⁷, которыми нотариус в большинстве случаев не обладает.

Анализ публикаций на сайтах, предлагающих услуги по нотариальному заверению информации, находящейся в сети Интернет, позволяет констатировать понимание нотариусами и лицами, оказывающими подобного рода услуги, сложности указанной процедуры.

Так, на сайте сервиса Вебджастис/Интернет-правосудие представлена публикация, отражающая методику обеспечения корректности осмотра информации в сети Интернет³⁸.

В запросах используются адреса веб-сайтов в общепринятой нотации, также известной как URL (universal resource locator – универсальный указатель ресурса). Адрес состоит из указателя на используемый протокол (http: или https:), разделителя (/) и доменного имени. Веб-страница, имеющая такой адрес (URL), должна быть доступна для любого пользователя, имеющего доступ к сети Интернет, по его запросу через клиент (браузер), поддерживающий протокол HTTP, за исключением случаев необходимости ввода пароля для получения доступа к соответствующим страницам.

Для осмотра веб-страницы можно просто запустить программу-браузер на компьютере, имеющем подключение к Интернету, и набрать в адресной строке вышеуказанный интернет-адрес (URL). Однако, учитывая особенности функционирования сети Интернет, подобный простой вариант действий даст результат, в корректности которого можно быть уверенным в достаточной степени, но все же не абсолютно.

Для достижения полной уверенности в корректности результата необходимо удостовериться, что³⁹:

- корректно работает служба DNS (domain name system – «система доменных имен») – компьютерная распределенная система для получения информации о доменах, используемая для получения IP-адреса по имени компьютера или устройства. IP-адрес (сокращение от англ. Internet Protocol Address) означает уникальный сетевой адрес узла в компьютерной сети, построенной по протоколу TCP/IP;

- компьютер, при помощи которого производится осмотр, всё время имеет связь с сетью Интернет, передаваемая и получаемая информация не искажается и не подменяется намеренно кем-либо;

- информация получается непосредственно из сети Интернет, а не из кэша (временного буферного хранилища), что могло бы привести к неактуальности полученной информации;

- вся отображаемая браузером информация возвращается именно осматриваемым сайтом, а не каким-либо другим сайтом через механизм переадресации, фреймирования, ссылки на иные ресурсы и т. д. (если не вся, необходимо установить, какая именно часть информации передается другими сайтами).

Для проверки соблюдения корректности осмотра рекомендуем использовать следующие методы⁴⁰:

- запрос системы DNS без кэширования результата;

- контрольный запрос с используемого компьютера нескольких других веб-сайтов, содержащих актуальную, легко проверяемую информацию;

- использование оборудования, программного обеспечения и линий связи, которые управляются независимыми, незаинтересованными субъектами и о которых не могла заранее знать сторо-

на, заинтересованная в исходе осмотра; при каких-либо сомнениях используются альтернативные системы и линии связи;

– выявление и отключение кэширующих устройств (программ), которые могут привести к тому, что вместо актуальной версии страницы будет получена более ранняя, сохраненная в кэше (временном буферном хранилище) версия этой страницы;

– анализ HTML-запросов и HTML-кода осматриваемой страницы на предмет наличия переадресации, фреймов (кадров), фрагментов, расположенных на других веб-сайтах, активных элементов и т. д.

Однако сложность приведенной процедуры свидетельствует о необходимости применения в ходе осмотра информации, находящейся в сети Интернет, специальных знаний, которыми нотариус в силу своей подготовки и специфики деятельности не обладает и не должен обладать.

Такая процедура требует проведения полноценного экспертного исследования, в связи с чем представляется убедительным разъяснение о том, что «при осмотре интернет-страниц нотариус должен *убедиться* в том, что на указанном сайте размещена информация, нарушающая права и интересы заявителя. После отыскания интернет-страницы по указанным в заявлении реквизитам, необходимой проверки и распечатки *материалов, являющихся доказательствами*, сверки адреса страницы и реквизитов текста или объекта нотариус составляет протокол осмотра сайта, содержащий в себе перечень действий, совершенных нотариусом, описание осматриваемых страниц, состав доказательств, место и дату проведения осмотра сайта, данные о заинтересованных лицах, данные о нотариусе»⁴¹.

Факт нарушения прав и интересов лица устанавливается только судом на основании достаточной совокупности доказательств.

Но самое главное, перед проведением осмотра сайта нотариусу должно быть известно как минимум следующее⁴².

1. Объектом осмотра является содержимое сетевого ресурса (сайта), интерпретация которого выполняется специализированной программой для ЭВМ – браузером.

2. Браузеры различных производителей по-разному отображают содержимое сетевых ресурсов, поскольку в них по-разному реализована интерпретация различных версий языка HTML и скриптов.

3. Имея в качестве указания на объект осмотра его доменное имя (адрес сайта) «badsite.rus», необходимо при помощи сервиса «WHOIS» выяснить, с какого времени какому сетевому ресурсу на каком сервере это имя сопоставлено, в противном случае прекращение права пользования привлекательным доменным именем повлечет за собой смену владельца имени и сопоставление этого имени другому по содержанию сайту другого владельца; если этот фактор не учитывать, то фиксация содержимого сетевого ресурса (сайта) перестает выполнять функцию обеспечения доказательств, поскольку адрес сайта впоследствии может в любой произвольный момент времени указывать на совершенно другой сайт, отличный от «зафиксированного».

4. Существует явление геотаргетирования, при котором программное обеспечение сайта при обращении проверяет IP-адрес пользователя, и в соответствии с регионом или страной, откуда осуществляется запрос на просмотр информации, отображает в рекламных или иных целях содержимое сайта по-разному; это приводит к тому, что при фикса-

ции содержимого сайта из различных географических мест его вид будет различным, вследствие чего обеспечение доказательств также перестает достигать своей цели.

5. Сайт может быть реализован по технологии фиксированных страниц или с динамически формируемым содержимым страниц; во втором случае части сайта могут формироваться по-разному в зависимости от условий, которые реализовал при создании сайта программист.

6. Осмотр сайта является сложной технической операцией, сопровождаемой в обязательном порядке не только фиксацией его визуального образа, но и условий фиксации, а также представления сайта в исходных кодах, определением сведений о «привязке» доменного имени (адреса сайта) к конкретным данным на конкретном сервере и т. п.

Исходя из изложенного и с учетом действующего законодательства, можно с уверенностью поддержать мнение о том, что удостоверение нотариусом, не обладающим специальными знаниями в сфере сетевых технологий, включая web-технологии, и не привлекающим к этому действию специалистов или не назначающим соответствующие экспертизы, сведений интернет-страницы не отвечает требованиям законодательства, предъявляемым к обеспечению доказательств⁴³.

Вместе с тем следует допустить возможность удостоверения нотариусом сведений интернет-страницы в тех наиболее распространенных в практике случаях, когда имеются основания предполагать, что представление доказательств впоследствии станет невозможным или затруднительным (например, сайт будет неработоспособен в дальнейшем).

Фактически нотариус фиксирует и документально подтверждает размеще-

ние в сети Интернет той или иной информации в конкретный момент времени. Юридические и физические лица обращаются к нотариусу именно в целях фиксации факта размещения в сети Интернет определенных сведений, которые могут быть удалены и факт подтвердить в дальнейшем не удастся. Однако данное действие не обеспечивает достоверность доказательства.

Таким образом, чрезмерно оптимистичными представляются приводимые мнения о том, что нотариальный осмотр сайтов и подтверждение публикации спорной информации позволяют бороться с кражами доменных имен, несанкционированным копированием контента, распространением порочащих сведений, незаконным использованием товарных знаков и недобросовестной конкуренцией⁴⁴.

Изложенное позволяет сформулировать следующие выводы.

Протоколы осмотра информации, находящейся в сети Интернет, нотариусом (*как и все иные названия подобных действий*) по своей юридической значимости ничем не отличаются от любых документов и сведений, предоставляемых сторонами, тем более не могут автоматически (или с большим приоритетом) признаваться доказательствами:

- сайт в сети Интернет – это программа со всеми вытекающими из этого свойствами (полиморфность, динамичность, персонализация и т. п.);

- осмотр информации не предусмотрен действующим процессуальным законодательством в качестве формы закрепления доказательств;

- для понимания сути получаемого при осмотре информации в сети Интернет результата требуется наличие специальных знаний в области информационных технологий и компьютерной техники, которыми нотариус не обладает;

– нотариус не несет никакой ответственности за заверение недостоверной информации, получаемой в сети Интернет в результате некорректного пользования компьютерной техникой, информационными технологиями или даже умышленного формирования желаемого результата третьими лицами.

В качестве рекомендаций на сегодняшний день предлагаем:

– нотариусам прекратить осмотр информации, находящейся в сети Интернет, и назначать производство экспертизы, как предусмотрено статьей 103 Основ законодательства Российской Феде-

рации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1;

– судьям для исследования и использования в качестве доказательств нотариально заверенных протоколов осмотра информации, находящейся в сети Интернет, в обязательном порядке привлекать к участию в процессе специалиста в сфере информационных технологий и компьютерных систем;

– инициировать создание межведомственной методики осмотра аудиовизуальных образов информационных ресурсов, получаемых из сети Интернет.

¹ О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 27 декабря 2019 г. № 480-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 30.12.2019. № 52 (часть I). Ст. 7798.

² См.: Система обеспечения законодательной деятельности. Законопроект № 750699-7 О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части оптимизации нотариальной деятельности, повышения востребованности нотариальной защиты прав граждан и юридических лиц в условиях развития цифрового общества). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/750699-7> (дата обращения: 03.12.2021).

³ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, утв. Верховным Советом Российской Федерации 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (в ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.08.2021) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 11.03.1993. № 10. Ст. 357.

⁴ См.: *Зайцева Т. И. и др.* Настольная Книга Нотариуса. 2-е изд., испр. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 223–225.

⁵ См.: Нотариат России практически полностью перешел на небюджетную основу / Федеральная нотариальная палата 24.04.2020. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/notariat-rossii-praktichesli-polnostyu-pereshel-na-nebudzhetnyuyu-osnovu> (дата обращения: 07.12.2021).

⁶ См.: Статья 22. Оплата нотариальных действий и других услуг, оказываемых при осуществлении нотариальной деятельности // Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. Верховным Советом Российской Федерации 11 февраля 1993 г. № 4462-1) / Ведомости СНД и ВС РФ. 11.03.1993. № 10. Ст. 357.

⁷ См.: *Демидов И. В.* Логика : учебник / под ред. Б. И. Каверина. 7-е изд., испр. М., 2012. С. 137–153.

⁸ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 04.06.2001. № 23. Ст. 2291.

⁹ См.: Статья 103. Действия нотариуса по обеспечению доказательств. Комментарий к статье 103. URL: <https://kommentarii.org/2018/notariat/page166.html> (дата обращения: 10.01.2022).

- ¹⁰ См.: *Логунова А.* Обеспечение доказательств // Газета «Верное Решение». Вып. № 08 (178). 21.08.2017.
- ¹¹ См.: Купить домен | Зарегистрировать доменное имя по выгодной цене в REG.ru. URL: https://www.reg.ru/domain/new/?rid=338333&utm_source=yandex:search&utm_medium=sr&utm_term (дата обращения: 15.01.2022).
- ¹² См.: Как составить «правильный» протокол осмотра доказательств в сети Интернет. URL: <https://www.webjustice.ru/blog/kak-sostavit-pravilnyj-protokol-osmotra-dokazatelstv-v-seti-internet> (дата обращения: 10.01.2022).
- ¹³ См.: Заверение сайтов. URL: <https://digitalnotarius.ru/zaverenie-saitov.html?yclid=416307392024735359> (дата обращения: 17.01.2022).
- ¹⁴ Информация // Википедия. [2021]. Дата обновления: 08.08.2021. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=7861&oldid=115946133> (дата обращения: 04.12.2021).
- ¹⁵ Информация // Толковый словарь Ожегова. URL: <https://tolkovyj-slovarozhegova.slovaronline.com/10378-ИНФОРМАЦИЯ> (дата обращения: 14.08.2021).
- ¹⁶ Статья 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 31.07.2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.
- ¹⁷ Толковый словарь Ожегова онлайн. Сообщение. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=29826> (дата обращения: 12.11.2021).
- ¹⁸ *Винер Н.* Кибернетика. М.: Сов. радио, 1968. С. 201.
- ¹⁹ Информация. Философский энциклопедический словарь. URL: <https://rus-philosophy-enc.slovaronline.com/1014-информация> (дата обращения: 14.08.2021).
- ²⁰ *Глушков В. М.* Мышление и кибернетика // Вопросы философии. 1963. № 1. С. 36–48.
- ²¹ См.: *Белкин Р. С.* Ленинская теория отражения и методологические проблемы криминалистики. М.: Издательство ВШ МВД СССР, 1970. 130 с.
- ²² *Земцов А. П., Яковлев А. Н.* Об обеспечении цифровых доказательств нотариуса-ми (часть 1). URL: <https://www.eforensics.ru/publ/eforensics/notarius1/1-1-0-5> (дата обращения: 25.02.2021).
- ²³ Статья 272. Неправомерный доступ к компьютерной информации главы 28. Глава 28. Преступления в сфере компьютерной информации Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
- ²⁴ См.: IP Интернет ресурса. URL: <https://2ip.ru/lookup/> (дата обращения: 04.03.2021).
- ²⁵ См.: DNS // Википедия. [2021]. Дата обновления: 25.02.2021. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=922&oldid=112608040> (дата обращения: 25.02.2021).
- ²⁶ См.: Подмена DNS сервера. Будьте осторожны / Хабр. Суара 18 января 2014 г. в 02:08. URL: <https://habr.com/ru/post/209486/> (дата обращения: 25.02.2021).
- ²⁷ Об утверждении Положения о национальной системе доменных имен, требований к ней, порядка ее создания, в том числе формирования информации, содержащейся в ней, а также правил ее использования, включая условия и порядок предоставления доступа к информации: приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 31 июля 2019 г. № 229. URL: <https://rg.ru/2019/11/11/roskomnadzor-prikaz229-site-dok.html> (дата обращения: 09.03.2021).
- ²⁸ См.: Система управления содержимым // Википедия. [2021]. Дата обновления: 08.03.2021. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=8730&oldid=112842917> (дата обращения: 08.03.2021).

²⁹ См.: Динамический сайт // Википедия. [2019]. Дата обновления: 19.10.2019. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=936306&oldid=102818389> (дата обращения: 09.03.2021).

³⁰ См.: *Тридчиков Е.* Динамическая подмена контента. URL: <https://context--kill-by.turbopages.org/context-kill.by/s/blog/dinamicheskaya-podmena-kontenta/> (дата обращения: 09.03.2021).

³¹ См.: jQuery : подмена контента на сайте в зависимости от GEO. URL: <https://cmswp.ru/code/jquery-podmena-kontenta-na-sajte-v-zavisimosti-ot-geo/> (дата обращения: 09.03.2021).

³² См.: Мгновенная подмена контента на сайте по гибким условиям. Показывайте разные версии страниц разным сегментам аудиторий. URL: https://dycont.com/?utm_source=yandex_cp&utm_medium=search_cp&utm_campaign=DyCont+/-Поиск&utm_content=cid%7C59570933%7Cgid%7C4479352596%7Caid%7C10339189950%7Cadrp%7Cno%7Cdrv%7Cdesktop%7Cpid%7C28578244406%7Crid%7C%7Cdid%7C28578244406%7Cpos%7Cpremium2%7Cadn%7Csearch%7Crid%7C0%7C&utm_term=подмена%20контента&yclid=1107032656002709888 (дата обращения: 09.03.2021).

³³ См.: Подмена сайта, URL-адреса : что это такое. URL: <https://kaknastroit.com/internet/620-podmena-sayta-url-adresa-chto-eto-takoe.html> (дата обращения: 09.03.2021).

³⁴ *Земцов А. П., Яковлев А. Н.* Указ. соч.

³⁵ См.: *Зайцева Т. И. и др.* Указ. соч. С. 356.

³⁶ См.: *Шалькова О. А.* Обеспечение нотариусом доказательств, размещенных в сети Интернет // *Правопорядок : история, теория, практика.* 2017. № 1 (12). С. 34.

³⁷ См.: *Земцов А. П., Яковлев А. Н.* Указ. соч.

³⁸ См.: Как составить «правильный» протокол осмотра доказательств в сети Интернет. URL: <https://www.webjustice.ru/blog/kak-sostavit-pravilnyj-protokol-osmotra-dokazatelstv-v-seti-internet>

³⁹ См.: Там же.

⁴⁰ См.: Как составить «правильный» протокол осмотра доказательств в сети Интернет.

⁴¹ *Шалькова О. А.* Указ. соч. С. 35.

⁴² См.: *Земцов А. П., Яковлев А. Н.* Указ. соч.

⁴³ См.: Там же.

⁴⁴ См.: *Лексакова Е. О.* Обеспечение доказательств нотариусом. URL: <https://lexakova.ru/notarialnye-dejstviya/obespechenie-dokazatelstv> (дата обращения: 22.12.2021) ; Обеспечение доказательств. URL: <https://notariat.ru/soviet/pages/tag/obespechenie-dokazatelstv> (дата обращения: 22.12.2021).

Воронежский государственный университет

Voronezh State University

Мещеряков В. А., доктор юридических наук,
профессор

Meshcheryakov V. A., Doctor of Legal Sciences,
Professor

E-mail: netshuttle@mail.ru

E-mail: netshuttle@mail.ru

*Центральный филиал Российского
государственного университета правосудия*

*Central Branch of Russian State University of
Justice*

Цурлуй О. Ю., кандидат юридических наук,
доцент

Tsurlyuj O. Yu., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor

E-mail: kijalis@yandex.ru

E-mail: kijalis@yandex.ru

ЗАДАЧИ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОГО ИЗГОТОВЛЕНИЯ И ОБОРОТА ПОРНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЛИ ПРЕДМЕТОВ

А н н о т а ц и я: рассмотрены задачи судебной экспертизы, классификации задач искусствоведческой судебной экспертизы при расследовании незаконного изготовления и оборота порнографических материалов или предметов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: искусствоведческая судебная экспертиза, задачи искусствоведческой судебной экспертизы при расследовании незаконного изготовления и оборота порнографических материалов или предметов.

TASKS OF THE ART HISTORY FORENSIC EXAMINATION IN THE INVESTIGATION OF THE ILLEGAL MANUFACTURE OF TRAFFICKING IN PORNOGRAPHIC MATERIALS OR OBJECTS

A b s t r a c t: the article reveals the problems of art history forensic examination in the investigation of crimes.

Key words: art history forensic examination, tasks of art history forensic examination in the investigation of crimes of a pornographic nature.

Поступила в редакцию 30 ноября 2021 г.

Одним из важных и достоверных источников доказательств при расследовании уголовных дел является заключение эксперта, данное посредством проведения судебных экспертиз.

Согласно ст. 9 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» под судебной экспертизой понимается предусмотренное законодательством Российской Федерации о судопроизводстве процессуальное действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, требующим специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла¹.

В настоящее время насчитывается большое количество судебных экспертиз, поэтому решаемые экспертами вопросы разнообразны и зависят от того, какая же задача стоит перед экспертом при проведении той или иной судебной экспертизы.

Е. Ю. Фролова и А. В. Ковалева определяют экспертную задачу как экспертную деятельность, деятельность, которая направлена на преобразование потенциальной доказательственной информации, содержащейся в представленных на экспертизу в качестве исходных данных материалов дела, в актуальную доказательственную информацию, которая может быть использована для правильного решения уголовного или гражданского дела².

Однако мы считаем, что экспертную задачу назвать деятельностью сложно, поскольку экспертная задача по факту предполагает применение экспертами специальных знаний для решения поставленного вопроса. Деятельность же является процессом активного взаимодействия субъекта с объектом, где субъект, воздействуя на объект, удовлетворяет какие-либо потребности или достигает цели. По нашему мнению, экспертную задачу можно определить как задание, необходимость выполнения которого стоит перед экспертом.

Понимание сути экспертных задач и их классификация имеют важное практическое значение в оценке доказательственного значения выводов эксперта, а также при оказании следователю помощи в выборе необходимой экспертизы. Решение экспертных задач позволяет устанавливать фактические данные, имеющие доказательственную информацию, которая может быть использована следователем в ходе досудебного производства по уголовному делу³.

А. М. Зинин и Н. П. Майлис подразделяют задачи судебной экспертизы на три основные группы: идентификационные, диагностические и классификационные⁴.

Е. Р. Россинская выделяет следующие группы задач судебной экспертизы: задачи, направленные на идентификацию, диагностические задачи и задачи, связанные с экспертной профилактикой⁵.

Идентификационная группа задач направлена на установление индивидуально-конкретного тождества. К таким задачам относится установление человека, животных, предметов по их отображениям. Например, установление лица, исполнившего документ, по его почерку или по отпечатку пальца.

Диагностическая группа задач направлена на установление природы объ-

екта, его целевого назначения, области применения; свойств и состояния объекта, условий его возникновения, функционирования, изменения; механизма взаимодействия объектов, причины появления определенных последствий, результатов и т. п. В качестве примера таких задач можно назвать механизм возникновения пожара или взрыва, механизм образования следов и т. п.

Классификационные задачи имеют целью установление характеристик (свойств) неизвестного или известного объекта для отнесения его к общепринятому классу. Эти задачи могут возникать в ходе диагностических и идентификационных исследований.

Подробнее рассмотрим задачи судебной экспертизы на примере искусствоведческой судебной экспертизы при расследовании незаконного изготовления и оборота порнографических материалов или предметов.

Развитие компьютерных технологий и появление глобальных информационных систем помимо преимуществ принесли не меньшее количество новых проблем, создающих угрозу не только экономическому, но и социальному благополучию общества. Одной из таких проблем является тенденция роста совершения преступлений, связанных с изготовлением и оборотом порнографических материалов или предметов посредством использования средств массовой информации. Как следствие, участились случаи назначения искусствоведческих судебных экспертиз.

Искусствоведческая судебная экспертиза в настоящее время стала довольно востребованным видом судебных экспертиз, назначаемым следователями по уголовным делам. На сегодняшний день искусствоведческая судебная экспертиза существует как неразработанный класс судебных экспертиз.

По мнению Н. А. Прокопенко, искусствоведческая судебная экспертиза решает три блока основных задач:

1) атрибутивные, включающие определение аутентичности и времени исполнения произведения, автора и т. д.;

2) оценочные, включающие вопросы установления художественной, культурной или исторической ценности произведения, его материальной стоимости;

3) классификационные, связанные с отнесением исследуемого произведения или изделия по целевому направлению к конкретному классу, типу или виду продукции⁶.

Л. К. Бондаренко к основным задачам искусствоведческой судебной экспертизы относит идентификационные, классификационные, диагностические и ситуалогические задачи, которые лежат в основе теории и практики судебной, в том числе и искусствоведческой, экспертизы⁷.

Е. В. Пискунова считает, что в ходе проведения судебной искусствоведческой экспертизы экспертам приходится разрешать как идентификационные, так и диагностические задачи⁸.

Изготовление и распространение какой-либо печатной и видеопродукции, в том числе рекламы, а также передача и получение по коммуникационным линиям сообщений и материалов, целью которых является натуралистическое, циничное изображение сексуальных деяний с несовершеннолетними, насильственные действия сексуального характера, дерзкая демонстрация половых актов, направленная на возбуждение физиологических инстинктов, недопустимы. Указанные действия образуют составы преступлений, предусмотренные ст. 242, 242.1, 242.2 УК РФ.

Искусствоведческая судебная экспертиза при расследовании незаконного изготовления и оборота порнографиче-

ских материалов или предметов, на наш взгляд, решает диагностические и классификационные задачи.

Думается, что диагностической задачей может быть установлена природа объекта, его целевое назначение, свойства и состояния, условия возникновения, функционирования, изменения.

Классификационные задачи направлены на отнесение объекта к категории порнографической продукции.

В рамках назначения искусствоведческой судебной экспертизы при расследовании преступлений порнографического характера перед экспертами могут быть поставлены следующие вопросы:

– имеются ли в представленных приложениях к протоколу осмотра предметов материалы порнографического характера?

– если да, то по каким критериям проводилось исследование материалов и признание их порнографическими?

– имеет ли представленный на исследование материал порнографические изображения несовершеннолетних?

При исследовании представленных объектов на предмет их отнесения к эротике или порнографии главным критерием является наличие художественно-образного осмысления и отображения всего комплекса любовных, в том числе и сексуальных, чувств, переживаний, естественно возникающих между людьми. Именно художественный уровень произведений, несущих элементы сексуальных отношений, дает возможность рассматривать их как своеобразное сюжетное и образно-тематическое направление в искусстве – эротике, наилучшие образцы которой справедливо отнесены сегодня к высшим достижениям мировой культуры⁹.

При ответе на вопрос, имеются ли на представленных эксперту объектах изображения порнографического харак-

тера, искусствоведческая судебная экспертиза при расследовании незаконного изготовления и оборота порнографических материалов или предметов решает классификационную группу задач, относя тем самым представленные объекты к определенному классу, виду или типу, в данном случае к виду порнографической продукции.

Если же перед экспертом будет поставлен вопрос относительно возраста, допустим, вопрос следующего характера: «Имеет ли представленный на исследование материал порнографические изображения несовершеннолетних?», то, на наш взгляд, этот вопрос решается с помощью применения комплекса специальных знаний в области медицины, психологии, сексологии, поскольку специальных знаний эксперта-искусствоведа недостаточно.

Обобщая, следует отметить, что искусствоведческая судебная экспертиза в настоящее время является формируемым и до конца не доработанным классом судебных экспертиз.

Если ранее подобного рода экспертизы проводились лишь на базе музеев,

выставочных центров, художественных галерей, то в настоящее время искусствоведческая судебная экспертиза востребована в уголовно-процессуальном законодательстве и наравне с иными судебными экспертизами, проводимыми по уголовным делам, является источником доказательств и помогает органам предварительного расследования в раскрытии и расследовании отдельных видов преступлений.

Таким образом, мы полагаем, что искусствоведческую судебную экспертизу необходимо закрепить в перечне судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, Минюста Российской Федерации, с указанием определенного круга задач, решаемых в рамках проведения рассматриваемой нами экспертизы; определить перечень объектов, которые исследует искусствоведческая судебная экспертиза, создать штат экспертов-искусствоведов. Все это значительно облегчит работу следователям и повысит качество предварительного расследования по уголовным делам.

¹ См.: О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Фролова Е. Ю., Ковалева А. В. Задачи и объекты исследования судебной экспертизы // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 3. С. 2.

³ См.: Мишин А. В. Судебная экспертиза в досудебном производстве по уголовному делу : учеб. пособие. Казань, 2017. С. 8.

⁴ См.: Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза : учебник. М., 2002. С. 21.

⁵ См.: Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в уголовном, гражданском, арбитражном процессе. М., 2006. С. 14.

⁶ См.: Прокопенко Н. А. Актуальные вопросы судебно-искусствоведческих исследований культурных ценностей // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2018. № 1/2018. С. 46.

⁷ См.: Бондаренко Л. К. Основные криминалистические виды искусствоведческой экспертизы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 7(45). С. 21.

⁸ См.: Пискунова Е. В. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений в сфере искусства : судебно-искусствоведческая экспертиза : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 16.

⁹ См.: Прокопенко Н. А. Указ. соч. С. 48.

*Московская академия Следственного
комитета Российской Федерации*

Милованова А. А., магистрант 1-го курса
заочной формы обучения

E-mail: Anastasiaanastasia95-2013@mail.ru

*Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation*

Milovanova A. A., 1st-year Master's Degree
Student

E-mail: Anastasiaanastasia95-2013@mail.ru

ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МИНИМИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

А н н о т а ц и я: описывается порядок осуществления процессуальных действий, которые подлежат обязательной фиксации видеозаписью в уголовном процессе, рассматриваются вопросы использования видеозаписи в качестве вспомогательного средства при проведении процессуальных действий, не подлежащих обязательной видеофиксации, предлагаются меры по минимизации человеческих факторов в уголовном процессе с помощью использования информационных технологий при проведении таких действий, а также по упрощению тактических и методических приемов процессуальных действий. В статье исследуется международное и национальное законодательство, анализируются существующие в стране проблемы, предлагаются научные и правовые доктринальные решения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: обязательная фиксация видеозаписью, информационные технологии, преступления, следствие, кодекс, осмотр, человеческий фактор.

ISSUES OF USING INFORMATION TECHNOLOGY AND MINIMIZING HUMAN FACTORS IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

A b s t r a c t: this article describes the procedure for the implementation of procedural actions that are subject to mandatory video recording in criminal proceedings, discusses the use of video recording as an aid in procedural actions that are not subject to mandatory video recording, measures are proposed to minimize human factors in the criminal process by using information technologies when carrying out such actions, as well as the simplification of tactical and methodological methods of procedural actions. The article examines international and national legislation, as well as analyzes the existing problems in the country, offers scientific and legal doctrinal solutions.

Key words: obligatory video recording, information technology, crime, investigation, code, inspection, human factor.

Поступила в редакцию 11 ноября 2021 г.

Активное развитие и совершенствование технологий влечет за собой изменения в общественных, экономических и правовых отношениях. Проникновение информационных технологий

в сферу правоохранительной деятельности обуславливает появление таких понятий, как «электронное уголовное дело», «использование информационных технологий при проведении процессуальных действий», «видео-конференц-связь», «электронный документооборот».

Постановлением Президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева от 13 декабря 2019 г. «О дополнительных мерах по обеспечению верховенства Конституции и закона, усилению общественного контроля в данном направлении, а также повышению правовой культуры в обществе» определена необходимость выполнения ряда задач, направленных на соблюдение законности при защите личности, его прав, свобод и законных интересов и обеспечение общепризнанных прав человека в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве наряду с остальными сферами общественной жизни.

В частности, этим постановлением предусмотрено применение соответствующих мер в уголовном производстве, в том числе:

- внедрение обязательного порядка видеосъемки действий по задержанию лица, разъяснению ему процессуальных прав, отказу от защитника;
- возложение на сотрудников правоохранительных органов после задержания ими лица обязанности по незамедлительному уведомлению о его задержании и месте содержания кого-либо из членов его семьи, а при их отсутствии – иных родственников или близких лиц;
- непосредственное обжалование в суд заинтересованными лицами решений прокурора, дознавателя или следователя о возбуждении уголовного дела, отказе в возбуждении уголовного дела, назначении ревизии, приостановлении дознания или предварительного следствия и прекращении уголовного дела;
- усиление ответственности по фактам вмешательства в разрешение судебных дел, в том числе воздействия в любой форме на судью с целью воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию дела, вынесения неправосудного приговора,

решения, определения или постановления.

Для реализации указанных в постановлении задач созданы рабочие группы из числа ответственных сотрудников заинтересованных министерств и ведомств, которыми разработаны соответствующие законопроекты.

Нормативным правовым актом, принятым на основе одного из этих проектов, является Закон Республики Узбекистан от 14 мая 2020 г. № ЗРУ-617 «О внесении изменений и дополнения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан, направленных на усиление охраны прав и свобод граждан, участвующих в уголовном процессе».

Этим законом внесены изменения и дополнения в ряд положений Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан.

Одним из основных нововведений в закон, направленных на повышение гарантии обеспечения процессуальных прав и законных интересов соответствующих участников процесса, является обязательная фиксация отдельных процессуальных действий видеозаписью.

Так, в статье 91 УПК Республики Узбекистан (*Вспомогательные способы закрепления доказательств. Приложения к протоколу*) расширен перечень процессуальных действий, которые должны быть проведены с осуществлением видеозаписи, в число которых включены **осмотр места происшествия по особо тяжким преступлениям, обыск, проверка показаний на месте события, следственный эксперимент, задержание лица, отказ от защитника, а также личный обыск и выемка, проводимые при задержании лица.**

В результате принятия данной нормы была обеспечена открытость и прозрачность вопросов, связанных с правами и законными интересами граждан в

ходе уголовного процесса, усилены меры по предупреждению оказания давления, пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Это можно расценивать в качестве очередного шага к гармонизации национального законодательства с общепризнанными нормами в данной сфере, так как основной целью проводимых в Узбекистане реформ является повышение эффективности обеспечения прав человека и их реализации.

Вместе с этим полагаем целесообразным обратить отдельное внимание на порядок применения института понятых при проведении процессуальных действий в соответствии с законодательством Узбекистана.

УПК Республики Узбекистан установлено, что участие понятых при совершении определенных процессуальных действий обязательно. Законодательством понятые отнесены к категории других лиц, участвующих в уголовном процессе, вызываемых дознавателем, следователем, прокурором для удостоверения факта производства следственного или иного действия, его хода и результатов. Для участия в производстве следственного действия в качестве понятых вызывается не менее двух совершеннолетних граждан, не заинтересованных в исходе дела. Дознаватель, следователь или прокурор перед началом следственного действия разъясняет понятым их права и обязанности (ст. 73 УПК).

В соответствии со ст. 352 УПК Республики Узбекистан, такие следственные действия, как:

1) предъявление для опознания (ст. 127–129),

2) проверка показаний на месте события (ст. 133),

3) осмотр (ст. 136),

4) освидетельствование (ст. 146, 445),

5) эксгумация трупа (ст. 149),

6) эксперимент (ст. 155),

7) выемка и обыск (ст. 161),

8) личный досмотр (ст. 162),

9) получение образцов для экспертного исследования (ст. 193),

10) осмотр и выемка почтово-телеграфных отправок (ст. 167),

11) задержание до возбуждения уголовного дела (ст. 224),

12) наложение ареста на имущество (ст. 291), проводятся в присутствии понятых, которые своей подписью подтверждают достоверность изложенного в протоколе.

При этом, согласно статье 91 УПК, в ходе проведения некоторых из указанных следственных действий также обязательно осуществление их видеофиксации, а именно *осмотра места совершения тяжкого преступления, обыска, проверки показаний на месте события, следственного эксперимента, ареста, личного обыска и выемки, проводимых при задержании лица.*

Таким образом, при проведении вышеперечисленных действий обязательным является как участие понятых, так и осуществление видеофиксации.

Кроме того, согласно части первой статьи 91 УПК, дознаватель, следователь, суд наряду с составлением протоколов могут применять такие вспомогательные способы закрепления доказательств, как звукозапись, видеозапись, киносъемка, фотосъемка, изготовление слепков, оттисков, планов, схем и другие способы отображения информации.

Из данной нормы следует, что дознаватель, следователь, суд помимо указанных в части 4 статьи 91 УПК семи процессуальных действий при необходимости могут осуществлять видеофиксацию и иных действий в ходе следствия.

Однако, принимая во внимание современное развитие информационных

технологий и их широкое использование в уголовном процессе, имеется необходимость в оптимизации института понятых в ходе доследственной проверки, дознания, предварительного и судебного следствия.

Как было указано выше, основной целью участия понятых в уголовном процессе является **подтверждение** факта проведения дознавателем, следователем, прокурором и судом процессуального действия и его результатов.

В этой связи возникает логичный вопрос: при наличии возможности использования современных инструментов информационных технологий в качестве вспомогательного средства проведения и закрепления хода следственного действия почему бы не использовать эти возможности для того, чтобы уменьшить излишнее беспокойство граждан?!

Вместе с этим в соответствии со статьей 318 УПК понятым, не имеющим постоянного заработка, за отвлечение их от обычных занятий выплачиваются процессуальные издержки за счет бюджетных средств.

К примеру, за 12 месяцев 2020 г. по уголовным делам в стране привлечено 110 023 гражданина для участия в 55 447 процессуальных действиях в качестве понятых. Такое положение влечет дополнительные затраты средств государственного бюджета и времени граждан, привлекаемых в качестве понятых.

Несмотря на то что в УПК определен перечень процессуальных действий, подлежащих обязательной фиксации видеозаписью, и законодательством закреплено использование дознавателем, следователем, судом видеозаписи иных процессуальных действий в качестве вспомогательного способа, главной целью оптимизации института понятых в уголовно-процессуальном законодательстве считаем решение вышеуказанных проблем.

Данный институт отсутствует в законодательстве США, Англии, Франции, Германии, Канады, Японии, Китая, Латвии, а с 2018 г. от него отказались и в Кыргызской Республике.

В Российской Федерации участие понятых обязательно при проведении лишь 4 следственных действий (обыск, изъятие, личный обыск, предъявление для опознания), в Эстонии – 2 (обыск и освидетельствование), а также в Австрии – 1 (обыск).

Согласно пункту 1.1 части первой статьи 170 УПК Российской Федерации, в случаях, когда при наложении ареста на имущество, проведении осмотра, осмотра трупа и эксгумации, следственного эксперимента, производстве выемки, наложении ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотре и выемке, контроле и записи переговоров, а также при проверке показаний на месте по решению следователя понятые в следственных действиях не участвуют, то применение технических средств фиксации хода и результатов следственного действия является обязательным.

В указанных государствах объективность проведения следственных действий, по которым необязательно участие понятых, обеспечивается путем их фиксации средствами видеозаписи.

Может, и нельзя полностью отказаться от института понятых по всем процессуальным действиям, подлежащим обязательной фиксации видеозаписью (например, обыск или личный обыск и выемка, проводимые при задержании лица), однако по некоторым из них либо с учетом определенных обстоятельств данный вопрос может решаться проведением видеозаписи процессуального действия.

Одной из основных проблем в следственной практике в подобных ситуациях является поиск граждан посреди ночи для привлечения в качестве понятых.

Кроме того, ввиду обязательности в соответствии с УПК участия понятых при проведении процессуальных действий, в отдельных случаях сотрудники правоохранительных органов привлекают в качестве понятых ранее знакомых им лиц. В результате не обеспечивается объективность при проведении расследования. В этой связи проблемным вопросом также является объективность понятых, привлекаемых из числа граждан, систематически оказывающих содействие правоохранительным органами на общественных началах.

*Центр научно-прикладных исследований
вопросов общественной безопасности
Министерства внутренних дел Республики
Узбекистан*

Орипов Собирзода Собир угли,
*независимый исследователь, главный научный
сотрудник*

E-mail: sobirzoda_@mail.ru

На наш взгляд, широкое использование интенсивно развивающихся в настоящее время цифровых технологий в уголовном судопроизводстве послужит формированию методологии уголовного процесса в цифровом пространстве, проведению более детального изучения вещественных доказательств с помощью цифровых средств, сводя к минимуму человеческий фактор при закреплении доказательной базы, а также предотвращению излишнего беспокойства граждан.

*Center for Scientific and Applied Research of
Public Safety, Ministry of Internal Affairs of the
Republic of Uzbekistan*

Oripov Sobirzoda Sobir ogli, *Independent
Researcher, Chief Researcher*

E-mail: sobirzoda_@mail.ru

ВЛИЯЮТ ЛИ ПРОЦЕССЫ СИНЕРГИИ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ НА ЕЕ ПРЕДМЕТ И СИСТЕМУ?!

А н н о т а ц и я: дан анализ генезиса интеграции новых научных знаний в криминалистику, влияния процессов синергии на видоизменение представлений о предмете и природе науки. Рассмотрены проблемы инновационного развития криминалистической науки в условиях глобальной цифровизации. Подчеркивается единство криминалистики как науки, имеющей свой предмет, систему, задачи, объекты. Рассмотрена концепция теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, система входящих в нее учений, на базе которых разработаны новации во всех разделах криминалистической науки.

К л ю ч е в ы е с л о в а: синергия, криминалистика, компьютерные преступления, цифровизация, цифровые следы, информационно-компьютерное обеспечение криминалистической деятельности.

DO SYNERGY PROCESSES IN KRIMINALISTIC SCIENCE AFFECT ITS SUBJECT AND SYSTEM?!

A b s t r a c t: the article analyzes the genesis of the integration the new scientific knowledge into criminalistic science, the influence of synergy processes on the modification the ideas about the subject and nature of science. The criminalistic science innovative development problems in the context of global digitalization are considered. The unity of criminalistic science as a science that has its own subject, system, tasks, objects is emphasized. The theory of information and computer support for forensic activities concept, the system of its constituent doctrines, based on which innovations have been developed in all sections of criminalistic, are considered.

Key words: synergy, criminalistic, computer crimes, digitalization, digital footprints, information and computer support for criminalistic activities.

Поступила в редакцию 3 декабря 2021 г.

Криминалистика – юридическая наука синтетической природы, постоянно интегрирующая и преобразующая для решения своей общей задачи – борьбы с преступностью и частных задач – все новые достижения естественных, технических гуманитарных наук. Криминалистическая наука базируется на принципах объективности, историзма и системности науки.

Законы развития криминалистики основаны на общих законах развития науки, к которым относятся:

- закон непрерывности накопления научного знания;

- закон непрерывности накопления научного знания;

- закон интеграции и дифференциации научного знания;

- закон связи и взаимного влияния науки и практики;

– закон ускорения развития науки в условиях научно-технического прогресса.

Закону непрерывности накопления научного знания отвечает в криминалистике закон связи и преемственности между существующими и возникающими криминалистическими концепциями. Именно в силу кумулятивного характера процесса познания по причине того, что научная мысль не может двигаться по воле случая, хаотически, а идет вперед строго логическим путем, от простого к сложному, каждая возникающая научная концепция опирается на предшествующие. Криминалистические концепции не являются исключением. Свидетельством этого может служить известный процесс формирования предмета криминалистики, представления о котором складывались и уточнялись по мере развития самой науки.

Закон интеграции и дифференциации научного знания воплощается в криминалистике через активное творческое приспособление для целей судопроизводства достижений различных наук. Криминалистика возникла в результате того, что наука должна была отвечать на вопросы судебно-следственной практики. Задача максимально полного удовлетворения этих потребностей стала одной из тенденций, определяющих пути развития криминалистики. Заметим, что если для периода накопления эмпирического материала внешне более заметной была дифференциация наук, соответствующая тому уровню познания, при котором явления преимущественно описывались и классифицировались, то для этапа построения развитых теорий характерной оказалась интеграция научного знания. На современном этапе обе эти противоречивые тенденции проявляются в диалектическом единстве.

В настоящее время процессы дифференциации и интеграции научного знания приобрели качественно иной характер. Дифференциация оказалась направленной не столько вовне, сколько внутрь самой криминалистики, что привело к возникновению на стыках между ней и смежными науками новых областей знания. Интеграция знания получила двойное выражение. Она по-прежнему обнаруживается преимущественно в активном творческом использовании криминалистикой данных иных наук и привнесении их в судопроизводство, но к этому добавились процессы, которые в конечном счете привели к изменению самой природы криминалистики, превращению ее в науку синтетической природы. Причем процессы синергии в криминалистике постоянно вызывали дискуссии о необходимости ее коренного изменения.

Приведем несколько примеров. Более 50 лет назад возникла необходимость расчленения криминалистики и передачи криминалистической экспертизы медикам, биологам, химикам, физикам и другим представителям технических и естественных наук, которые в силу своей подготовки, в отличие от юристов, якобы лучше смогут производить исследование вещественных доказательств. Фактически проповедовалось разделение криминалистики на «науку для экспертов» и «науку для следователей»¹. Профессор А. И. Винберг, раскритиковав эту концепцию, обосновал существование в криминалистике общей теории криминалистической экспертизы, которую профессор А. Р. Шляхов выделил из криминалистики как самостоятельную науку, имеющую свой предмет, метод и систему². Общее мнение большинства криминалистов, которые не поддержали данную точку зрения, выразил профессор С. П. Митричев, указав, что «кримина-

ликтическая экспертиза в составе науки криминалистики имеет все возможности для своего дальнейшего развития...»³.

В 60-е гг. XX в. возникла новая дискуссия, касающаяся появления в криминалистике новой части – «общей теории криминалистики» (профессора Р. С. Белкин, А. А. Винберг⁴), – против которой категорически возражал профессор А. Н. Васильев⁵.

Еще одна дискуссия, длившаяся в криминалистике более 40 лет, – это идентификация и диагностика (профессора В. Я. Колдин, В. А. Снетков, Ю. Г. Корухов⁶) или распознавание (профессора О. Е. Баев, В. А. Образцов⁷).

Этот список можно продолжить, упомянув споры о включении в криминалистическую технику новых разделов «криминалистическое исследование веществ, материалов и изделий» (профессора В. С. Митричев, Е. Р. Россинская⁸); «криминалистическая ольфакторика (одорология)» (профессора А. И. Винберг, Т. Ф. Моисеева, доцент В. И. Старовойтов⁹). Им категорически возражал профессор М. С. Строгович: «Пока я жив, не пушу собаку в уголовный процесс». В 70–80-е гг. XX в. в криминалистику вошли криминалистическая фоноскопия (профессор Е. И. Галяшина¹⁰); математические и кибернетические методы, автоматизированные дактилоскопические идентификационные системы (профессора Н. С. Полевой, В. В. Крылов, Л. Г. Эджубов, С. С. Самищенко¹¹).

В начале XXI в. в связи с очередным этапом научно-технического прогресса, процессов интеграции и дифференциации научного знания дискуссии в криминалистической науке продолжились, в том числе и по корректировке предмета науки, но анализ позиций большинства ученых показывает, что все они так или иначе согласуются с определением предмета науки Р. С. Белкина. По этому

классическому определению (которое с некоторыми вариациями, связанными с перечнем основных закономерностей, признается большинством ученых-криминалистов¹²) криминалистика – наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, закономерностях собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных методов и средств судебного исследования и предотвращения преступлений. Причем под судебным исследованием понимается вся юрисдикционная деятельность компетентных органов по расследованию преступлений, судебному рассмотрению уголовных, гражданских, административных дел, дел об административных правонарушениях¹³.

В XXI в., когда резко возросли процессы развития новых родов и видов судебных экспертиз, снова возникли попытки ревизии самого понятия криминалистики в отрыве от ее предмета и системы, что было обусловлено появлением качественно новых классов и родов судебных экспертиз: речеведческих, лингвистических, экологических, молекулярно-генетических, а также бурного развития новых родов в уже существующих классах судебных экспертиз (судебной экономической экспертизы операций с активами, созданными на основе технологии блокчейн, и др.). Заметим, что новые экспертизы вначале проводятся не в судебно-экспертных учреждениях, а, как правило, лицами, весьма далекими от судопроизводства. Ученые и специалисты, привлекаемые для производства этих новых видов судебных экспертиз, не знают даже основ судебной экспертологии, азов материального и процессуального права. Они не понимают отличия научных исследований от практической экспертной

деятельности, не представляют возможных последствий их выводов.

Лица, которые занялись производством новых родов и видов судебных экспертиз, не имеют представления о предмете, задачах, системе криминалистической науки, игнорируют ее общую и частные теории. Их представление о науке криминалистике обычно ограничивается знаниями, почерпнутыми из случайных источников, даже из детективной литературы, художественных фильмов.

Печально, что несмотря на то, что уже более 20 лет в Российской Федерации существуют государственные образовательные стандарты высшего образования по специальности «судебная экспертиза» (сейчас это ФГОС ВО 40.05.03 3++¹⁴), целый ряд экономических, филологических и других вузов пытаются готовить судебных экспертов не по данной специальности, а изобретая собственные. Для этого в ряде вузов, зачастую не имеющих никакого отношения к юриспруденции, образованы даже кафедры лингвистической криминалистики¹⁵, экономической криминалистики¹⁶. В медицинских вузах, где в рамках клинических ординатур готовят судебно-медицинских экспертов¹⁷, введены курсы медицинской криминалистики!!!¹⁸ Понятно, что вред наносится судебной экспертизе, но вдобавок происходит смешение понятий криминалистики и судебной экспертизы.

Нет и не может быть никакой медицинской криминалистики, лингвистической криминалистики, экономической криминалистики, молекулярно-генетической криминалистики, технической криминалистики и пр. Криминалистика едина! Это наука, имеющая свой предмет, систему, задачи, объекты и закономерности. Криминалистика – обобщающее знание для всех родов и видов судебных экспертиз.

Предметом судебной экспертологии являются методологические, правовые и организационные закономерности функционирования судебно-экспертной деятельности в целом; закономерности возникновения, формирования и развития классов, родов и видов судебных экспертиз и их частных теорий на основе единой методологии, унифицированного понятийного аппарата и с учетом постоянного обновления и видоизменения судебно-экспертных знаний. Предмет криминалистики был нами определен выше.

Основанием разграничения двух родственных, но самостоятельных наук является различие их целей и функций. Предметом криминалистики служат в том числе закономерности деятельности по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательств. Предметом судебной экспертологии являются закономерности судебно-экспертной деятельности как единого целого. Каждый вид деятельности имеет своего основного субъекта: соответственно следователя (дознателя) и судебного эксперта, обладающих процессуальной самостоятельностью и кругом прав и обязанностей.

Проанализируем методологические функции криминалистики и судебной экспертологии: в криминалистике – методологическое обеспечение следственной практики; в экспертологии – методологическое обеспечение экспертной практики. Частично эти функции перекрываются, поскольку исследование доказательств происходит и в ходе следственных действий, и при производстве судебных экспертиз.

Очередной этап научно-технической революции в России в конце первой четверти XXI в. сопровождается всеобъемлющим проникновением современных цифровых технологий практически во все области человеческой де-

тельности. Но наряду с неоспоримыми достижениями цифровизация принесла с собой целый ряд сложных негативных явлений, связанных с противоправным использованием этих новаций. Криминальные структуры в полной мере приняли на вооружение цифровые технологии для совершения «высокотехнологичных» преступлений и обеспечения своей «традиционной» преступной деятельности, создания систем конспирации и скрытой связи, для оказания активного противодействия правосудию. Происходит слияние уголовной и экономической преступности, отмечается интеллектуализация преступной деятельности, ее ужесточение, проникновение ее во многие жизненно важные сферы общества и государства, попытки установить контроль над финансово-промышленными группами, отдельными предприятиями. Значительные изменения произошли в способах так называемых «традиционных» преступлений: присвоениях, кражах, мошенничестве, фальшивомонетничестве, преступлениях в банковской и кредитной сфере, сфере страхования, даже преступлениях против жизни и здоровья людей и многих других, которые в настоящее время совершаются с использованием компьютерных средств и систем.

С использованием информационных компьютерных технологий в большинстве своем совершаются несанкционированные проникновения в компьютерные сети и внедрение вредоносных программ с целью хищения наличных и безналичных денежных средств, например, путем перечисления на фиктивные счета; «отмывание» денег; покупки с использованием фальсифицированных или похищенных электронных платежных средств; фиктивные продажи через Интернет; клевета; призывы и пропаганда расовой, религиозной и национальной

розни; распространение наркотиков; незаконная реклама и многие другие.

Широкое использование средств мобильной коммуникации спровоцировало создание и распространение вирусных и вредоносных программ для мобильных телефонов, использование мобильных средств связи для совершения мошенничеств, вымогательств, поджогов, взрывов, террористических актов и пр. Следует подчеркнуть, что в силу специфики компьютерных систем и сетей многие из перечисленных преступлений носят транснациональный характер и совершаются сходными способами¹⁹.

В связи с активизацией компьютерной преступности процессы синергии в криминалистике, имевшие до этого достаточно плавный поступательный характер, резко возросли. Однако, как мы уже неоднократно отмечали²⁰, а с нами солидарны и другие исследователи²¹, к сожалению, закономерности возникновения, движения и видоизменения потоков криминалистически значимой информации с использованием компьютерных средств и систем пока не нашли достойного места в криминалистической науке. Несмотря на то что первая информация о совершении хищения денежных средств с применением средств электронно-вычислительной техники относится еще к 1979 г., когда путем манипуляции данными на входе в компьютерную систему в Вильнюсе было похищено 78 584 рубля²² – огромная сумма по тем временам, работы, посвященные криминалистическому обеспечению расследования компьютерных преступлений, хотя и достаточно многочисленные, носят в основном неупорядоченный фрагментарный характер.

Насущная необходимость разработки криминалистического обеспечения расследования компьютерных преступлений подвигла ряд авторов на пере-

смотр подходов к криминалистической науке и выделение новых дефиниций «электронная криминалистика»²³, «цифровая криминалистика»²⁴ и др. Необходимо еще раз подчеркнуть, что мы выступаем категорически против размывания предмета криминалистической науки и утверждаем, что *криминалистика должна оставаться единой*, поскольку это наука, имеющая свой предмет, систему, задачи, объекты и закономерности. *Нет оснований каждый раз при появлении новых объектов или методов менять название и определение предмета науки*. Развитие идет за счет изучения новых закономерностей, новых механизмов следообразования, новых технологий собирания (выявления, фиксации, изъятия), исследования, оценки и использования криминалистически значимой информации, новаций в области криминалистической тактики и методики²⁵.

Исходя из целостности предмета и системы криминалистики, полагаем, что интеграция в криминалистику цифровых технологий идет не по пути создания какой-то новой цифровой криминалистики, а за счет создания новой криминалистической теории – теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, которая является новой частью общей теории криминалистики²⁶.

Предметом этой теории служат закономерности возникновения, движения, собирания, исследования и использования компьютерной информации при расследовании преступлений и судебном рассмотрении уголовных, гражданских и административных дел. Объектами являются сами компьютерные средства и системы как носители разыскной и доказательственной криминалистически значимой информации, а также система действий и отношений в механизмах преступлений с использованием ком-

пьютерных средств и систем, криминалистических компьютерных технологий выявления, фиксации, изъятия, сохранения, исследования и использования криминалистически значимой доказательственной и ориентирующей информации.

Система теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности включает целый ряд новых учений, на базе которых разработаны новации во всех разделах криминалистической науки.

Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности входит как одна из теорий в общую теорию криминалистики и, в свою очередь, состоит из ряда учений²⁷.

1. Концептуальные основы теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, включая предмет теории, ее объекты, изучаемые закономерности. Основные криминалистические дефиниции теории – это следы в информационно-компьютерном пространстве; носители криминалистически значимой компьютерной информации; компьютерные системы; программные продукты, в том числе вредоносные программы; контрафактные информационно-компьютерные продукты.

2. Учение о способах компьютерных преступлений.

3. Учение о цифровых следах как источниках криминалистически значимой компьютерной информации.

4. Учение о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем.

5. Учение о цифровизации системы криминалистической регистрации, в том числе справочно-информационных фондов криминалистического и судебно-экспертного назначения, включающее взаимосвязи и разграничения цифровизации

криминалистической и судебно-экспертной деятельности.

6. Учение об информационно-компьютерных криминалистических моделях компьютерных преступлений.

7. Учение об информационно-компьютерном криминалистическом обе-

спечении тактики следственных и судебных действий.

8. Учение об информационно-компьютерном криминалистическом обеспечении методик расследования компьютерных преступлений.

¹ См.: *Тарасов-Родионов П. И.* Советская криминалистика // Соц. законность. 1951. № 7; *Кубицкий Ю. М.* Пограничные вопросы судебной медицины и криминалистической экспертизы // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. Алма-Ата, 1959.

² См.: *Винберг А. И.* О сущности криминалистической техники и криминалистической экспертизы // Сов. государство и право. 1955. № 8; *Шляхов А. Р.* Предмет, метод и система советской науки криминалистической экспертизы // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. Алма-Ата, 1959.

³ *Митричев С. П.* Криминалистика и криминалистическая экспертиза // Соц. законность. 1966. № 5.

⁴ См.: *Белкин Р. С., Краснобаев Ю. И.* О предмете советской криминалистики // Правоведение. 1967. № 4; *Белкин Р. С.* Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970; *Белкин Р. С., Винберг А. И.* Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М., 1973.

⁵ См.: *Васильев А. Н.* Предмет криминалистики // Соц. законность. 1967. № 1; *Его же.* О задачах криминалистики в деле усиления борьбы с преступностью и повышения раскрываемости преступлений // Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики : материалы научной конференции (Свердловск, сентябрь 1970 г.). Свердловск, 1972; *Колмаков В. П.* Введение в курс науки советской криминалистики. Одесса, 1973.

⁶ См.: *Колдин В. Я.* Идентификация и ее роль в установлении истины по уголовным делам. М., 1969; *Снетков В. А.* Проблемы криминалистической диагностики // Труды ВНИИ МВД СССР. № 23. М., 1972. С. 103–106; *Корухов Ю. Г.* Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений. М., 1998.

⁷ См.: *Баев О. Я.* Основы криминалистики : курс лекций. М. : Экзамен, 2000; *Образцов В. А.* Выявление и изобличение преступника. М. : Юристъ, 1997.

⁸ См.: *Митричев В. С.* Криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1980; *Россинская Е. Р.* Система криминалистической техники в свете современных представлений о природе криминалистики // Современные проблемы криминалистики : сб. трудов Академии управления МВД РФ, 1998.

⁹ См.: *Старовойтов В. И. и др.* Физико-химические и биосенсорные методы в собирании пахнущих следов и установлении пола человека : методические рекомендации. М. : ЭКЦ МВД России, 2003.

¹⁰ См.: *Азарченкова Е. И. (Галяшина Е. И.) и др.* Экспертная идентификация человека по фонограммам его речи. М. : ВНИИ МВД СССР, 1986.

¹¹ См.: *Полевой Н. С.* Криминалистическая кибернетика : теория информационных процессов и систем в криминалистике. М. : МГУ, 1982; *Крылов В. В.* Информационные компьютерные преступления : учебное и практическое пособие. М. : Инфра-М – Норма, 1997; *Эджубов Л. Г. и др.* Статистическая дактилоскопия : методол. проблемы / под ред. Л. Г. Эджубова. М. : Городец : Формула права, 1999; *Сами-*

щенко С. С. Современная дактилоскопия : основы и тенденции развития. М. : ПолиграфПрофи, 2004.

¹² См.: *Эксархопуло А. А.* Криминалистика : учебник. СПб., 2009. С. 23–24 ; *Ищенко Е. П.* Криминалистика : учебник. 3-е изд., испр. и доп. М., 2011. С. 4 ; Криминалистика : учебник / под ред. Л. Я. Драпкина, В. Н. Карагодина. М., 2004. С. 10 ; *Баев О. Я.* Основы криминалистики : курс лекций. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 37 ; Криминалистика : учебник / под общ. ред. А. Г. Филиппова. 4-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 16 ; *Яблоков Н. П.* Криминалистика : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011 ; *Порубов Н. И., Грамович Г. И., Порубов А. Н.* Криминалистика : учеб. пособие / под ред. Н. И. Порубова. Минск, 2007. С. 6.

¹³ См.: *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. 3-е изд., доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. С. 65.

¹⁴ См.: Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза : приказ Минобрнауки России от 31 августа 2020 г. № 1136 (в ред. от 26.11.2020).

¹⁵ Тольяттинский государственный университет. Гуманитарно-педагогический институт. Кафедра «Русский язык, литература и лингвокриминалистика» ; *Грачев М. А., Грачев А. М.* Современные проблемы лингвокриминалистики как науки // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 1. С. 26–29.

¹⁶ См.: *Голубятников С. П.* Экономическая криминалистика : фантом или реальность // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 118–121.

¹⁷ См.: Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – подготовка кадров высшей квалификации по программам ординатуры по специальности 31.08.10 Судебно-медицинская экспертиза : приказ Минобрнауки России от 30 июня 2021 г. № 558.

¹⁸ См.: Рабочая программа дисциплины Медицинская криминалистика (основная профессиональная образовательная программа высшего образования – программа ординатуры 31.08.10 Судебно-медицинская экспертиза. ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И. М. Сеченова Минздрава России, 2019. URL: <https://www.sechenov.ru/univers/structure/department/otdel-ordinatory-i-internatory/programmy-ordinatory/>

¹⁹ См.: *Российская Е. Р., Рядовский И. А.* Современные способы компьютерных преступлений и закономерности их реализации // Lex Russica. 2019. № 3 (148). С. 87–99.

²⁰ См.: *Российская Е. Р.* К вопросу о частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып. 3, ч. II: Юридические науки. 2016. С. 109–117 ; *Ее же.* Информационно-компьютерное обеспечение криминалистической деятельности как частная криминалистическая теория // Воронежские криминалистические чтения. № 2 (19). 2017. С. 168–176.

²¹ См.: *Вехов В. Б.* Электронная криминалистика : понятие и система // Криминалистика : актуальные вопросы теории и практики : сб. трудов участников Международной научно-практической конференции. Ростов н/Д., 2017. С. 40–46.

²² См.: *Батулин Ю. М.* Проблемы компьютерного права. М. : Юрид. лит., 1991. С. 126.

²³ См.: *Вехов В. Б.* Указ. соч.

²⁴ См.: *Яковлев А. Н.* Цифровая криминалистика и ее значение для расследования преступлений в современном информационном обществе // Совершенствование следственной деятельности в условиях информатизации : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 12–13 апреля 2018 г.). Минск, 2018. С. 357–362.

²⁵ См.: *Россинская Е. Р.* К вопросу об инновационном развитии криминалистической науки в эпоху цифровизации // *Юридический вестник Самарского университета.* 2019. Т. 5, № 4. С. 144–151.

²⁶ См.: *Россинская Е. Р.* Частная теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности : предмет, объекты, изучаемые закономерности // *Воронежские криминалистические чтения.* 2019. № 4 (21). С. 91–98.

²⁷ См.: *Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности : монография / под ред. Е. Р. Россинской.* М. : Проспект, 2022. 256 с.

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Россинская Е. Р., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз, научный руководитель Института судебных экспертиз, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук

E-mail: elena.rossinskaya@gmail.com

Тел.: 8-916-674-56-10

Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL)

Rossinskaya E. R., Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Forensic Expertise Department, Scientific Supervisor of the Forensic Expertise Institute Honored Scientific Associate of Russia, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences

E-mail: elena.rossinskaya@gmail.com

Tel.: 8-916-674-56-10

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗЪЯТИЯ И ОСМОТРА МОБИЛЬНЫХ СРЕДСТВ СВЯЗИ, ИНЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ

А н н о т а ц и я: рассматриваются проблемные вопросы изъятия в ходе расследования, рассмотрения сообщений о преступлениях мобильных средств связи, иных устройств, содержащих информацию в электронном виде, при отсутствии на это согласия их владельцев (пользователей), связанные с обеспечением конституционного права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Анализируется следственная и судебная практика, делается вывод о неоднозначном подходе к решению данных вопросов, предлагаются соответствующие рекомендации для следователей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: мобильные средства связи, электронные носители информации, осмотр, тайна переписки, телефонных переговоров, иных сообщений.

PROBLEMATIC ISSUES OF WITHDRAWAL AND INSPECTION OF MOBILE COMMUNICATIONS, OTHER ELECTRONIC MEDIA

A b s t r a c t: the article deals with problematic issues of seizure during the investigation, consideration of reports of crimes of mobile communications, other devices containing information in electronic form, in the absence of the consent of their owners (users), related to ensuring the constitutional right of citizens to the secrecy of correspondence, telephone conversations, postal, telegraphic and other messages. The investigative and judicial practice is analyzed, it is concluded that there is an ambiguous approach to solving these issues, and appropriate recommendations for investigators are proposed.

К e y w o r d s: mobile means of communication, electronic media, inspection, secrecy of correspondence, telephone conversations, and other messages.

Поступила в редакцию 30 ноября 2021 г.

Осмотр мобильных средств связи, иных устройств, содержащих информацию в электронном виде, активно применяется современными правоприменителями. Вместе с тем изучение следственной, судебной практики и специальной литературы показывает неоднозначное отношение к вопросу о необходимости получения судебного решения для

осмотра мобильных средств связи в отсутствие согласия на то владельцев этих средств.

Так, исследование, проведенное по данному вопросу в Московской академии Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК России), показало, что 71,3 % анкетированных сотрудников СК России придерживаются позиции о возможности такого осмотра без получения судебного решения, что подтверждается и судебной практикой, в том числе высших судебных инстанций.

В результате делается вывод о различном подходе к решению данной проблемы в зависимости от того, требуется ли осмотр уже изъятого и находящегося в распоряжении следователя телефона или получение сведений о телефонных соединениях у оператора сотовой связи. Во втором случае требуется судебное решение в силу прямого указания закона (ст. 186.1 УПК РФ).

Если же телефон уже изъят и находится у следователя, то его осмотр, включая и осмотр содержащейся в нем информации (в том числе удаленной), производится без судебного решения.

Данная позиция, по мнению исследователей, не противоречит положениям ст. 23 Конституции РФ, поскольку следователь действует с целью защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ)¹.

Другие авторы полагают необходимым получение судебного решения для доступа к информации, содержащейся в мобильном телефоне (ином электронном устройстве), в отсутствие согласия его законного владельца². По мнению Е. В. Елагиной, доступ к необходимой информации возможен, в том числе без судебного решения (следственный осмотр, назначение и производство экспертизы), но при условии наличия судебного решения, разрешающего производство следственных действий, в ходе которых осуществлялось изъятие материальных объектов, содержащих информацию³.

УПК РФ прямо не предусматривает необходимость получения судебного решения для изъятия и осмотра мобильных средств связи, иных устройств, содержащих информацию в электронном виде (исключение составляет их изъятие в рамках следственных действий, связан-

ных с ограничением конституционных прав граждан, например, обыска или выемки в жилище, в иных случаях, предусмотренных ст. 29 УПК РФ). Это обстоятельство нашло отражение и в отдельных решениях высших судебных инстанций. Между тем их анализ не позволяет, на наш взгляд, однозначно высказаться в пользу изъятия и осмотра устройств, содержащих информацию в электронном виде, во всех случаях без получения судебного решения.

Так, в апелляционном определении Верховного Суда РФ от 1 августа 2019 г. № 67-АПУ19-8 по делу в отношении Е. Н. Ерохина и других отмечено, что переписка осужденных по данному делу лиц осуществлялась с соблюдением методов конспирации, с использованием вымышленных имен, через информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» и с использованием технических устройств, позволяющих выходить в эту сеть, – переносных персональных компьютеров (ноутбуков), планшетных компьютеров и смартфонов. При этом переписка касалась не их частной жизни, а обстоятельств совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств. При таких обстоятельствах для проведения следственных действий, связанных с осмотрами технических устройств и электронных носителей, изъятых у осужденных в ходе обысков, а также для осмотра содержавшейся в них информации не требовалось вынесения судебных решений⁴.

Исследователи обращают внимание на позицию Конституционного Суда РФ, неоднократно отмечавшего, что право на неприкосновенность частной жизни распространяется на ту область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только этого лица и, если его действия носят непротивоправный характер, не подлежит кон-

тролю со стороны общества и государства (Постановление от 16 июня 2015 г. № 15-П, Определения от 9 июня 2005 г. № 248-О, от 16 февраля 2006 г. № 63-О, от 26 января 2010 г. № 158-О-О и от 27 мая 2010 г. № 644-О-О)⁵. «Информация, защита которой обеспечивается в рамках конституционного права на неприкосновенность частной жизни, охватывает все персональные данные, независимо от того, содержат они сведения о личной, интимной сфере человеческих отношений или нет. В то же время деяния, противоправность которых подтверждена в установленном порядке, не относятся к сфере частной жизни лица, сведения о которой не допускается собирать, хранить, использовать и распространять без его согласия»⁶.

Подобной позиции в целом придерживаются и федеральные суды общей юрисдикции. Например, апелляционным определением Московского городского суда от 16 июля 2020 г. по делу № 10-11487/2020 признан законным осмотр телефона задержанного за незаконный оборот наркотиков, так как в нем содержалась информация о совершенном им преступлении⁷.

Апелляционным определением Московского городского суда от 31 октября 2018 г. № 10-16904/2018 также не признан нарушением положений ч. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации, ч. 1 ст. 29, ч. 1 ст. 165 УПК РФ осмотр следователем персональной страницы М., признанной по делу потерпевшей, в социальной сети «ВКонтакте», где обнаружены текстовые сообщения, имеющие значение для рассмотрения дела. Признав допустимость протокола данного осмотра, суд отметил, что при согласии пользователя интернет-ресурса на его осмотр судебное решение не требуется⁸.

Анализ приведенных судебных решений свидетельствует о том, что во-

прос о допустимости осмотра носителей информации в электронном виде судами решается в зависимости от процессуального статуса пользователя этих носителей, содержания информации и наличия либо отсутствия согласия на это их владельцев (пользователей). Если мобильный телефон, иной носитель информации изъят у лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, содержит сведения об их преступной деятельности, то их осмотр или осмотр с их помощью персональных интернет-ресурсов не требует судебного решения, в том числе при отсутствии согласия пользователей этих носителей. В то же время аналогичные действия в отношении носителей информации, изъятых у потерпевших и свидетелей, возможны при их согласии на это, а в его отсутствие – на основании судебного решения.

Еще одним важным решением в контексте рассматриваемой темы является Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2018 г. № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (далее – Определение)⁹. Как следует из жалобы и приложенных к ней документов, при рассмотрении уголовного дела заявителя суды первой и апелляционной инстанций отказали в удовлетворении требований стороны защиты о признании недопустимыми доказательствами протоколов осмотров электронных носителей информации, содержащих сведения о текстах сообщений, мотивировав такой отказ отсутствием необходимости получения для этого судебного решения. В Определении отмечено, что проведение осмотра и экспертизы с целью получения имеющей значение для уголовного дела информа-

ции, находящейся в электронной памяти абонентских устройств, изъятых при производстве следственных действий *в установленном законом порядке*, не предполагает вынесения об этом специального судебного решения. Лица же, полагающие, что проведение соответствующих следственных действий и принимаемые при этом процессуальные решения способны причинить ущерб их конституционным правам, в том числе праву на тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, могут оспорить данные процессуальные решения и следственные действия в суд в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ.

Представляется, что указанное Определение не дает однозначного ответа на вопрос о допустимости осмотра электронных носителей информации без получения об этом судебного решения. Видимо, по этой причине с ходатайством о его разъяснении в Конституционный Суд РФ обратился Тракторозаводский районный суд г. Челябинска, вынесший по рассматриваемому делу частное постановление, согласно которому изъятие следователем в ходе производства выемки у свидетеля мобильного телефона, его осмотр, в том числе с целью изучения содержащейся в нем переписки, проведенные без предварительного судебного решения, грубо нарушили права данного свидетеля, а также другого участника переписки – подсудимого.

Однако в принятии данного ходатайства было отказано по формальным основаниям – ввиду того, что заявитель не являлся участником конституционного судопроизводства. Кроме того, Конституционный Суд отметил, что Определение касалось только проверки соответствия поданной жалобы требованиям конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» о допустимости обращений, неясностей не

содержит и не нуждается в дополнительном разъяснении.

Кроме того, приведенные примеры из судебной практики не дают ответа на вопрос о порядке изъятия и осмотра носителей информации в электронном виде в случаях, если помимо сведений о преступной деятельности их пользователей они содержат и другие, которые могут составлять охраняемую законом тайну (личную, семейную, коммерческую, банковскую, врачебную и т. д.), тем более что, приступая к осмотру мобильного телефона, персональных страниц в социальных сетях, переписки в различных мессенджерах и т. п., следователь (или эксперт в ходе производства экспертизы) не знает заранее точно об их содержании, которое становится ему известным только после ознакомления с соответствующими ресурсами.

Наряду с изложенной выше имеется практика принятия федеральными судами общей юрисдикции решений об удовлетворении ходатайств следователей о получении доступа к электронным носителям информации на основании ч. 7 ст. 185 УПК РФ, которая признается отдельными авторами оправданной¹⁰.

В то же время Новосибирский областной суд в апелляционном определении от 24 мая 2019 г. по делу № 22-2351/2019, признав изъятие сотрудниками полиции в ходе личного досмотра осужденных мобильных телефонов, последующую их выемку и осмотр следователем соответствующими положениям ст. 182–184 УПК РФ, отметил, что при этом какого-либо согласия осужденных, а также разрешения суда на предмет установления их содержимого законом не предусмотрено. По мнению суда, ссылка стороны защиты на Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ основана на неправильном его толковании, поскольку указанный закон внес изменения в

ч. 7 ст. 185 УПК РФ, однако в указанной статье идет речь о почтово-телеграфных отправлениях, содержащихся на электронном устройстве, передаваемых по сетям электросвязи, к которым мгновенные сообщения, передаваемые по информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и зафиксированные в телефонах осужденных, не относятся¹¹.

Изложенные противоречивые примеры из следственной и судебной практики, противоположные мнения ученых свидетельствуют об отставании уголовно-процессуальной формы от реальных потребностей противодействия преступности в условиях стремительного развития информационных технологий, запросов «цифровой» криминалистики.

В связи с этим в специальной литературе обоснованно предлагаются различные варианты решения данной проблемы, в том числе и в целях минимизации возможных действий по модификации либо уничтожению информации в электронном виде. Так, Т. Э. Кукарникова в результате проведенных исследований пришла к выводу о целесообразности предложенных ранее Е. Р. Россинской дополнений УПК РФ такими следственными действиями, как наложение ареста на локальные вычислительные сети, а также не только на почтово-телеграфные, но и на электронно-почтовые отправления¹².

По мнению Ю. Н. Соколова, целесообразно расширить рамки следственного действия, предусмотренного ст. 186 УПК РФ, которое поглотит своим объемом контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ), арест электронных сообщений (ч. 7 ст. 185 УПК РФ), восполнит имеющиеся пробелы по получению иной электронной информации, создаваемой в результате предоставления вышеназванных услуг связи¹³.

Для недопущения нарушения конституционных прав граждан и обеспечения прямого действия Конституции Российской Федерации С. А. Грачевым предлагается внести в УПК РФ изменения, предусматривающие:

«1) процедуру получения по судебному решению объектов, в отношении которых имеется достоверная информация о содержащихся в них сведениях, охраняемых законом, или если данные объекты по своему характеру предназначены для хранения, обработки и иных действий с охраняемыми законом сведениями;

2) процедуру уведомления суда о проведенных следственных действиях, в результате которых были получены сведения, содержащие охраняемую законом тайну, если они имелись в объектах, полученных в результате процессуальных и следственных действий без судебного решения»¹⁴.

Полагаем также целесообразным до внесения изменений в УПК РФ дачу соответствующих разъяснений Пленумом Верховного Суда РФ, поскольку действующее Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)»¹⁵ не содержит комментариев о применении ч. 7 ст. 185 УПК РФ, по другим вопросам, связанным с ограничением прав граждан на тайну информации в электронном виде, содержащейся в мобильных средствах связи, иных устройствах.

В такой ситуации правовой неопределенности и возможности неоднозначного толкования закона правоприменителям важно придерживаться известного правила о необходимости соблюде-

ния не только буквы, но и духа закона. По этому поводу О. Я. Баев отмечал, что «следователь должен применять уголовно-процессуальный закон, использовать свои предусмотренные им процессуальные полномочия так, чтобы это в максимальной степени обеспечивало эффективность расследования, его высокую нравственность, всецело отвечало принципам и духу закона, гарантиям прав и законных интересов личности в судопроизводстве»¹⁶.

Таким образом, в условиях действующего УПК РФ, с учетом судебной практики, мнения ученых и практиков можно констатировать, что решение вопроса о необходимости получения судебного решения для изъятия и осмотра информации в электронном виде, содержащейся в мобильных средствах связи, иных устройствах, зависит от различных обстоятельств – процессуального статуса их пользователя, наличия или отсутствия его согласия, характера информации (отражает ли она противоправную деятельность или иные сведения о частной жизни лица, в том числе охраняемую законом тайну), от складывающейся в конкретном регионе судебной практики, позиции надзирающего прокурора и др.

Главным критерием при принятии следователем решения является ответ на вопрос о возможном ограничении конституционного права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Если предполагается изъятие следователем в ходе планируемых следственных действий предметов и документов (в том числе компьютерной техники, мобильных телефонов), которые могут содержать охраняемую законом тайну (коммерческую, банковскую и т. п.), даже вне жилища, например при обыске

(выемке) в организациях, учреждениях, автомобилях, гаражах и т. п., целесообразно предварительно получить судебное решение. При этом в ходатайстве отразить данное обстоятельство (возможное ограничение охраняемой законом тайны) в таком случае, как обоснованно полагают специалисты, отдельного судебного решения на осмотр электронных устройств не требуется¹⁷. В случаях, не терпящих отлагательства, указанные следственные действия могут быть проведены в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

В иных случаях (если устройство изъято в ходе оперативно-разыскных мероприятий, при личном досмотре в порядке административного производства, личном обыске задержанного в порядке ст. 91–92 УПК РФ, обнаружено при осмотре места происшествия и т. п.) возможны осмотр устройства следователем с целью обнаружения и фиксации признаков, имеющих криминалистическое значение для расследования, а также ознакомление с содержащейся в нем информацией в электронном виде, свидетельствующей о противозаконной деятельности пользователя данного устройства. В противном случае следует получить согласие владельца (пользователя) устройства на его осмотр, а при его отсутствии обратиться в суд с ходатайством о получении соответствующего решения. В любом случае, получив в результате осмотра устройства доступ к информации об охраняемой законом частной жизни лица, следователь должен принять меры к ее неразглашению со своей стороны, а также возложить соответствующую обязанность на иных участников уголовного судопроизводства в соответствии с положениями ст. 23 Конституции РФ, ст. 13, 161 УПК РФ.

¹ См.: *Багмет А. М., Скобелин С. Ю.* Обнаружение, фиксация, изъятие и исследование мобильных средств связи, принадлежащих участникам уголовного судопроизводства : учеб. пособие. М. : Московская Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017.

² См., напр.: *Бикмиев Р. Г., Бурганов Р. С.* Выемка и осмотр электронных устройств // Уголовное право. 2018. № 1. С. 125–131 ; *Булыжкин А. В., Васюков В. Ф.* Некоторые особенности осмотра средств сотовой связи при расследовании уголовных дел // Российский следователь. 2014. № 2. С. 2–4 ; *Хайдаров А. А.* О гарантиях прав граждан на тайну переписки, телефонных и иных переговоров в контексте Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2018 г. № 193-О // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 5 (67). С. 77–80.

³ См.: *Ефремова О. М.* Некоторые проблемы проведения отдельных следственных действий, в ходе которых следователем используется компьютерная информация // Российский следователь. 2019. № 12. С. 11–14.

⁴ См.: Определение Верховного Суда РФ от 1 августа 2019 г. № 67-АПУ19-8 по делу в отношении Ерохина Е. Н. и других. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См.: *Ромашов П. А.* К вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни в цифровой век / под ред. О. А. Кузнецовой и др. // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2019. № 1. С. 103–118.

⁶ *Бондарь Н. С.* Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении : из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25–42.

⁷ См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 16 июля 2020 г. по делу № 10-11487/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 31 октября 2018 г. № 10-16904/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2018 г. № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ См.: *Клевцов К. К., Квык А. В.* Изъятие и осмотр информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств // Законность. 2020. № 12. С. 56–60.

¹¹ См.: Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 24 мая 2019 г. по делу № 22-2351/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² См.: *Кукарникова Т. Э.* Электронный документ в уголовном процессе и криминалистике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. С. 20.

¹³ См.: *Соколов Ю. Н.* Наложение ареста на электронные сообщения, их осмотр и выемка // Российский следователь. 2020. № 10. С. 38–41.

¹⁴ *Грачев С. А.* Тайна телефонных переговоров в правовых позициях высших судебных инстанций России : коллизия толкований // Законы России : опыт, анализ, практика. 2020. № 2. С. 81–85.

¹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, свя-

занных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁶ Баев О. Я. Избранные работы (2012–2016 гг.). Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. С. 378–379.

¹⁷ См.: Клевцов К. К., Квык А. В. Указ. соч. С. 56–60.

Следственный комитет Российской Федерации

Саньков В. И., кандидат юридических наук, старший инспектор отдела исследования проблем методик расследования преступлений управления научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательского института криминалистики), полковник юстиции

E-mail: sankov_icr@mail.ru

Тел.: 8-968-016-20-74

Investigative Committee of the Russian Federation

San'kov V. I., Candidate of Legal Sciences, Senior Inspector of the Department of Investigation of Problems of Methods of Investigation of Crimes of the Department of scientific research (Research Institute of Criminalistics), Colonel of Justice

E-mail: sankov_icr@mail.ru

Tel.: 8-968-016-20-74

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ПРОВЕДЕНИЯ НЕКОТОРЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ТЕЛЕФОННЫХ МОШЕННИЧЕСТВ

А н н о т а ц и я: рассматриваются некоторые особенности тактики производства допроса потерпевшего, подозреваемого, свидетеля, осмотра предметов, документов, назначения фоноскопической и компьютерно-технической судебной экспертиз в ходе расследования телефонных мошенничеств.

К л ю ч е в ы е с л о в а: телефонное мошенничество, допрос, осмотр, судебная экспертиза.

FEATURES OF TACTICS OF CARRYING OUT SOME INVESTIGATIVE ACTIONS DURING THE INVESTIGATION OF TELEPHONE FRAUDS

A b s t r a c t: the article discusses some features of the tactics of interrogation of the victim, suspect, witness, inspection of objects, documents, appointment of phonoscopic and computer-technical forensic examinations during the investigation of telephone fraud.

Key words: telephone fraud, interrogation, examination, forensic examination.

Поступила в редакцию 24 февраля 2022 г.

В современных условиях не теряют актуальность вопросы раскрытия и расследования мошенничеств с использованием средств телекоммуникации. На фоне стремительного роста информационно-телекоммуникационных технологий увеличивается количество киберпреступлений.

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации о состоянии преступности за последние четыре года (с января 2018 г. по декабрь 2021 г.) на территории нашей страны зарегистрировано преступлений, совершенных с использованием или применением средств мобильной связи: в 2018 г. – 61 299, в 2019 г. – 116 154 (рост на 89,5 %), в 2020 г. – 218 739 (рост на 88,3 %), в

2021 г. – 217 552 (снижение на 0,5 %)¹. Между тем практика деятельности органов внутренних дел показывает, что принимаемые меры не являются эффективными в вопросах раскрытия и предупреждения мошенничеств, совершаемых в телекоммуникационной среде, в том числе с использованием средств мобильной связи, о чем свидетельствует низкий процент раскрываемости телефонных мошенничеств: в 2018 г. – 16,3 %, в 2019 г. – 14,4 %, в 2020 г. – 10,9 %, в 2021 г. – 13,2 %².

Обострение криминогенной обстановки в стране по причине роста киберпреступлений обуславливает необходимость детализации криминалистической тактики расследования дистанционных мошенничеств, совершенных с использованием средств мобильной связи, в целях

повышения эффективности работы правоохранительных органов.

Телефонное мошенничество имеет ряд особенностей:

1) злоумышленник и потерпевший находятся друг от друга на расстоянии (в разных городах, странах), между ними отсутствует непосредственный контакт (мошенник не может использовать внешние и личные качества, а также доверие потерпевшего);

2) данный вид преступления носит неочевидный характер (мошенник использует анонимность, может длительное время не попадать в поле зрения органов внутренних дел);

3) несоответствие места совершения преступления и места наступления негативных последствий для потерпевшего;

4) дистанционное мошенничество (в отличие от традиционного мошенничества) никогда не перерастет в грабеж или разбой, поскольку при отсутствии результата злоумышленник меняет не характер своих преступных действий, а их объект.

Тактика расследования мошенничеств в телекоммуникационной среде с использованием средств мобильной связи формируется из проводимых следователем процессуальных действий. В результате получения информации вырабатывается доказательственная база, качество которой зависит от проводимых следственных и иных процессуальных действий, умения применять тактически приемы их производства с максимальной эффективностью.

Наиболее распространенными следственными действиями при расследовании телефонных мошенничеств являются: 1) допрос потерпевшего, подозреваемого, свидетеля; 2) осмотр предметов, документов; 3) назначение судебных экспертиз.

1. Одним из главных следственных действий при расследовании мошенничеств в телекоммуникационной среде с использованием средств мобильной связи является допрос потерпевшего. При проведении допроса потерпевшего следователю (дознавателю) необходимо выяснить следующие сведения: точные дата и время звонка мошенника, номер телефона, с которого осуществлялся звонок потерпевшему; кем представился преступник и о чем говорил, какие действия предлагал сделать, какую сумму денежных средств и за какие услуги требовал, каким способом потерпевший перевел денежные средства мошеннику.

При осуществлении блиц-перевода выясняется имя и адрес перевода (паспортные данные лица), имеются ли у потерпевшего квитанции и приходно-кассовые ордера, подтверждающие блиц-перевод. В случае, когда денежные средства были положены на счет абонентского номера сотового телефона, следует выяснить данный номер, платежные средства, через которые прошла передача денежных средств потерпевшим (с приложением чека). Если мошенник выходил на связь с потерпевшим неоднократно, необходимо уточнить время, абонентский номер телефона, предмет разговора, предлагал ли злоумышленник перевести дополнительно денежные средства (за какие услуги), осуществил ли данное требование потерпевший (если нет, то какова причина). Важным моментом является выяснение у потерпевшего, сможет ли он описать голос злоумышленника (хриплый, высокий, молодой и т. д.), каким образом он формулировал фразы; отличительные черты его речи и голоса (шепелявит, картавит), сможет ли потерпевший опознать мошенника по голосу.

Вместе с тем проблема, возникающая при допросе потерпевшего, как правило, связана с тем, что жертва дистанци-

онного мошенничества не обладает сведениями, которые могут иметь значение для уголовного дела. Это связано с отсутствием непосредственного контакта между потерпевшим и мошенником, поскольку преступный замысел последнего реализуется на расстоянии. Кроме того, жертвами данного вида преступления часто становятся люди пожилого возраста, а также граждане, не обладающие познаниями в сфере информационных технологий. Следовательно, во время проведения допроса особое внимание требуется уделить получению подробных сведений о совершенных злоумышленником и потерпевшим действиях.

В случае, когда телефонное мошенничество раскрыто и лицо, его совершившее, установлено, тактика допроса подозреваемого (обвиняемого) зависит от признания (непризнания) последним своей вины. Когда подозреваемый отказывается сотрудничать с правоохранительными органами, его показания носят вспомогательный характер (с учетом положений ст. 51 Конституции Российской Федерации³). При его допросе целесообразно опираться на минимальную доказательственную базу (показания потерпевшего). При наличии противоречий между потерпевшим и мошенником следователь (дознатель) обязан провести очную ставку.

При допросе подозреваемого следователь (дознатель) выясняет следующие обстоятельства: какие абонентские номера им использовались при совершении мошенничества, на кого они были зарегистрированы, каким образом оказались в его пользовании (были ли они найдены, похищены или переданы добровольно владельцами), о характере совершаемых мошеннических действий; на какие номера производилась рассылка СМС-сообщений (содержание данных сообщений); самостоятельно ли подо-

зреваемый осуществлял рассылку сообщений или кто-то оказывал ему помощь (знало ли данное лицо о преступном характере таких действий); местонахождение преступника в момент разговора с потерпевшим; с помощью каких платежных систем он получал денежные средства потерпевших (имелись ли у него посредники); на какие цели потрачены полученные платежные средства и др.

При допросе подозреваемого (обвиняемого) следователь (дознатель) применяет следующие тактические приемы: а) предъявление доказательств; б) детализация и уточнение показаний; в) убеждение преступника в неправильности занятой позиции; г) разъяснение положений законодательства о деятельном раскаянии и сотрудничестве с правоохранительными органами; д) логический анализ противоречий в показаниях и др.

Кроме того, содействие правоохранительным органам оказывают свидетели по уголовным делам о телефонных мошенничествах. Эти лица, как правило, оказываются вовлеченными к совершению дистанционного мошенничества без разъяснения со стороны преступника об истинном характере совершаемых действий.

При использовании злоумышленником абонентского номера, зарегистрированного на третье лицо, следует выяснить время и место приобретения им сим-карты, используемой мошенником; на протяжении какого времени преступник использовал сим-карту; ее местонахождение в настоящее время; при каких обстоятельствах сим-карта вышла из владения этого лица (когда и кому была передана); составляют ли круг его окружения ранее судимые лица (характер общения с ними).

Если допрашивается посредник, получивший денежный перевод от потерпевшего, выясняется время, место и раз-

мер полученных денежных средств (с использованием каких документов и по чьей просьбе получал); как распорядился полученным; обстоятельства знакомства со злоумышленником (знал ли о незаконном способе получения денежных средств); сможет ли посредник опознать мошенника. Чтобы активизировать память допрашиваемого, следователь (дознатель) может использовать следующие тактические приемы: допрос на месте события; применение ассоциативных связей; предъявление доказательств и др.

2. Осмотр предметов. При совершении дистанционного мошенничества одновременно слеодообразующим и следовоспринимающим объектом является сотовый телефон. С целью повышения эффективности осмотра и недопущения уничтожения информации следует привлечь специалиста в соответствующей области знаний. Осмотр сотового телефона проходит в два этапа:

а) внешний (конструктивный) осмотр. На данном этапе следователь (дознатель) описывает наружное строение и состояние сотового телефона (марка, модель, форма, материал, цвет, размер; логотипы, фото- и видеокамера, разъем для зарядного устройства, наушников, микрофон, динамик и др.). Необходимо также зафиксировать отличительные признаки сотового телефона (скол, царапина, отсутствие деталей); наличие чехла, гарнитуры. Конструкция сотового телефона осматривается путем описания его составных частей (задней крышки и аккумуляторной батареи, флеш-карты, сим-карты). При внешнем осмотре телефона проводится детальная фотосъемка всех панелей телефона, аккумуляторной батареи, IMEI-номера, флеш-карты и сим-карт;

б) осмотр информационной составляющей. На данном этапе следователь (дознатель) фиксирует информа-

цию (контакты, сообщения, фотографии), хранящуюся в памяти телефона, флеш-карте и сим-карте. При осмотре информационной составляющей проводится детальная фотосъемка экрана телефона со сведениями, имеющими значение для следствия.

В протоколе осмотра предметов (документов) следует отразить процесс разблокировки экрана телефона (паролем, графическим ключом), после чего перечисляются значки, расположенные на экране телефона. Проверив IMEI-номер, следователь приступает к описанию информации, хранящейся в телефоне (контакты, сообщения, фотографии, видеозаписи, список вызовов). Описывая вызов, необходимо отразить входящий, исходящий, пропущенный ли он, время, длительность, имя и абонентский номер. Описывая СМС-сообщение – его текстовое содержание (размер, время создания).

Последовательность вышеназванных этапов зависит от того, включен (выключен) ли он в момент осмотра: 1) при выключенном телефоне осмотр производится по вышеназванной схеме; 2) при включенном телефоне – сначала производится осмотр информационной составляющей, затем внешний (конструктивный) осмотр (поскольку он предполагает отсоединение составных частей телефона и наличие на нем ПИН-кода).

Правила осмотра документов по уголовным делам о телефонных мошенничествах отличаются, так как документом могут выступать вещественные доказательства, а также «иные документы». При осмотре документов – вещественных доказательств фиксируется внешний вид, наименование, форма, размеры, реквизиты. Далее документы признаются вещественными доказательствами и приобщаются к уголовному делу. При осмотре иных документов значение

имеет лишь информация, содержащаяся в них, поэтому помимо общих сведений описанию подлежат обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. Участниками данного следственного действия являются следователь, специалист (при необходимости), понятые (по усмотрению следователя). Поскольку протокол подписывается всеми участвующими в осмотре, в тех случаях, когда участники следственного действия в силу физических возможностей не могут его подписать, понятые в соответствии с ч. 3 ст. 167 УПК⁴ (в присутствии которых происходит ознакомление потерпевшего, подозреваемого (обвиняемого) и др.) своими подписями подтверждают не только содержание протокола осмотра, но и факт невозможности его подписания данными лицами.

3. Судебная экспертиза имеет особое значение при формировании доказательственной базы по уголовным делам о телефонных мошенничествах. С целью идентификации голоса на фонограмме назначается фоноскопическая экспертиза, для исследования содержимого сотового телефона (установления сведений о входящих/исходящих вызовах) – судебная компьютерная экспертиза.

Порядок назначения обозначенных экспертиз выглядит следующим образом: 1) принятие решения о назначении экспертизы (установление оснований для использования специальных знаний); 2) определение вида (рода) экспертизы (какие специальные знания необходимы для исследования); 3) установление экспертного учреждения (эксперта), проводящего экспертизу; 4) получение образцов для сравнительного исследования; 5) постановка вопросов перед экспертом; 6) ознакомление подозреваемого (обвиняемого) с решением о назначении экспертизы, с разъяснением ему прав, предусмотренных УПК РФ⁵; 7) рассмотрение

ходатайств о постановке дополнительных вопросов, изменении экспертного учреждения и т. п.; 8) направление постановления и объектов на экспертизу.

Объектами фоноскопической судебной экспертизы являются фонограммы, аудиозаписи диктофонов при общении с мошенником. С целью получения образцов голоса для сравнительного исследования необходимо вынести соответствующее постановление, привлечь специалиста. При отказе подозреваемого предоставить образцы голоса сотрудник оперативного подразделения по поручению следователя в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности»⁶ негласным способом получает данные образцы, после чего результаты оперативно-розыскной деятельности в установленном порядке предоставляются для приобщения к материалам уголовного дела⁷.

Примерный перечень вопросов, выносимых следователем (дознавателем) на разрешение фоноскопической экспертизы, выглядит следующим образом: 1) сколько лиц участвует в аудиозаписи? 2) каково дословное содержание разговора на фонограмме (на ее фрагменте)? 3) кому принадлежат реплики разговора? 4) внесены ли в фонограмму изменения в процессе производства звукозаписи или после ее окончания? 5) принадлежит ли голос, записанный на фонограмме, проверяемым лицам? и др.

Объектом судебной компьютерной экспертизы является сотовый телефон (реже компьютер).

Примерный перечень вопросов, выносимых следователем (дознавателем) на разрешение судебной компьютерной экспертизы, выглядит следующим образом: 1) каково содержание информации (дата и время) о входящих и исходящих соединениях (о полученных и отправленных СМС-сообщениях), хранящих-

ся в памяти сотового телефон, сим-карте? 2) каково содержание информации в электронной записной книжке телефона (сим-карте)? 3) имеются ли изменения в IMEI-коде сотового телефона? 4) имеются ли в телефоне программы, которые способны уничтожить, модифицировать или заблокировать информацию? 5) имеются ли в телефоне функции, позволяющие осуществить вызов, выход в Интернет и отправку СМС-сообщения без ведома пользователя? и др.

Следователь (дознатель) формулирует вопросы, поставленные перед экспертом, в зависимости от обстоятельств уголовного дела. Вместе с тем необходимо консультироваться со специалистами в соответствующих областях экспертных исследований относительно вопросов, выносимых на разрешение эксперту, и объектов, представляемых для исследо-

вания. Соблюдение данных рекомендаций повысит результативность проводимых экспертиз, исключит возвращение постановлений о назначении экспертизы следователю без исполнения, минимизирует необходимость получения дополнительных образцов для сравнительного исследования. Своевременное назначение экспертиз (ввиду длительности их производства) и качественное оформление изъятых объектов, представляемых для исследования, способствует своевременному направлению уголовного дела в суд.

Таким образом, перечисленные особенности тактики проведения следственных действий в ходе расследования телефонных мошенничеств направлены на сокращение срока расследования уголовных дел и повышение раскрываемости данного вида преступления.

¹ См.: URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 14.02.2022).

² См.: Там же.

³ Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 18.02.2022).

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 30.12.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 24.02.2022).

⁵ См.: Там же.

⁶ Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 30.12.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 22.02.2022).

⁷ См.: Об утверждении Инструкции о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155629/ (дата обращения: 19.02.2022).

Воронежский институт МВД России

Семенихина Т. Н., преподаватель кафедры административного права

E-mail: fenix-omelia@yandex.ru

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Semenikhina T. N., Lecturer of the Department of Administrative Law

E-mail: fenix-omelia@yandex.ru

ПРИНЦИПЫ СТРУКТУРИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ТАКТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

А н н о т а ц и я: анализируются исходные научные положения (принципы), находящиеся в основе структурирования и реализации тактических средств, применяемых при расследовании преступлений. Автором рассматриваются принципы, отражающие основные начала криминалистической науки, а также сущность конкретных объектов (тактических средств). Делается вывод о взаимосвязи принципов научного исследования и принципов практической деятельности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: принцип, система, криминалистическая систематика, тактические средства, тактический прием, тактическая комбинация, тактическая операция, следственная компетентность.

PRINCIPLES OF STRUCTURING AND IMPLEMENTATION TACTICAL MEANS OF CRIME INVESTIGATION

A b s t r a c t: the article analyzes the initial scientific provisions (principles) underlying the structuring and implementation of tactical means used in the investigation of crimes. The author considers the principles reflecting the basic principles of forensic science, as well as the essence of specific objects (tactical means). The conclusion is made about the relationship between the principles of scientific research and the principles of practical activity.

Key words: principle, system, forensic systematics, tactical means, tactical technique, tactical combination, tactical operation, investigative competence.

Поступила в редакцию 29 ноября 2021 г.

В этимологическом смысле под принципом понимается:

- основное исходное положение какой-нибудь теории, учения, науки;
- убеждение, взгляд на вещи;
- основная особенность в устройстве чего-нибудь¹.

Опора на принципы в научных исследованиях и практической деятельности является предпосылкой выявления и основой изучения криминалистикой выявленных закономерностей, непременным условием успешности криминалистической деятельности.

Анализируя вопрос о соотношении принципов науки и практики, Р. С. Белкин отмечает, что, к примеру, принципы допроса, осмотра или иных следственных действий разрабатываются криминалистикой как принципы практической деятельности. При этом ученый указывает на то обстоятельство, что их формулирование есть результат криминалистических научных исследований в области тактики следственных действий, но не выражение законов или исходных посылок науки². В то же время очевидно, что принципы научного исследования и принципы практической деятельности образуют целостную систему, существуя в неразрывном единстве и диалектической взаимосвязи.

Объектами криминалистического познания являются лица и предметы, состояния и связи, свойства и признаки, действия и процессы и т. д. Системные представления о них выражаются в виде частных криминалистических систем знаний, отражающих как собственно исходные принципы их формирования (структурирования), так и принципы (и базирующиеся на них потенциальные формы) реализации разработанных систем научного знания соответствующими субъектами в практической деятельности.

Небезынтересным, в частности, представляется анализ принципов структурирования (формирования) и реализации *тактических средств* – известного множества «научно-сконструированных поисково-познавательных моделей»³, по ряду элементов которого на протяжении десятилетий ведутся достаточно острые дискуссии – от определения объемов родовых понятий («криминалистическая тактика», «тактический прием», «тактическая комбинация», «тактическая операция») и их структурообразующих признаков до анализа их правовой и этической состоятельности и, как следствие, – допустимости использования в практической деятельности.

1. Принцип системности тактических средств.

Методологическим ориентиром системного исследования тактических средств является представление о целостности изучаемой системы. При этом необходимо учитывать следующие положения, составляющие суть системно-структурного подхода к объекту исследования:

– система может быть понята как нечто целостное лишь тогда, когда она как таковая противостоит своему окружению – среде, в которую входят и другие системы;

– расчленение системы приводит к понятию элемента, свойства и функции которого взаимоопределены свойствами и функциями системы;

– система как нечто целое может рассматриваться как подсистема по отношению к системе более высокого уровня;

– представление о целостности системы конкретизируется через понятие связи; а совокупность связей приводит к понятию структуры системы;

– структура системы может строиться как по «горизонтали» (связь между однопорядковыми элементами системы), так и по вертикали (связь между разнопорядковыми элементами)⁴.

Систематика тактико-криминалистических средств, с одной стороны, базируется на принципах научного исследования, поскольку обеспечивает выполнение важнейшей для криминалистики методологической функции, заключающейся в структурировании (систематизации) научных знаний, в представлении изучаемых наукой объектов как самостоятельных частных подсистем.

Вместе с тем любой объект (в том числе и тактические средства) «возникает, создается или осознается как система только при наличии таких объективных предпосылок, из которых вытекает необходимость возникновения, создания или осознания объекта именно как системы»⁵. Такие предпосылки задаются практикой. Причем теоретическое криминалистическое знание «должно поспевать за изменением практики, а еще лучше опережать его»⁶.

В связи со сказанным тактические средства следует рассматривать как обусловленную целью и задачами криминалистической тактики систему, состоящую из взаимосвязанных подсистем (тактических приемов, комбинаций, операций) и производных от них элементов более подробного уровня, отражающих

деление указанных средств по тем или иным критериям (основаниям).

2. *Принцип классификационного подхода к исследованию тактических средств и содержательности (существенности) классификационных оснований.*

Систематика тактических средств должна отражать подлинно научное представление об исследуемом объекте и его свойствах и иметь значение для практической (поисково-познавательной) деятельности. В этом деле велико значение классификаций. Именно системный подход позволяет научно обоснованно осуществлять классификацию криминалистических объектов. Последняя же, в свою очередь, является одним из необходимых условий использования практикой криминалистических рекомендаций, совершенствования этой практики и осуществления связей внутри самой науки⁷.

Если имеется возможность выбора способа действия (линии или образа поведения), то речь ведется уже о некоей структуре, классификации либо классификациях тактических средств (приемов, комбинаций, операций), о системном их видении. Это и обуславливает возможность оптимального выбора для достижения определенных целей. Так, для ситуации конфликтного допроса – разновидности следственной ситуации – характерен выбор приемов преодоления конфликта того или иного уровня и т. п. В этой связи О. Я. Баев справедливо замечает, что применительно к тем или иным аспектам деятельности по доказыванию и ее стадиям существует не один тактический прием, а некая совокупность таковых, знание которой дает возможность маневрировать ими для достижения поставленной цели⁸. Все это, на наш взгляд, позволяет говорить о том, что конкретно определенные тактические средства, входящие в соответствующие классификационные системы в совокупности

с советами по их применению (тактическими рекомендациями), способствуют выбору наиболее приемлемого хода деятельности в той или иной следственной ситуации.

Успех построения классификации (классификаций) тактических средств и ее реализации на практике во многом зависит от выбора ее основания.

Формально в основание классификации может быть положен любой признак классифицируемого множества. Однако в плане целесообразности и значимости криминалистической классификации важны не любые, а наиболее существенные, закономерно повторяющиеся для заданного классифицируемого множества признаки, на основе которых в один класс входили бы объекты, максимально сходные в существенных признаках, и при этом классификационная система была бы одновременно устойчивой и достаточно гибкой, чтобы не теряла возможности сохраняться в условиях появления новых объектов исследования, была бы удобной в обращении и обеспечивала легкий поиск нужных объектов или нужной о них информации⁹.

Так, очевидной является ситуационная обусловленность тактических приемов допроса. Классификационная система указанного вида тактических средств базируется собственно на классификации следственных ситуаций, значение которых предопределяется логикой выбора их основания. Таковым, как отмечает О. Я. Баев, выступает «отношение допрашиваемого к искомой следователем информации»¹⁰. Данная классификационная система является многоуровневой и представляется весьма убедительной как для достижения научных целей, так и для оптимизации практической деятельности, и отличается должной степенью «удобства в обращении».

Учитывая значение основания систематизации тактических приемов, определенной критике со стороны ученых-криминалистов подвергаются отдельные их классификации:

- по степени эффективности тактических приемов (К. Н. Фахрутдинов) – с выделением неэффективных, малоэффективных, среднеэффективных и высокоэффективных их видов (ведь эффективность того или иного приема во многом зависит от характера следственной ситуации, специфики объекта воздействия и опыта следователя; соответственно, один и тот же прием вполне может оказаться в различных классификационных группах, поскольку в одних случаях может проявить свою высокую эффективность, а в других – оказаться неэффективным)¹¹;

- по уровню тактических приемов (Б. И. Дергай, в частности, выделил следующие их уровни: общие для любой познавательной деятельности, общие для криминалистики и ряда других наук и специальные криминалистические). Как пишет об этой классификации А. Ю. Головин, здесь речь ведется, прежде всего, о познавательных приемах, понятие которых, в сути своей, значительно шире понятия тактического приема¹².

3. *Принцип историзма и динамичности систем тактических средств.*

Систематика тактико-криминалистических средств, как и любая другая система (классификация), является научно обоснованной при опоре на исторический подход. Историзм как базовый принцип предполагает учет процессов возникновения, функционирования и развития объекта исследования; без опоры на данный принцип может быть допущена ошибка в установлении форм существования исследуемого объекта в настоящий период времени.

Так, например, ч. 2 ст. 189, ч. 7 ст. 193, ч. 2 ст. 194 УПК РФ содержат запрет на постановку наводящих вопросов при производстве соответствующих следственных действий (по сути, запрет на применение тактического приема). Однако ранее, согласно УПК РСФСР 1960 г., подобный запрет (в частности, по отношению к процессуальной регламентации допроса) относился лишь к допросу свидетелей и потерпевших (ст. 158, 161 УПК РСФСР).

Реализация принципа динамичности систематике тактических средств (приемов) теснейшим образом связана с принципом историзма и выражается в двух формах.

Первая форма связана с исключением тактического средства из соответствующей системы (из-за введения запрета на его применение, как, в частности, следует из примера о наводящих вопросах; то же самое можно сказать и о ч. 3 ст. 193 УПК РФ, содержащей, в отличие от прежде действующего уголовно-процессуального закона, запрет на повторное предъявление для опознания).

Вторая форма, напротив, предполагает включение нового приема в систему тактико-криминалистических средств (к примеру, тактическое положение, закрепленное в ч. 8 ст. 193 УПК РФ).

4. *Принцип целевой направленности тактических средств.*

Содержание данного принципа исходит из основного предназначения тактического инструментария следователя – направленности на преодоление противодействия расследованию.

Именно противодействие расследованию преступлений (по О. Я. Баеву – реальное или потенциальное, непосредственное или опосредованное¹³) и выступает основным структурообразующим элементом криминалистической тактики. В зависимости от той или иной фор-

мы противодействия расследованию могут быть классифицированы и тактические средства.

Например, к группе тактических приемов, направленных на преодоление реального (и одновременно непосредственного) противодействия, относится прием предъявления избобличающих лицо доказательств в ходе допроса, или прием допущения легенды с последующим пресечением лжи.

К тактическим приемам, нацеленным на преодоление потенциального противодействия, можно отнести, к примеру, постановку лицу вопросов упреждающего характера или детализирующих вопросов, основной функцией которых является минимизация возможности изменения лицом первоначальной линии поведения на противоположную под кажим-либо объективным предлогом.

На более детальном уровне рассмотрения тактических средств с учетом их целевой направленности, соответственно, могут быть выделены:

- коммуникативные тактические приемы (например, установление психологического контакта с лицом);

- объяснительные тактические приемы (к примеру, разъяснение допрашиваемому лицу обстоятельств, смягчающих уголовное наказание);

- удостоверительные тактические приемы (в частности, использование видеозаписи хода следственного действия с целью констатации объективности его производства);

- реконструктивные тактические приемы (например, повторный допрос свидетеля или потерпевшего с целью активизации памяти);

- превентивные тактические приемы (производство предъявления для опознания вне визуального восприятия опознаваемым лицом опознающего субъекта);

- прогностические тактические приемы (например, прием выжидания действий со стороны подозреваемого или его сообщников); и др.

5. *Принцип взаимосвязи и взаимобусловленности тактико-криминалистических средств с положениями иных областей знания.*

Очевидно, что составить представление о криминалистической системе тактических средств невозможно без опоры на соответствующее содержание – так сказать, без опоры на генетический материал. В этой связи весьма известной является систематика тактических приемов по их природе, предложенная А. Н. Васильевым, который, соответственно, выделил:

- тактические приемы, основанные на данных логики (на применении логики в условиях расследования);

- тактические приемы, основанные на данных психологии (в частности, приемы по установлению психологических отношений следователя с участниками следственных действий);

- тактические приемы по планомерной организации расследования (приемы, основанные на данных научной организации труда следователя)¹⁴.

Как отмечает автор указанной классификации, и с ним трудно не согласиться, такое приспособление положений специальных наук заключается «в разработке особенностей использования указанных данных для целей расследования с учетом специфики объектов, обстановки и условий применения, субъекта, задач, процессуальной формы, сложившейся практики»¹⁵.

С одной стороны, эту классификацию можно было бы рассматривать в качестве отправной для последующих (более детальных) делений тактических приемов. Однако, как на это обстоятельство

обращают внимание криминалисты, данная система не отражает собственно криминалистическую науку в качестве одного из источников формирования тактического приема¹⁶.

В отношении же отдельных тактических средств, выделяемых по указанным основаниям, как известно, существуют дискуссии – от констатации соответствия (несоответствия) критериям допустимости использования, например, «слабых мест в психике» и «психологических ловушек» до признания (непризнания) тактическими приемами (способами действий) таких логических (мыслительных) конструкций, как следственная версия или планирование расследования¹⁷.

6. *Принцип обусловленности тактико-криминалистических средств уголовно-процессуальным законом.*

Такая обусловленность закономерна и естественна. Те или иные тактические приемы (комбинации, операции) в своей генетической основе имеют нормы уголовно-процессуального закона. «Правовую норму, регламентирующую порядок производства того или иного следственного действия, – как пишет О. Я. Баев, – можно представить как модель структуры ситуаций, связанных с возникновением и сохранением информации, рационально учитывающую гарантии объективности условий для естественного проявления закономерностей, лежащих в основе следственного действия, порядок производства которого она регламентирует»¹⁸. Содержанием же криминалистической тактики является рационализация этих закономерностей в виде разработки тактических средств и рекомендаций по их реализации.

Рассматривая в качестве объекта исследования тактические средства, можно было бы вести речь о *принципе их со-*

ответствия объективно установленным требованиям – законности, этичности, избирательности воздействия, традиционно именуемым в криминалистике критериями допустимости применения тактических средств. В то же время, наряду с толкованием термина «принцип» как основополагающего и объективного положения науки, в этимологическом смысле допускается, как уже было отмечено ранее, и субъективная его интерпретация – как «убеждения, взгляда на что-то».

Целью использования тактических средств следователем, как известно, является оптимизация процесса собирания, исследования и использования доказательств. Однако приближение к этой цели и ее достижение возможны, о чем, к сожалению, свидетельствует практика, и при использовании средств, мягко говоря, далеких от соответствия указанным критериям – в результате применения, образно выражаясь, «свободной тактики».

Факторы, детерминирующие такое положение в существующем ныне уголовном преследовании, разнообразны и варьируются от отсутствия у следователей глубоких знаний норм уголовного и уголовно-процессуального закона до переоценки значения показаний лица, признавшего себя виновным в совершении преступления¹⁹.

Прав, думается, С. Ю. Якушин, отмечаящий, что реализация криминалистических рекомендаций на практике во многом зависит не только от их качественного содержания, но и от индивидуальных особенностей следователя, применяющего тактическое средство. А потому, резюмирует указанный автор, и мы всецело согласны с таким мнением, особенности нравственного сознания следователя необходимо рассматривать как компонент нравственной сторо-

ны применения тактических средств при расследовании преступлений²⁰.

Именно в силу этих обстоятельств провозглашенное в УПК положение о «свободной тактике» (тактике допроса – ч. 2 ст. 189), претендующее по своему лингвистическому оформлению на роль криминалистического принципа, в то же время из-за своей расплывчатости, взятой в совокупности с индивидуальными особенностями правоприменителя и принципами, отражающими его убеждения и «взгляды на вещи», очевидно, весьма опасно.

В связи со сказанным принцип, отражающий должную реализацию следователем тактических средств в соответствии со своими убеждениями, опосредованной необходимостью соблюдения соответствующих критериев (законности, этичности и избирательности тактического средства), может быть представлен следующим образом.

7. Принцип следственной компетентности (компетентностной обусловленности реализации следователем тактических средств).

По сути, речь ведется о модели профессиональной компетентности следователя (следственной компетентности)²¹.

Основными подсистемами личностной и деятельностной компетентности следователя, на наш взгляд, являются:

– правовая компетентность следователя, отражающая знание им нормативно-правовой основы собственной профессиональной деятельности (в совокупности с развитым уровнем профессионального правосознания и правовой культуры);

– профессионально-этическая компетентность следователя, отражающая знание требований профессиональной этики (в совокупности с развитым уровнем нравственного сознания следователя);

– поисково-познавательная компетентность следователя (характеризуемая через целенаправленный поиск, восприятие, изучение следователем уголовно-релевантных объектов; использование им всей совокупности методов и средств криминалистического познания на основе системного представления закономерностей, изучаемых криминалистикой);

– рефлексивная компетентность следователя (реализуемая в функции следственного самопознания и самокритики; в должном ретроспективном и прогностическом осознании и анализе следователем ситуаций расследования, в том числе связанных с тактическим риском, и принятии соответствующих решений);

– коммуникативная (в том числе тактико-коммуникативная) компетентность следователя (отражающая умения следователя вступать во взаимодействия с другими субъектами, поддерживать психологический контакт и определенный характер взаимоотношений, оценивать проблемно-конфликтные ситуации и использовать допустимые средства и методы для их нейтрализации);

– удостоверительная следственная компетентность (т.е. знание следователем правил и особенностей фиксации криминалистически значимой информации, соблюдение норм закона и следование криминалистическим рекомендациям на этот счет).

Процесс формирования (структурирования) и реализации тактических средств криминалистики в своей основе базируется на определенных исходных методологических началах – принципах, задающих ориентиры соответствующих видов деятельности (как научной, так и практической). Конечным же итогом является представление исследуемых объектов (тактических средств) в виде полноценной криминалистической системы

(систем) с присущими ей элементами и связями, состоятельность которой во многом обуславливается ее пригодностью

к реализации на практике и достижением необходимого и качественного результата.

¹ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1984. С. 528.

² См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М., 1997. С. 236.

³ Князьков А. С. Тактико-криминалистические средства досудебного производства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д., 2014. С. 12.

⁴ См.: Белкин Р. С. Указ. соч. С. 379–380.

⁵ Сагатовский В. Н. Системная деятельность и ее философское осмысление // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1980. С. 66.

⁶ Сокол В. Ю. К вопросу о сущности криминалистики как прикладной науки // Рос. следователь. 2008. № 16. С. 11.

⁷ См.: Белкин Р. С. Указ. соч. С. 381.

⁸ См.: Баев О. Я. Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон. Воронеж, 1977. С. 23.

⁹ См.: Урманцев Ю. А. Начала общей теории систем // Системный анализ и научное знание. М., 1978. С. 9 ; Розова С. С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск, 1986. С. 18.

¹⁰ См.: Баев О. Я. Тактика следственных действий. Воронеж, 2012. С. 222.

¹¹ См.: Якушин С. Ю. Тактические приемы при расследовании преступлений. Казань, 1983. С. 13.

¹² См.: Головин А. Ю. Теория и практика классификационных исследований в криминалистической науке. Тула, 2000. С. 133.

¹³ См.: Баев О. Я. Тактика следственных действий. Воронеж, 2012. С. 22.

¹⁴ См.: Васильев А. Н. Тактика отдельных следственных действий. М., 1981. С. 10–11.

¹⁵ Там же. С. 4–5.

¹⁶ См.: Головин А. Ю. Указ. соч. С. 131.

¹⁷ См., например: Баев О. Я. Тактика следственных действий. Воронеж, 2012. С. 278–295 ; Гусаков А. Н., Филющенко А. А. Следственная тактика. Свердловск, 1991. С. 17 ; и др.

¹⁸ Баев О. Я. Избранные работы : в 2 т. Т. 1. Воронеж, 2011. С. 43.

¹⁹ См.: Баев О. Я. Уголовно-процессуальное исследование преступлений : система и ее качество. М., 2007. С. 84–92.

²⁰ См.: Якушин С. Ю. Указ. соч. С. 70.

²¹ См., например: Романов В. В. Юридическая психология. М., 1999. С. 311–324.

Воронежский государственный университет

Стояновский М. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики

E-mail: mstoyanovskiy@mail.ru

Tel.: 8-910-282-54-19

Voronezh State University

Stoyanovsky M. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminalistics Department

E-mail: mstoyanovskiy@mail.ru

Tel.: 8-910-282-54-19

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ УЧАСТИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

А н н о т а ц и я: рассматриваются актуальные проблемы теории и практики, связанные с обстоятельствами, исключающими участие следователя в уголовном судопроизводстве, а также процессуальные гарантии, направленные на обеспечение объективности следователя.

К л ю ч е в ы е с л о в а: объективность, беспристрастность, отводы, правовые гарантии, следователь, прокурор, суд, следственный орган.

CIRCUMSTANCES PRECLUDING THE INVESTIGATOR'S PARTICIPATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

A b s t r a c t: the article discusses current problems of theory and practice related to circumstances excluding the participation of the investigator in criminal proceedings, as well as procedural guarantees aimed at ensuring the objectivity of the investigator.

Key words: objectivity, impartiality, challenges, legal guarantees, investigator, prosecutor, court, investigative body.

Поступила в редакцию 29 ноября 2021 г.

Помимо общих процессуальных гарантий, объективность и беспристрастность следователя обеспечивается в УПК РФ рядом специфических положений. Основными из них являются следующие: 1) отнесение к подследственности следователей Следственного комитета Российской Федерации уголовных дел о преступлениях, совершенных должностными лицами органов федеральной службы безопасности и органов внутренних дел; 2) основания и порядок отвода следователя; 3) комплекс норм, обеспечивающих процессуальную самостоятельность следователя.

Подследственность представляет собой совокупность признаков уголовного дела, в зависимости от которой закон относит его к компетенции того или иного

органа предварительного следствия или дознания¹. Отнесение к подследственности следователей Следственного комитета Российской Федерации дел о преступлениях, совершенных сотрудниками органов, имеющих в своем составе собственные следственные подразделения (ч. 2 п. «в» ст. 151 УПК РФ), является гарантией объективности как следователя, так и предварительного следствия в целом. Такое решение законодателя позволяет нейтрализовать фактор «корпоративности», т. е. защиты узковедомственных интересов, который проявлялся, если бы предварительное следствие по делу осуществляли следователи одного и того же ведомства. Данное законоположение одобрило 96 % опрошенных автором прокуроров, 85 % адвокатов и 91 % судей. В то же время, как показали результаты опроса, среди следователей произошел «раскол»: 86 % следователей

Следственного комитета Российской Федерации отметили обоснованность рассматриваемой нормы, а 94 % следователей МВД считают данное положение не обоснованным.

На наш взгляд, при решении данного вопроса законодатель должен быть последователен до конца. В целях исключения фактора корпоративности, защиты «чести мундира» при расследовании уголовных дел о преступлениях, совершенных сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации, целесообразно, чтобы такие дела расследовали следователи других ведомств. Такое предложение высказывалось в литературе В. Т. Томиным, В. В. Трухачевым². Думается, что с учетом важности положения Следственного комитета Российской Федерации в системе правоохранительных органов предварительное следствие по делам о преступлениях сотрудников Следственного комитета Российской Федерации должно производиться не следователями МВД (как полагает В. Т. Томин), а следователями ФСБ РФ.

Процессуальной гарантией, направленной на обеспечение объективности следователя, являются положения ст. 67 УПК РФ. Согласно данной норме, решение об отводе следователя принимает руководитель следственного органа, а решение об отводе начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя – прокурор. Решение об отводе руководителя следственного органа принимает вышестоящий руководитель следственного органа. Предыдущее участие руководителя следственного органа, следователя, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя в производстве предварительного расследования по данному уголовному делу не является основанием для его отвода.

Следует подчеркнуть, что законодатель допускает участие в деле следователя или дознавателя, если он ранее участвовал в деле именно в этом качестве, а не являлся иной процессуальной фигурой. По ряду дел Верховный Суд Российской Федерации признал недопустимым совмещения статуса следователя и таких участников уголовного судопроизводства, как свидетель и потерпевший.

Отметим, что ввиду существующих трудностей поиска сведущих лиц возникает вопрос о допущении выполнения функций указанных лиц следователями или участниками процесса, обладающими необходимыми познаниями и навыками. Особенно остро данный вопрос стоит применительно к процессуальной фигуре переводчика.

В некоторых случаях следователи реализуют указанное предложение на практике. Так, по делу А. следователь допросил обвиняемого, потерпевшую и свидетеля на их родном языке (марийском), а протоколы допросов оформил на русском языке. Следователь для участия в допросе А. и других не пригласил переводчика, сделал перевод их показаний с марийского языка на русский сам. Думается, что в данном случае Верховный Суд Российской Федерации принял верное решение, когда отменил приговор по данному по делу, поскольку имелись обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве³. Объективность и беспристрастность следователя в данном случае ставится под сомнение. Велика вероятность того, что следователь изложил показания допрашиваемого в редакции, «выгодной» для стороны обвинения, которую он в данном случае и представляет.

Попутно отметим, что по указанным основаниям неприемлемым является и предложение о возможности совмещения функции переводчика и защитника⁴.

Как подробнее будет показано далее, защитник может являться пристрастным участником уголовного судопроизводства, поэтому говорить о полном соответствии защитника требованию объективности неправомерно. Кроме того, оказывая помощь следователю в формировании доказательственной базы обвинения в ходе допроса, защитник выполняет не свойственную ему процессуальную функцию.

Более сложным, на наш взгляд, является вопрос об обоснованности производства дополнительного расследования следователем, который ранее расследовал это дело. Согласно ч. 2 ст. 67 УПК РФ поручение производства следователю, который ранее расследовал уголовное дело, является законным.

Однако, по нашему мнению, следует ввести запрет на производство дополнительного следствия следователем, который осуществлял «первичное» расследование в случае, когда уголовное дело возвращается прокурором в связи с неполнотой либо односторонностью проведенного расследования. Как верно отмечает Е. А. Снегирев, «с психологической точки зрения в подавляющем большинстве случаев у следователей проявляется оборонительная доминанта, внутреннее сопротивление указаниям прокурора, направившего дело для производства дополнительного расследования. По существу в данном случае прокурор выражает определенное недоверие его компетентности, профессиональной значимости. Соответственно, следователь, в силу указанных причин, пусть не всегда четко осознаваемых, стремится в таком случае реабилитировать собственное мнение относительно оценки доказательственной базы и выводов по делу. Иными словами, получая для дополнительного расследования уголовное дело, которое он расследовал лично, следователь, произ-

водя “работу над ошибками”, не может быть полностью беспристрастным»⁵.

Как показали результаты опроса, проведенного автором данной работы, 62 % следователей Следственного комитета Российской Федерации и 60 % следователей органов внутренних дел одобрили предложение о поручении производства дополнительного следствия иному следователю, если уголовное дело возвращается прокурором в связи с неполнотой либо односторонностью проведенного расследования.

Важными процессуальными гарантиями, обеспечивающими объективность следователя, являются процессуальные нормы, закрепляющие его самостоятельность в ходе производства предварительного следствия. Отметим, что в отличие от судей, использование термина «независимость» следователя необоснованно, ибо подконтрольность, поднадзорность следователя исключает его независимость⁶.

Большинство процессуальных гарантий, закрепляющих самостоятельность следователя в ходе производства предварительного следствия, содержатся в ст. 38 УПК РФ.

Согласно данной норме, следователь уполномочен в пределах своей компетенции осуществлять предварительное следствие по уголовному делу; возбуждать уголовное дело; принимать уголовное дело к своему производству или передавать его руководителю следственного органа для направления по подследственности; самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с законом получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа не требуется; давать органу дознания обязательные для исполнения письмен-

ные поручения о проведении оперативно-разыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении; обжаловать с согласия руководителя следственного органа решение прокурора об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков; осуществлять иные полномочия, предусмотренные УПК РФ. В случае несогласия с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, следователь обязан представить свои письменные возражения руководителю следственного органа, который информирует об этом прокурора.

Следует согласиться с В. В. Трухачевым и Е. И. Тишковец, утверждающими, что в результате законодательных новаций следователь все более становится чиновником, лишенным существенной процессуальной самостоятельности и действующим под жестким контролем и надзором иных участников уголовного судопроизводства⁷.

Непосредственно на обеспечение объективности следователя направлены положения ч. 3 ст. 38 УПК РФ. В случае несогласия с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, следователь обязан представить свои письменные возражения руководителю следственного органа, который информирует об этом прокурора.

К сожалению, указанные процессуальные гарантии на практике «не работают». Как верно отмечает Б. Я. Гаврилов, обжалование следователем решений и действий (бездействия) надзирающему прокурору не способно обеспечить принятие объективных решений по отдельным сложным вопросам предварительного следствия⁸.

Результаты проведенного опроса показали, что основными мотивами отказа от реализации прав следователя, предусмотренных в ч. 3 ст. 38 УПК РФ, являются неверие в принятие вышестоящим прокурором решения «в пользу» следователя (данную причину назвали 93 % от общего числа опрошенных следователей); опасение «испортить отношения» с прокурором» (82 %).

При этом подчеркнем, что 44 % опрошенных следователей в ходе опроса ответили, что им приходилось выполнять требования прокурора, с которыми они не были согласны. Лишь 8 % опрошенных следователей считают, что причиной неиспользования следователем указанного права является «отсутствие разногласий между следователем и прокурором»⁹.

Таким образом, необходимость более эффективного процессуального режима разрешения конфликта между следователем и прокурором обусловлена потребностями практики.

Аналогичным образом обстоит дело с обжалованием следователем указаний начальника руководителя следственного органа. По данным С. Шейфера и А. Боброва, 91,5 % опрошенных ими следователей не знают ни одного такого случая¹⁰.

На наш взгляд, в определенной степени может исправить сложившуюся неблагоприятную ситуацию реализация предложения о предоставлении следователю права при несогласии с требованиями прокурора направить дело со своими

возражениями в суд, который принимал бы в этих случаях окончательное решение. Такое предложение содержалось в Концепции судебной реформы в Российской Федерации¹¹ и было воспринято некоторыми авторами. При несогласии с указаниями руководителя следственного органа окончательным арбитром в конфликте следователя и его руководителя также должен являться суд.

Как показали результаты проведенного нами опроса следователей, большинство следователей МВД (89 %) и

Следственного комитета Российской Федерации (71 %) высказалось в поддержку указанного предложения.

На наш взгляд, повышение процессуальной самостоятельности следователя необходимо осуществлять и путем избавления следователя от согласования и утверждения с руководителем следственного органа ряда процессуальных решений. Введение дополнительного согласования в данном случае порождает процессуальное иждивенчество следователя¹² и приводит к волоките.

¹ См.: *Томин В. Т.* Острые углы уголовного судопроизводства. М., 1991. С. 142.

² См.: *Трухачев В. В.* Преступное воздействие на доказательственную информацию. Воронеж, 2000. С. 85.

³ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1989. № 9. С. 6–7.

⁴ См.: *Махов В.* Реформа досудебного производства в уголовном процессе России необходима // Уголовное право. 2004. № 4. С. 67.

⁵ *Снегирев Е. А.* Оценка доказательств по внутреннему убеждению : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002. С. 41.

⁶ См.: *Зеленский В. Д.* Организация расследования преступлений (криминалистические аспекты). Ростов н/Д., 1989. С. 68. Подробно о процессуальной самостоятельности следователя см.: *Клейн А. А.* Правовые и организационные аспекты процессуальной самостоятельности и независимости следователя органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 20 ; *Шейфер С., Бобров А.* Процессуальная самостоятельность следователя // Законность. 2006. № 5. С. 31–34.

⁷ См.: *Трухачев В. В., Тишкова Е. И.* Процессуальный статус следователя по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // 50 лет в криминалистике : к 80-летию со дня рождения Р. С. Белкина : материалы Междунар. науч. конф. Воронеж, 2002. С. 259 ; *Гаврилов Б. Я.* Совершенствование досудебного производства в свете реализации основных положений УПК РФ // Уголовный процесс. 2005. № 1. С. 19.

⁸ См.: *Гаврилов Б. Я.* Совершенствование досудебного производства в свете реализации основных положений УПК РФ // Уголовный процесс. 2005. № 1. С. 19. По данным Е. А. Снегирева, из числа опрошенных им следователей лишь 3 % указали на то, что в их практике приходилось не соглашаться с указаниями прокурора и обжаловать его действия вышестоящему прокурору. См.: *Снегирев Е. А.* Оценка доказательств по внутреннему убеждению : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002. С. 44.

⁹ *Шадрин В. С.* Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М., 2000. С. 59.

¹⁰ См.: *Шейфер С., Бобров А.* Процессуальная самостоятельность следователя : мнение практиков // Законность. 2006. № 5. С. 32.

¹¹ Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992. С. 91.

¹² См.: *Темираев О.* Процессуальная самостоятельность следователя // Законность. 2000. № 4. С. 28.

Воронежский государственный университет

Федорин В. Е., кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики

E-mail: fedorin-ve@mail.ru

Тел.: 8-950-756-76-19

Voronezh State University

Fedorin V. E., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department of
Criminalistics

E-mail: fedorin-ve@mail.ru

Tel.: 8-950-756-76-19

А. В. Хмелева

Главное управление криминалистики (Криминалистический центр)
Следственного комитета Российской Федерации

СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ, СКЛАДЫВАЮЩИЕСЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОШЛЫХ ЛЕТ, ПЛАНИРОВАНИЕ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ

А н н о т а ц и я: на основе изучения и обобщения следственной практики рассматриваются вопросы расследования преступлений прошлых лет. Выделяются следственные ситуации, складывающиеся по таким преступлениям после приостановления предварительного следствия, особенности которых должны учитываться при возобновлении предварительного следствия и планировании расследования. Анализируются причины, по которым преступления остаются нераскрытыми, и основные направления следственной и оперативной работы по преступлениям указанной категории. Приводятся примеры следственной практики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: преступления прошлых лет, следственные ситуации, планирование расследования, следственные действия, оперативно-разыскные мероприятия.

INVESTIGATIVE SITUATIONS DEVELOPING IN CRIMINAL CASES OF CRIMES OF THE PAST YEARS, PLANNING AND MAIN LINES OF INVESTIGATION

A b s t r a c t: based on the study and generalization of investigative practice, the article examines the issues of investigating crimes of the past years. The investigative situations that develop for such crimes after the suspension of the preliminary investigation are highlighted, and the specifics of which should be taken into account when resuming the preliminary investigation and planning the investigation. The reasons why crimes remain unsolved and the main directions of investigative and operational work on crimes of this category are analyzed. Examples of investigative practice are given.

К e y w o r d s: crimes of the past years, investigative situations, investigation planning, investigative actions, operational investigative measures.

Поступила в редакцию 29 ноября 2021 г.

Уголовно-процессуальный закон (ст. 6 УПК РФ) устанавливает, что назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, путем осуществления уго-

ловного преследования и назначения виновным справедливого наказания.

Эти задачи обусловили повышенное внимание руководства Следственного комитета Российской Федерации к работе по нераскрытым преступлениям прошлых лет. В соответствии с приказом Следственного комитета Российской Федерации от 31 июня 2014 г. № 65 «Об организации работы по расследова-

нию уголовных дел о преступлениях прошлых лет»¹ это направление работы – одно из основных в деятельности следственных подразделений ведомства вообще и отделов криминалистики в частности. Именно на управления и отделы криминалистики возложена обязанность оказания практической помощи следователям при расследовании такой категории преступлений, а также изучение, анализ, обобщение и распространение положительного опыта по раскрытию преступлений прошлых лет. Эти задачи призваны решать и аналитические межведомственные группы, созданные во всех региональных следственных управлениях. Активная работа по раскрытию преступлений прошлых лет обеспечивает реализацию принципа неотвратимости наказания для неустановленного или разыскиваемого преступника, предотвращения возможного совершения им новых преступлений.

В 2007 г. из органов прокуратуры следователям Следственного комитета Российской Федерации переданы свыше 250 тыс. уголовных дел, предварительное следствие по которым приостановлено. В настоящее время остаток таких уголовных дел сократился на 70 тыс., при этом раскрыты тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные более 15 и даже 20 лет назад.

В последнее время вопросы организации работы по расследованию преступлений прошлых лет находятся в поле зрения как ученых, так и практиков². В данной статье в продолжение темы³ рассматриваются иные аспекты расследования преступлений прошлых лет.

В соответствии с п. 1.1 упомянутого приказа к преступлениям прошлых лет относятся уголовные дела, предварительное следствие по которым приостанавливалось до начала текущего отчетного года по основаниям, предусмо-

тренным п. 1–3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, т. е. в связи с тем, что лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено; если подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо его местонахождение не установлено по другим причинам; если местонахождение подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует.

Необходимо отметить, что такое понимание и учет преступлений прошлых лет не позволяют (на наш взгляд – несправедливо) отнести к таковым выявленные в ходе расследования преступления, которые ранее не были зарегистрированы. Например, при расследовании серийных преступлений подозреваемый (обвиняемый) сообщает о ранее совершенных преступлениях – эпизодах серии, которые оставались латентными для правоохранительных органов. По существующему правилу они не попадают в категорию преступлений прошлых лет и статистически не учитываются как таковые.

Среди ученых-криминалистов имеются и иные точки зрения на понятие преступлений прошлых лет. Так, по мнению Л. Я. Драпкина, к данной категории следует отнести: а) преступления, предварительное следствие по которым приостановлено по основаниям, предусмотренным п. 1–3 ст. 208 УПК РФ; б) преступления, выявленные длительное время спустя после их совершения; в) преступления, совершившиеся длительное время (серийные преступления). В данный перечень автор не включает латентные незарегистрированные преступления⁴.

Изучение и анализ следственной практики позволяют выделить ряд криминалистических ситуаций, складывающихся по нераскрытым преступлениям,

которые необходимо учитывать участникам следственно-оперативных групп и межведомственным аналитическим группам при решении вопроса о возобновлении предварительного следствия и планировании расследования, особое значение при этом имеют следственные ситуации. Под следственной ситуацией принято понимать информационную осведомленность следователя о преступлении, а также состояние процесса расследования, сложившееся на конкретный момент времени, анализ и оценка которого позволяют следователю принять целесообразные решения⁵. Анализ и оценка следственной ситуации имеют прикладное значение для следователя, участников следственно-оперативной группы, так как способствуют выдвижению обоснованных следственных версий, выбору оптимальных тактических приемов, комбинаций и операций, определению эффективных направлений и способов взаимодействия с судебными экспертами, специалистами, сотрудниками уголовного розыска.

Рассмотрим следственные ситуации, складывающиеся на момент изучения уголовных дел, предварительное следствие по которым приостановлено.

1. Лицо, совершившее преступление, установлено, но скрылось от правоохранительных органов (находится в розыске).

К факторам, обусловившим возможность подозреваемому, обвиняемому скрыться от следствия, можно отнести несвоевременность заключения лица под стражу или объявления скрывшегося лица в розыск; пассивность розыска; несвоевременное направление следователем материалов в розыскные подразделения органов внутренних дел или заведения розыскного дела на скрывшееся лицо.

Уголовно-процессуальный закон определяет розыскные меры, принимае-

мые следователем, а также органом дознания по поручению следователя для установления лица, подозреваемого в совершении преступления (п. 38 ст. 5 УПК РФ). В то же время в ч. 2 ст. 209 УПК РФ указаны лишь два случая, когда следователь уполномочен применить розыскные меры по уголовному делу, предварительное следствие по которому приостановлено: 1) установление лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого или обвиняемого; 2) установление местонахождения подозреваемого или обвиняемого и принятие мер по его розыску, если он скрылся.

По уголовным делам, приостановленным производством в случае, когда подозреваемый, обвиняемый скрылся или когда его местонахождение не установлено по другим причинам, единственной процессуальной формой взаимодействия является поручение следователем органу дознания о розыске на основании вынесенного следователем постановления об объявлении розыска скрывшегося лица. После приостановления следствия по уголовному делу следственные действия не проводятся, возможна лишь организационная (непроцессуальная) деятельность следователя, но следователь должен направлять и контролировать деятельность органа дознания по розыску лица. В этот период наиболее распространенными являются такие формы взаимодействия следователя и сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, как взаимное согласование действий по обнаружению разыскиваемого лица; обмен получаемой информацией.

Возможны следующие отдельные направления такого сотрудничества:

- определение вопросов, подлежащих выяснению средствами и методами оперативно-розыскной деятельности;
- уведомление других, в том числе соседних, территориальных органов

МВД России о нераскрытом преступлении и сообщении сведений о приметах разыскиваемого лица, приметах похищенного имущества;

- использование данных криминалистических и иных учетов, в том числе повторные проверки по их базам данных;

- проведение мероприятий с целью получения новой информации (опросы свидетелей, потерпевших, истребование документов и др.).

В настоящее время одним из направлений розыскных действий является получение информации об использовании разыскиваемым лицом пластиковых карт (клубных, дисконтных и пр.) при расчетах, например, на заправочных станциях, в билетных кассах, развлекательных учреждениях.

При проверке эффективности розыскных действий положительно рекомендовали себя проводимые следственными управлениями систематические сверки сведений об уголовных делах, предварительное следствие по которым было приостановлено в связи с розыском подозреваемого, обвиняемого и количеством розыскных дел оперативного учета органов внутренних дел, с целью недопущения их несоответствия ввиду необоснованного прекращения последних.

Как показывает практика, нередко факты игнорирования постановлений следователей о розыске конкретных лиц: розыскные дела не заводятся или розыск фактически не осуществляется, осуществляется формально. Представляется, что в целях обеспечения результативности розыска руководители следственных органов должны в полной мере использовать предоставленные им права обращения к надзирающим прокурорам о проверке дел оперативного учета и даче при необходимости указаний об активизации оперативно-розыскной деятельно-

сти, а также систематически запрашивать сведения о ходе и результатах оперативно-розыскной (поисковой) работы по преступлениям прошлых лет у руководства органов внутренних дел.

2. Лицо, совершившее преступление, установлено, но следствие не располагает достаточными доказательствами для предъявления обвинения.

Работа в рамках данной следственной ситуации должна быть сконцентрирована на тщательном анализе материалов уголовного дела, в частности, показаний потерпевшего, свидетелей, подозреваемого; результатов следственных действий, заключений судебных экспертиз. Необходимо оценить имеющуюся доказательственную базу, пытаться выявить новые источники криминалистически значимой информации.

По уголовному делу об убийстве П. во Владимирской области в 2001 г. через несколько лет предприняты меры по установлению новых лиц из окружения убитого. Установлен С., который вел антиобщественный образ жизни. В результате грамотно реализованной тактико-криминалистической комбинации сожительница С. сообщила о совершении убийства ее сожителем; преступление было раскрыто.

Одна из задач следствия – расширение доказательственной базы путем использования специальных знаний судебных экспертов и специалистов. Большое значение при этом имеют ревизия имеющихся вещественных доказательств и анализ уровня взаимодействия следствия и судебных экспертов: все ли возможные судебные экспертизы были назначены, прежде всего, по объектам, обнаруженным на месте происшествия или в ходе иных следственных действий. Не исключены ситуации, когда на момент производства следствия по уголовному

делу объективно отсутствовали современные возможности экспертных исследований, например, не проводились молекулярно-генетические экспертизы, позволяющие выделить и проверить генотип выделителя; не использовались физико-химические методы и технологии обнаружения и фиксации следов рук, биологических объектов, не в полном объеме использована или не была получена информация, имеющаяся в оперативно-справочных, криминалистических и иных учетах, а также сведения об активации мобильных телефонов и результатов проведенного анализа массивов данных о телефонных соединениях (например, для опровержения алиби подозреваемого).

Целесообразно проверить, проводилось ли с лицом, подозреваемым в совершении преступления, психофизиологическое исследование с использованием полиграфа, если нет, рассмотреть вопрос о возможности такого исследования.

Следственной практике известны случаи, когда свидетель или потерпевший в своих показаниях уличал лицо в совершении преступления, опознавал его, однако спустя время давал противоположные показания. Возможно, это связано с поступившими угрозами, боязнью за безопасность свою и близких лиц. В таких случаях принятие мер по обеспечению безопасности лица, в том числе его «засекречивание» в предусмотренном законом порядке, позволяет установить необходимый психологический контакт и в конечном итоге раскрыть преступление.

По уголовному делу о похищении в 2001 г. потерпевший Ч., которого преступники ранили в ногу, уверенно опознавал в одном из них активного члена ОПГ «Русский клуб», действовавшей в Астраханской области. Однако на очной ставке он заявил, что при опознании допустил

ошибку. В последующем потерпевший сообщил следователю, что со стороны преступной группы ему неоднократно угрожали убийством при отказе изменить свои показания, в связи с чем, опасаясь за свою жизнь и жизнь родственников, он вынужден был так поступить.

3. Лицо, совершившее преступление, хотя и входило в круг фигурировавших по делу лиц, но на причастность к совершению данного преступления не проверялось.

В следственной практике встречаются ситуации, когда в ходе расследования фигурируют лица, чаще всего свидетели, роль которых в событии преступления, а также последующее их поведение должны были привлечь внимание следователя, оперативного сотрудника, занимающегося оперативно-разыскным сопровождением данного уголовного дела. Тем не менее эти лица оказались без должного внимания. Особенно часто подобные ситуации возникают, когда по уголовному делу проверяется версия в отношении конкретного лица, подозреваемого в совершении преступления, при этом все внимание сосредоточено на отработке этой версии. При изучении материалов приостановленного производства уголовного дела следует обращать внимание на лиц, «оставшихся в тени».

Представляет интерес раскрытие убийства значительной давности, совершенное в Волгоградской области. Анализ материалов уголовного дела позволил выдвинуть версию о том, что убийство совершил П., который ранее допрашивался в качестве свидетеля. Однако при отсутствии доказательств на результативность его повторного допроса рассчитывать не приходилось. П. было предложено пройти психофизиологическое исследование с применением полиграфа, результаты которого свидетельствовали о том, что он либо причастен к совершенному

преступлению, либо осведомлен о его обстоятельствах. Последующая работа с П. позволила доказать его причастность к совершению убийства.

К рассматриваемой ситуации близка и такая, когда в уголовном деле имеются сведения о лице, которое могло совершить преступление, но эта информация осталась без должного внимания, версии в отношении этого лица не выдвигались и не проверялись. Например, в показаниях допрашиваемых лиц назывались имена, фамилии, клички лиц, которые, судя по информации о них, могли быть причастны к совершению преступления, но такие версии по тем или иным причинам остались без проверки. В следственной практике известен случай, когда при изучении уголовного дела, приостановленного производством, удавалось выявить улики поведения одного из понятых, впоследствии оказавшегося лицом, совершившим преступление.

4. Уголовное дело в отношении лица, совершившего преступление в группе лиц, выделено в отдельное производство и приостановлено по основаниям, предусмотренным п. 1–3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, в то время как его соучастники привлечены к уголовной ответственности.

При данной следственной ситуации большая роль в раскрытии преступления отводится изучению связей осужденных лиц, осуществлению контроля и записи переговоров, сведениям, полученным от родственников, знакомых, соседей. Особое значение приобретает оперативная работа сотрудников подразделений ФСИН. Целесообразно изучить психологические характеристики осужденных, продумать возможности установления с ними психологического контакта и тактику работы с каждым по стимулированию его к даче правдивых показаний отностительно соучастников преступления,

начиная с выделенного «слабого звена», используя «внутригрупповые» и межличностные конфликты, провести необходимые оперативно-разыскные мероприятия, запланировать целевые тактические комбинации.

5. Лицо, совершившее преступление, не установлено (в качестве подозреваемого, обвиняемого по уголовному делу никто не привлекался).

Это наиболее распространенная ситуация по уголовным делам о преступлениях прошлых лет, одновременно она служит поводом к приостановлению предварительного расследования.

Расследование таких преступлений осуществляется в соответствии с разработанными и апробированными на практике методиками, криминалистическими рекомендациями по планированию расследования и тактике производства следственных действий, с учетом их специфики, обусловленной имеющимся временным периодом (иногда значительным), прошедшим с момента совершения преступления.

После возобновления производства предварительного следствия составляется план расследования, и при этом необходимо учитывать особенности используемой исходной информации:

- материалы уголовного дела и дела оперативного учета;
- планы первоначального расследования, включая конспекты и черновые записи следователя и оперативных сотрудников, принимавших участие в расследовании;
- письменные указания руководителей следственных органов, подразделений криминалистики по данному уголовному делу;
- результаты предварительного обсуждения участниками аналитической группы, следователя и руководителя следственного подразделения о перспек-

тивности раскрытия конкретного преступления и намечаемых направлений следственной и оперативно-разыскной работы по уголовному делу.

При составлении плана расследования, безусловно, принимается во внимание и информация, которая появилась после приостановления следствия: новые данные, полученные в ходе оперативно-разыскной деятельности; сведения о новых преступлениях, совершенных аналогичным способом (одинаковым «преступным почерком»); лицах, их совершивших; ориентировки; поручения следователей других следственных органов; различные сообщения и запросы правоохранительных органов соседних регионов; результаты проверок по оперативно-справочным и криминалистическим учетам; новые возможности экспертных исследований и пр.

Выделяют три группы поисковых версий, на основе которых планируется работа по уголовному делу после возобновления предварительного следствия:

1) версии, выдвигавшиеся и проверявшиеся ранее, но по тем или иным причинам не проверенные до конца;

2) новые версии, выдвигающиеся на основе имеющихся материалов расследования, но ранее не выдвигавшиеся и не проверявшиеся;

3) новые версии, основанные на фактических данных, полученных после приостановления предварительного следствия⁶.

Следственные действия по уголовным делам о преступлениях прошлых лет имеют свои особенности, которые обусловлены рядом факторов. К ним можно отнести:

– прошедшее время, отрицательно сказывающееся на сохранности и точности материальных и идеальных следов преступления, влияющее на память свидетелей, потерпевших; затруднения в по-

лучении новой информации вследствие смерти свидетелей, потерпевших, их выезда в другую местность; приход некоторых следов в состояние, непригодное для исследований; утрата вещественных доказательств;

– повторность многих следственных действий, ошибки произведенного до приостановления следствия, которые накладывают отпечаток на всю дальнейшую работу по раскрытию и расследованию преступления (недостатки осмотра места происшествия, нарушение требований закона при изъятии тех или иных объектов, признание доказательств недопустимыми и др.);

– наличие противодействия расследованию как до приостановления предварительного следствия, так и после его возобновления (создание ложного алиби, подкуп или угрозы в отношении потерпевшего или свидетелей и т. д.);

– наличие результатов уже проведенного расследования, что затрудняет производство расследования новым следователем, который может оказаться в плену выдвинутых версий и результатов их проверки;

– психология преступника, избежавшего наказания, и убежденность его в правильности своей защитной позиции;

– психология следователя, в чьем производстве находилось уголовное дело о нераскрытом преступлении: нежелание им признать свои ошибки, убежденность в правильности своих выводов по различным обстоятельствам уголовного дела, которое находилось у него в производстве. Поэтому целесообразно поручать производство по уголовному делу следователю, который ранее не принимал участия в расследовании, «незашоренному» специалисту. Но имеется и иная точка зрения: «Более правильно, чтобы расследование проводил тот следователь, который занимался делом до

его приостановления. Эти следователи не только знакомы с материалами дела и способны выявить различия в первоначальной и дополнительно полученной информации, но и лучше подготовлены к проведению следственных действий с тактической стороны»⁷.

Представляется, что если после возобновления следствия оно поручено следственной группе, то в ее состав по возможности должен быть включен следователь, проводивший расследование ранее.

Не способствуют активной работе по уголовным делам прошлых лет и факторы организационного характера, к которым можно отнести следующие:

- большая нагрузка на следователя, работающего по преступлениям настоящего времени, недостаток опыта работы по преступлениям прошлых лет, частая сменяемость следственных кадров;

- при работе по преступлениям прошлых лет формируется негативный рейтинговый показатель работы следственных органов – расследование уголовных дел в сроки, свыше предусмотренных УПК РФ (ч. 1 ст. 162 УПК РФ устанавливает, что срок предварительного следствия не должен превышать два месяца со дня возбуждения уголовного дела). Возобновление производства по уголовному делу увеличивает количество уголовных дел со сроком следствия, превышающим указанный срок⁸.

В соответствии с ч. 3 ст. 209 УПК РФ после приостановления предварительного следствия производство следственных действий по уголовному делу не допускается. Следует согласиться с авторами, полагающими, что деятельность следователя по приостановленному производством уголовному делу на начальной его стадии должна носить ярко выраженный аналитический характер, обоснованный объемом информации, имеющейся в ма-

териалах уголовного дела, по выявлению ошибок или недоработок, допущенных на стадии, предшествующей приостановлению⁹.

Целями указанного анализа являются изучение содержания собранной по уголовному делу информации; логическая проверка и оценка достоверности определенных фактических данных с учетом новых сведений, полученных после приостановления уголовного дела; установление соответствия тех или иных доказательств другим и оперативно-разыскным данным; выявление пробелов, ошибок и иных недостатков проведенного расследования, а также возможностей их устранения; вычленение и оценка данных о личности преступника¹⁰.

Анализ следственной практики позволяет не только выявить причины того, что преступления не были раскрыты в свое время, но и определить пути, основные направления работы по раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет. К ним можно отнести следующие направления работы:

- тщательное изучение материалов уголовных дел, дел оперативного учета и проверка полноты проведенного расследования;

- ревизия имеющихся вещественных доказательств по уголовным делам (их наличие, состояние), назначение по ним судебных экспертиз;

- повторные проверки тех или иных объектов по криминалистическим и оперативно-справочным учетам.

При изучении материалов уголовного дела необходимо обращать внимание на наличие среди изъятых объектов следов рук, не поставленных в свое время на дактилоскопический учет.

Положительные результаты для раскрытия преступлений прошлых лет приносит целенаправленная работа по ИМЕI-коду похищенных преступниками

средств мобильной связи потерпевших и анализ массивов данных о телефонных соединениях.

Важное значение для выявления и раскрытия преступлений прошлых лет имеет проведение аналитической работы по установлению аналогии признаков криминалистической характеристики преступлений («почерка» преступника), совершенных в текущее время, и преступлений прошлых лет, т. е. выявление серийности преступлений.

Использование оперативной информации сотрудников уголовного розыска отделов полиции, а также подразделений Федеральной службы исполнения наказаний также является одним из направлений работы по раскрытию преступлений прошлых лет.

Следует отметить важную роль, которую играет в раскрытии преступлений прошлых лет реализация положений Федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»¹¹ о постановке на учет генотипов лиц, осужденных на совершение тяжких и особо тяжких преступлений против личности, преступления против половой неприкосновенности, неустановленных преступников, чьи биологические следы обнаружены на месте происшествия, и трупов неустановленных лиц и проверка их по имеющимся учетам.

Таким образом, в обобщенном виде к факторам, в значительной степени способствующим достижению положительных результатов в работе по уголовным делам прошлых лет, следует отнести:

– обеспечение надлежащего взаимодействия следственных подразделений с прокуратурой, органами дознания МВД России, ФСИН России, ФСБ России, в том числе по розыску подозреваемых, обвиняемых;

– устранение недостатков следствия, допущенных на первоначальном этапе

расследования, в том числе проверка ранее выдвинутых версий в полном объеме;

– использование возможностей оперативно-справочных и криминалистических учетов и новых возможностей судебных экспертиз;

– всесторонняя проверка подозреваемых (обвиняемых) по преступлениям текущего периода на причастность к совершению аналогичных преступлений в прошлом;

– выявление и проверка новых, ранее неизвестных обстоятельств (информации);

– выдвижение новых версий на основе иной интерпретации ранее известных следствию обстоятельств;

– глубокий анализ накопленного материала;

– обеспечение действенного ведомственного контроля за расследованием преступлений прошлых лет; повышение квалификации следователей, по возможности – их специализации.

К указанным факторам следует добавить еще и изменение подхода к раскрытию преступлений прошлых лет (не секрет, что работа по таким уголовным делам нередко проводится «по остаточному принципу» и ограничивается уже достигнутыми «плановыми» показателями).

Работа по преступлениям прошлых лет, с тем чтобы преступник, пусть спустя годы, не смог уйти от ответственности и предстал перед законом за совершенные преступления, во многом и определяет смысл следственной работы, цели деятельности Следственного комитета Российской Федерации. Но важна активная работа не только по уголовным делам о преступлениях, оставшихся нераскрытыми, но и в большей степени – по раскрытию и расследованию вновь совершенных преступлений, с тем чтобы они не перешли в категорию «совершенных в прошлые годы».

¹ Об организации работы по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет : приказ Следственного комитета Российской Федерации от 31 июля 2014 г. № 65. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: *Багмет А. М., Хмелева А. В.* Расследование преступлений прошлых лет как реализация принципов законности и справедливости в деятельности Следственного комитета Российской Федерации // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 2 (37). С. 262–272; *Хмелева А. В.* Организация работы по преступлениям прошлых лет в Следственном комитете Российской Федерации // Российский следователь. 2018. № 10. С. 23–27; Расследование преступлений прошлых лет : практ. пособие / под ред. А. А. Бессонова. М. : Следственный комитет Российской Федерации, 2020. 158 с. ; Расследование преступлений прошлых лет : науч.-практ. пособие / под ред. А. И. Бастрыкина. М. : Юрлитинформ, 2021. 184 с.

³ См.: *Хмелева А. В.* О направлениях работы следователя по раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет // Воронежские криминалистические чтения. 2015. № 1 (17). С. 206–215.

⁴ См.: *Криминалистика : учебник / под ред. Л. Я. Драпкина. М. : Юрайт, 2013. С. 813.*

⁵ См.: *Криминалистика : учебник : в 2 т. / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. М. : Экзамен, 2014. Т. 1. С. 92.*

⁶ См.: *Лавров В. П.* Проблема расследования нераскрытых преступлений прошлых лет и некоторые пути ее решения // Предварительное следствие. 2009. Вып. 4 (6). С. 28–39.

⁷ *Кулеева И. Ю., Мазунин Я. М.* Правовое регулирование и криминалистическое обеспечение расследования нераскрытых преступлений прошлых лет : монография. М. : Юрлитинформ, 2013. С. 23.

⁸ См.: *Хмелева А. В.* О направлениях работы следователя по раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет // Воронежские криминалистические чтения. 2015. № 1 (17). С. 210.

⁹ См.: *Криминалистика : учебник / под ред. Л. Я. Драпкина. М. : Юрайт, 2013. С. 817.*

¹⁰ См.: *Криминалистика : учебник / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2009. С. 876.*

¹¹ О государственной геномной регистрации в Российской Федерации : федер. закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ (с изм. от 17.12.2009) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 08.12.2008. № 49. Ст. 5740.

*Главное управление криминалистики
(Криминалистический центр) Следственного
комитета Российской Федерации*

Хмелева А. В., кандидат юридических наук, полковник юстиции, заместитель руководителя управления научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательского института криминалистики)

E-mail: khmeleva.alla@mail.ru

Tel.: 8-965-312-26-71

The Main Department of Criminalistics (Forensic Center) of the Investigative Committee of the Russian Federation

Khmeleva A. V., Candidate of Legal Sciences, Colonel of Justice, Deputy Head of the Department of Research Activities (Research Institute of Criminalistics) of the Main Department of Criminalistics (Forensic Center)

E-mail: khmeleva.alla@mail.ru

Tel.: 8-965-312-26-71

О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ

Аннотация: затронуты вопросы понятия криминалистического мышления, необходимости разработки криминалистической теории криминалистического мышления, а также обобщения опыта обучения криминалистическому мышлению.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическое мышление, профессиональное мышление, криминалистический стиль мышления.

ABOUT THE CRIMINALISTIC MINDSET

Abstract: the article touches upon the issues of the concept of the criminalistic mindset, the need to develop a criminalistic theory of criminalistic mindset, as well as generalization of the experience of teaching criminalistic mindset.

Key words: criminalistic, criminalistic mindset, professional thinking, criminalistic mindset style.

Поступила в редакцию 19 октября 2021 г.

Криминалистическому мышлению в настоящее время посвящено немало работ, однако единства в его понимании пока не достигнуто. Криминалистическое мышление рассматривается как интеллектуальная деятельность лица, осуществляющего проверку сообщения о преступлении, а также предварительное расследование, которая выражается в познании значимых явлений, событий, фактов объективной действительности с учетом имеющихся знаний, в их осмыслении, проектировании модели результата при выборе оптимального решения в организационно-тактическом плане на определенный момент¹, как форма профессионального мышления, обеспечивающая эффективность решения следственных задач (процесс мышления, включающий набор установок, навыков и схем, а также комплексный анализ ситуации)², как обусловленное знаниями, опытом и интуицией умение субъекта

производства расследования и некоторых содействующих ему лиц организовывать собственный логико-эвристический процесс, направленный на постижение смысла отразившейся в объективной реальности информации о криминальном и связанных с ним событиях, выявление связей между ними и составляющими их внутреннее содержание элементами с целью получения истинных (т. е. полных, объективных и всесторонних) знаний о них, в конечном итоге облекаемых в форму доказательств в рамках уголовного судопроизводства³, как совокупность личностных установок познающего субъекта и базирующихся на них способов познавательной деятельности, позволяющая воспринимать и обрабатывать фрагментированную, неполную информацию в целях выявления и объяснения преступного события⁴. Д. В. Бахтин характеризует криминалистическое мышление с точки зрения ситуационного, каузального (причинного) и функционального подходов⁵ и предлагает исследовать, используя мультидисци-

плинарный подход, включающий в себя терминологический аппарат, подходы и отдельные методы, присущие как гуманитарному, герменевтическому знанию (психология, физиология), так и естественно-научному и техническим областям знания (логика, математика, компьютерные науки)⁶.

Представляется верным рассматривать криминалистическое мышление как форму профессионального мышления, направленную на решение специальных задач в конкретной сфере деятельности. Из психологии известно, что профессиональное мышление отражает профессионализм деятельности (высокую профессиональную квалификацию и компетентность субъекта труда) и профессионализм личности (высокий уровень развития профессионально-важных и личностно-деловых качеств)⁷. Профессионализм деятельности и профессионализм личности должны, таким образом, быть развиты и при криминалистическом мышлении.

Заслуживает поддержки предложение Н. П. Яблокова о разработке цельной теоретической концепции криминалистического мышления как своеобразной криминалистической теории такого мышления⁸. Ранее нами уже отмечалось, что «в общей теории криминалистического мышления свое место должны найти вопросы о понятии криминалистического мышления, его соотношении с профессиональным и следственным мышлением, структура, виды и элементы криминалистического мышления, формы его проявления для разных юридических профессий (следователя, прокурора, судьи, эксперта), механизм осуществления криминалистического мышления на примерах использования категорий общей психологии, должна быть разработана методика и технологии обучения криминалистическому мышлению.

Понятия и категории, присущие общему понятию мышления как психическому познавательному процессу отражения существенных связей и отношений, в криминалистическом мышлении должны интерпретироваться с криминалистических, т. е. большей частью поисковых позиций. Например, моделирование и системный подход к исследуемому явлению позволяют выявить первоначально незамеченные элементы и связи⁹.

В то же время полагаем, что криминалистическое мышление, как криминалистическая теория, при всей значимости не должно считаться «метаметодом, объединением разнообразных мыслительных возможностей и операций, позволяющим решать различные задачи, связанные с оперативной обработкой фрагментированной и нередко противоречивой информации»¹⁰.

Современный интерес к криминалистическому мышлению не означает, что вопросы подобного рода не возникали в теории и практике ранее. В середине XX в. известный ученый А. Р. Ратинов в своей первой работе по психологической тематике, говоря о следственной интуиции, анализировал ряд положений книги западноевропейского криминалиста Ганса Вальдера «Криминалистическое мышление»¹¹. Позднее в своем классическом труде «Судебная психология для следователей» (первое издание 1967 г.) и в других работах А. Р. Ратинов исследовал вопросы психологии следственного мышления¹², хотя не все с ним были согласны. Так, например, Р. С. Белкин считал «неверным говорить о “следственном мышлении”, ибо процесс мышления един в своей основе, а известная специфика условий, в которых он может протекать, еще не дает оснований для его «профессионализации»¹³, и критиковал мнение А. Р. Ратинова¹⁴. В настоящее время наличие криминалистического

(как правило, следственного) мышления не ставится под сомнение. М. К. Каминский прямо утверждает: «...криминалистическое мышление существует объективно, и собственно педагогическая задача состоит в том, чтобы развить способности обучаемых принимать поток мышления, работать с ним и отдавать далее в обогащенном виде»¹⁵. В вузовских учебниках криминалистики и юридической психологии основы криминалистического мышления пока не изложены, хотя примеры обучения такому мышлению есть. Фактически обучение следственному мышлению проходило в свое время в Ленинградском институте повышения квалификации следственных работников прокуратуры СССР (ныне Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ) при изучении методов, разработанных Г. А. Густовым (криминалистическое моделирование, программно-целевой метод, комплексный подход и криминалистический факторный анализ). В этом же аспекте стоит вспомнить, например, работы Л. А. Соя-Серко, И. М. Лузгина, Л. Г. Видонова, тем более что со многих работ этих авторов в настоящее время снят гриф «для служебного пользования» и они всем доступны¹⁶.

Успех в обучении криминалистическому мышлению зависит и от самих об-

учаемых, которым должны быть свойственны высокие личностные психологические характеристики (самостоятельность, гибкость, критичность и прогностичность мышления, способность к абстрагированию, развитое воображение, наблюдательность и др.). Высокая мотивация к обучению криминалистическому мышлению характерна для лиц, уже определившихся со специализацией при повышении высшего образования или уже имеющих опыт следственной работы. В этой связи интерес вызывает технология обучения криминалистическому стилю мышления, разработанная в Нижегородской академии МВД России, которая начинается с привития навыков выявления отдельных частных признаков наблюдаемых следов преступной деятельности, соотнесения совокупности этих признаков на различных объектах между собой и с общей следовой картиной и завершается принятием комплексного междисциплинарного экзамена (профессионального испытания)¹⁷. Для исследования криминалистического мышления и разработки эффективных рекомендаций по обучению криминалистическому мышлению возникает настоятельная необходимость обобщения уже имеющихся методик обучения криминалистическому мышлению в вузах страны.

¹ См.: Соколов А. Б. Криминалистическое мышление: понятие и содержание // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 4 (55). С. 69.

² См.: Шамшиев П. А. Криминалистическое мышление как состояние «открытости ума» при решении следственных задач // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3 (37). С. 119.

³ См.: Бессонов А. А. К вопросу о понятии криминалистического мышления // Эксперт-криминалист. 2019. № 2. С. 19.

⁴ См.: Бахтеев Д. В. Понятие и признаки криминалистического мышления // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16, № 2. С. 221.

⁵ См.: Бахтеев Д. В. Ситуационные, каузальные и функциональные аспекты криминалистического мышления // Вклад Л. Я. Драпкина в криминалистическую науку. Екатеринбург, 2019. С. 37.

⁶ См.: *Бахтеев Д. В.* Криминалистическое мышление и мультидисциплинарный подход к его изучению // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24, № 4 (79). С. 449–455.

⁷ См.: *Нарциссова С. Ю., Сиротин В. П.* Мышление : феноменология процесса : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Академия МНЭПУ, 2018. С. 137.

⁸ См.: *Яблоков Н. П.* Некоторые проблемы криминалистики в свете сегодняшнего дня // Криминалистика : прошлое, настоящее и будущее : достижения и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 60-летию образования службы криминалистики (Москва, 16 октября 2014 г.). М. : Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. С. 119–120.

⁹ *Шутемова Т. В.* Криминалистическое мышление прокурора // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2018. Т. 2, № 4 (91). С. 208.

¹⁰ *Бахтеев Д. В.* Понятие и признаки криминалистического мышления. С. 221.

¹¹ См.: *Рапинов А. Р.* О следственной интуиции // Социалистическая законность. 1958. № 4. С. 24–30. Цит. по: *Его же.* Избранные труды / [сост. М. В. Кроз, Н. А. Рапинова ; предисловие О. Д. Ситковской] ; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2016. С. 151.

¹² См.: *Рапинов А. Р.* Судебная психология для следователей. М., 2001. С. 135–175.

¹³ *Белкин Р. С.* Криминалистика : проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. М. : Юрид. лит., 1988. С. 117.

¹⁴ См.: *Белкин Р. С.* История отечественной криминалистики. М. : НОРМА, 1999. С. 253.

¹⁵ *Каминский М. К.* Криминалистика и судебная экспертиза – умение думать. Как ему учить // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2017. Т. 27, вып. 1. С. 96.

¹⁶ См., например: *Видонов Л.* Типовые следственные ситуации первоначально-го этапа следствия по делам об убийствах. Криминалистические взаимосвязи между элементами состава преступлений данного вида и методика выдвижения версий о лицах, совершивших убийства без очевидцев на основе указанных взаимосвязей. Нижний Новгород, 2002. 254 с.

¹⁷ См.: *Журавлев С. Ю., Крепышева С. К.* Формирование криминалистического стиля мышления : научно-методический и дидактический аспекты // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 371–379.

Волжский университет имени В. Н. Татищева

Шутемова Т. В., старший преподаватель

E-mail: shutemtv2017@gmail.com

Volzhsy University named after V. N. Tatishchev

Shutemova T. V., Senior Teacher

E-mail: shutemtv2017@gmail.com

ТЕХНОЛОГИЯ ДИПФЕЙК В АСПЕКТЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ

А н н о т а ц и я: развитие информационных технологий в современном цифровом пространстве, систем идентификации и верификации личности обуславливает возникновение новых способов и видов преступлений. Преступники разрабатывают и внедряют в свою деятельность новейшие достижения технического прогресса для реализации преступных намерений. Одним из инновационных продуктов искусственного интеллекта является технология дипфейк, которая позволяет создать «цифровой двойник» реального человека. Данная технология может использоваться при осуществлении мошенничества, вымогательства и других видов преступлений. Криминалистическая идентификация на данном этапе только разрабатывает методiku и средства выявления генерированных искусственным интеллектом дипфейков. Автором предлагается принять во внимание риски и угрозы данной инновационной технологии, которая ставит под сомнение представленные аудио- и видеодоказательства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: цифровизация, виртуальное пространство, «цифровой двойник», биометрические базы данных, идентичность.

DEEPFAKE TECHNOLOGY IN THE ASPECT OF FORENSIC IDENTIFICATION OF A PERSON

A b s t r a c t: the development of information technologies in the modern digital space, identification and verification systems of a person leads to the emergence of new methods and types of crimes. Criminals develop and implement the latest technological advances in their activities to implement criminal intentions. One of the innovative products is deepfake technology, which allows the creation of a digital twin of a real person. This technology can be used in the implementation of fraud, extortion and other types of crimes. At this stage, forensic science is only developing a methodology for detecting and countermeasures to deepfakes. The author proposes to take into account the risks and threats of this innovative technology, which calls into question the presented video evidence.

Key words: digitalization, virtual space, digital twin, biometric databases, identity.

Поступила в редакцию 20 октября 2021 г.

Одной из первых разработанных криминалистических теорий, представляющих собой систематизированное значение и упорядоченную систему понятий, является теория криминалистической идентификации.

Теории криминалистической идентификации посвятили свои работы С. М. Потапов¹, Н. П. Яблоков², А. И. Винберг и Р. С. Белкин³, Н. В. Терзиев⁴, В. Я. Колдин⁵, Р. Ш. Сулейманов⁶, Д. А. Степаненко⁷ и др.

Необходимо отметить, что развитие теории криминалистической идентификации продолжается и на сегодняшний

день. С учетом развития цифрового общества формируются новые концепции, понятия и принципы, базирующиеся на теории криминалистической идентификации. Период цифровой трансформации общества влечет за собой новые виды криминалистической идентификации, в том числе и биометрические.

Инновационные технологии биометрической идентификации личности широко используются в различных сферах. Среди них правоохранительная, банковская, нотариальная деятельность, паспортная система и т. д.

На сегодняшний день в правоохранительной деятельности в Республике Узбекистан эффективно используются дактилоскопические и габитоскопические автоматизированные базы данных. В соответствии с Законом Республики Узбекистан от 24 ноября 2020 г. № ЗРУ-649 «О государственной геномной регистрации» в стране с 2023 г. вводится государственная геномная регистрация. Имеют перспективу введение новых биометрических баз данных, создание мультимодальных биометрических баз данных, а также интеграция с другими базами данных.

Благодаря специализированным автоматизированным базам данных оперативно раскрываются преступления, устанавливаются личности неопознанных трупов, местонахождение лиц, пропавших без вести; разыскиваются лица, скрывшиеся от правоохранительных органов, и т. д.

Кроме того, смена политического режима в Афганистане спровоцировала рост потоков беженцев. Социальная дестабилизация в стране представляет определенные риски и соответственно вызывает озабоченность у соседних государств. Не затрагивая политических аспектов, а рассматривая ситуацию исключительно с точки зрения криминали-

стической науки, необходимо отметить, что особую актуальность на данный момент приобретает вопрос криминалистической идентификации личности. Возникает необходимость идентификации личности погибших лиц, разделенных членов семей, лиц, совершивших преступления, и других категорий лиц.

Среди всего потока лиц, которые покидают территорию своего государства зачастую без документов, могут находиться лица, которые причастны к террористическим актам и потенциально представляют угрозу в будущем. Пользуясь случаем, данные лица умышленно перемещаются на территорию другого государства с целью осуществления дальнейшей экстремистской деятельности. В данном аспекте огромное значение приобретает работа по выявлению террористов и экстремистов, лиц, скрывающихся от правосудия, особенно среди мигрантов и беженцев.

Французской контрразведкой среди беженцев из Афганистана выявляются боевики террористического движения «Талибан». Во Франции теракты 13 ноября 2015 г., жертвами которых стали 130 человек, были организованы террористами, попавшими во Францию вместе с потоком нелегальных мигрантов⁸.

По информации американского телеканала NBC, из более 30 тыс. вывезенных из Афганистана в США людей около 10 тыс. нуждаются в дополнительных проверках, а из них около 100 могут иметь связь с талибами или другими террористами⁹. Вышеуказанное обуславливает необходимость учета угроз попадания террористов на территории принимающих стран, а также необходимость их своевременной и эффективной идентификации.

Кроме того, технологии автоматизированной идентификации личности помимо правоохранительных задач широ-

ко внедряются во все сферы социальной жизни, что влечет за собой ускорение информационных процессов в системе государственного управления, получение различного спектра услуг в удаленном режиме, минимизацию коррупционных составляющих и многие другие позитивные изменения.

При этом все алгоритмы идентификации базируются на методе криминалистической идентификации, сущность которого заключается в отождествлении объекта по его прошлым проявлениям, а по отношению к указанным системам – по данным, ранее внесенным в систему¹⁰.

Постановление Президента Республики Узбекистан от 17 февраля 2021 г. № ПП-4996 «О мерах по созданию условий для ускоренного внедрения технологий искусственного интеллекта» предусматривает разработку Стратегии развития искусственного интеллекта, а также проекты по внедрению биометрических технологий, таких как система распознавания лиц (Face-ID) и голосовой верификации личности, Единая биометрическая система и многие другие инновационные проекты.

Кроме того, Постановлением правительства Центрального Банка Республики Узбекистан от 6 сентября 2021 г. № 20/5 «Об утверждении Положения о порядке цифровой идентификации клиентов» внедряется процедура проверки и подтверждения личности клиента в автоматическом порядке.

Достаточно широкий сегмент охвата биометрическими технологиями сфер жизнедеятельности общества создает определенные риски и угрозы при недостаточно ответственном отношении к сохранности указанных персональных данных.

В 2016 г. в Гане были похищены биометрические данные избирателей. В 2017 г. были украдены биометриче-

ские данные (отпечатки пальцев) филиппинских избирателей; похищены отпечатки пальцев покупателей американской компании Avanti Markets; кроме того, в Индии была зарегистрирована утечка из всеобщей биометрической системы Aadhaar, которая используется для аутентификации в банках и при получении государственных услуг. В 2018 г. в Зимбабве похитили отпечатки пальцев и фотографии избирателей. В 2019 г. в открытый доступ попала многомиллионная дактилоскопическая база южнокорейской компании Suprema¹¹.

4 и 8 октября 2021 г. наблюдался глобальный сбой Facebook и Instagram, а также мессенджера WhatsApp. При этом в конце сентября 2021 г. на платформе хакерского форума DarkNet представлены на продажу персональные данные более 1,5 миллиарда пользователей Facebook¹². После данного инцидента особую актуальность приобрел вопрос безопасности биометрических данных лиц, при этом мнения специалистов по данной проблеме существенно разделяются¹³.

На сегодняшний день биометрические параметры человека не только похищаются, но и синтезируются при помощи нейронных сетей и технологии машинного обучения. Одним из данных продуктов искусственного интеллекта являются дипфейки.

Дипфейки (DeepFake – «глубокая подделка») – это технология создания искусственным интеллектом цифрового двойника реальной личности. Данный цифровой двойник может иметь лицо и голос реального человека. Нейросеть изучает фотоизображения интересующего лица с различных ракурсов и создает видео. На сегодняшний день виртуальное пространство наполнено видео- и фотоизображениями, аудиоданными блогеров, артистов, политиков и других медийных людей, что, несомненно, позво-

ляет преступникам использовать их в своих криминальных целях.

И. Н. Подволоцкий отмечает, что цифровые технологии фиксации и хранения портретной информации требуют адаптации имеющихся приемов к оценке качественных и количественных характеристик изображений, представляемых на исследование. При сохранении признаков, присущих как фото-, так и видеоизображениям, есть много новых, свойственных только для цифровых документов (количественные и качественные параметры форматов записей, алгоритмы архивирования видеоинформации, средств визуализации, обработки, перекопирования, а возможно, и умышленного воздействия на первоначальное содержание данных)¹⁴. При проведении судебных экспертиз данных материалов необходим комплексный подход с использованием соответствующего программно-технического ресурса. Данная ситуация осложняется еще тем, что нейронные сети постоянно самообучаются, и, соответственно, фальсификацию цифровых видеоматериалов выявить становится все сложнее.

Первые дипфейки были использованы с целью создания порнографических видео. На данный момент в Интернете представлено большое количество разнообразных программ, позволяющих создать дипфейки. За две минуты обычный пользователь может создать компрометирующее видео по фотографии любого человека. 96 % от всех дипфейков составляют видеоролики порнографического характера, что, несомненно, является грубейшим нарушением прав того лица, изображение которого использовалось для создания указанного видео.

Наиболее технологически развитые государства мира уже сталкиваются с проблемой дипфейков, осознают возможности и потенциальные угрозы дан-

ных технологий, в связи с чем на государственном уровне проводятся специализированные в данном направлении исследования и принимаются соответствующие меры по противодействию дипфейкам.

В 2019 г. Facebook совместно с Microsoft, Массачусетским технологическим институтом, Калифорнийским университетом в Беркли и Оксфордским университетом объявил конкурс по созданию и технологиям выявления дипфейков (DeepFake Detection Challenge)¹⁵.

Кроме того, Агентство перспективных оборонных исследовательских проектов при Министерстве обороны США работает с несколькими крупнейшими исследовательскими учреждениями страны, чтобы выявлять дипфейки¹⁶.

При этом в 2021 г. МВД России заключило контракт с АО «Научно-промышленная компания «Высокие технологии и стратегические системы»» на разработку программного обеспечения для выявления видеофейков¹⁷. Кроме того, Самарский университет имени С. П. Королёва работает над сканером дипфейков, предназначенным для определения подлинности видеоматериалов.

В. Г. Иванов, Я. Р. Игнатовский определяют следующие угрозы дипфейков. Во-первых, существуют значительные угрозы злоупотреблений на индивидуальном уровне. Дипфейки можно использовать для «киберзапугивания», клеветы и шантажа отдельных лиц, в том числе журналистов и политиков. Во-вторых, возможностями данной технологии может воспользоваться организованная преступность. Данная технология представляет особый интерес для преступных организаций и виртуальных мошенников. Возможно, еще более серьезной проблемой, чем манипуляции с изображениями и видео, является способность технологии имитировать акцент, инто-

нацию и речевые паттерны с недоступной прежде точностью¹⁸.

Высокий уровень развития информационных технологий позволяет синтезировать голосовые сигналы посредством нейросетей и искусственного интеллекта. При помощи них любой заранее подготовленный напечатанный текст преобразуется в голосовой сигнал.

Имеются определенные программы, которые позволяют изменять голос с использованием компьютерно-технических средств. При помощи них по установленным параметрам можно корректировать некоторые характеристики голоса, частоту основного тона. В современных телефонах имеются мобильные приложения «Запись и изменение голоса», «Изменение голоса и маскировка», «Клонируй голоса знаменитостей» и т. д., которые позволяют изменять характеристики голоса.

Однако специалисты подчеркивают сложность проверки и оценки достоверности информации, запечатленной в устной речи на цифровой фонограмме при учете возможности редактирования и монтажа фонограммы без отображения видимых следов манипуляций¹⁹.

В последнее время участились случаи использования дипфейков в криминальных целях. К примеру, в Великобритании в марте 2019 г. после телефонного звонка руководителю крупной британской энергетической компании якобы от вышестоящего руководителя на счет мошенников было переведено 220 тысяч евро. Сгенерированный нейросетями голос имел даже присущий указанному лицу немецкий акцент и особенности интонации²⁰.

Для решения задач идентификации по голосу предлагаются комплексные интегральные научно-экспертные исследования, объединяющие достижения различных сфер научной деятельности (ма-

тематики, физики, кибернетики, юриспруденции, лингвистики). А. Ш. Каганов отмечает, что основными субъектами в разрешении проблемы криминалистического распознавания говорящего становятся такие эксперты-исследователи, которые прошли специализированную подготовку. Как правило, это инженеры-акустики и прикладные лингвисты, посвятившие себя вопросам обработки и исследования речевых сигналов, специалисты в области фоониатрии, психологии звучащей речи и др.²¹

В январе 2021 г. Народная прокуратура Шанхая обвинила двух жителей Китая, создававших на основе фотографий лиц дипфейки, при помощи которых они с 2018 г. обманывали налоговую службу и получили прибыль на сумму \$76,2 млн. Используя созданные дипфейки, мошенники проходили проверку систем распознавания²².

В начале сентября 2021 г. в социальных сетях появилось видео с участием человека, похожего на Олега Тинькова, который предлагает 50%-й бонус к любой сумме вложения. При переходе по ссылкам рядом с дипфейком пользователи должны были внести свои персональные данные. Авторы подделки смогли создать «морганье» у фейкового Тинькова²³. Необходимо отметить, что в 2020 г. отсутствие моргания считалось одним из признаков, позволяющих выявить deepfake.

Для противодействия данным технологиям в Калифорнии, Великобритании и Канаде запретили использовать различные голосовые, текстовые и визуальные фейки в предвыборной гонке²⁴. Применение технологии DeepFake сейчас запрещается крупнейшими сайтами, включая Reddit, Twitter и Facebook.

Администрацией киберпространства Китая был подготовлен закон, вступивший в силу с 1 января 2020 г., в котором

указано, что любая публикация заведомо ложной информации, в том числе дипфейков без специальной и различной пометки, является уголовным преступлением.

Дипфейки являются огромным политическим ресурсом, могут использоваться в маркетинге, индивидуальном обучении, однако при этом несут существенную потенциальную угрозу, затрагивающую личные права граждан, представляют возможность манипулирования общественным мнением, создания острой конфликтной ситуации, связанной с интересами национальных или иных меньшинств, дискредитации доказательственной базы и доверия к судебной-правовой системе.

Решения по отношению к дипфейкам могут быть разнообразными в виде категорического запрета, отдельного правового регулирования механизма их использования, специальной пометки дипфейков на видео и т. д.

Считаем, что использование технологии дипфейк обязательно должно регулироваться законодательством. М. А. Желудков утверждает, что необходимо создание особой системы цифровых и правовых форм защиты от технологии дипфейк²⁵.

С. В. Баженовым, В. Е. Дивольдом, А. А. Морозовым, Д. В. Поповым, Д. М. Сафроновым, А. В. Серовым был подготовлен проект Концепции национальной системы биометрической идентификации личности. Авторы проекта считают необходимым регламентировать оборот биометрической информации и обеспечить безопасность биометрических персональных данных. В документе определены принципы Национальной системы биометрической идентификации личности, вопросы информационной безопасности и защиты персональных данных²⁶.

Несомненно, с внедрением в Республике Узбекистан Единой биометрической системы закономерно возникает необходимость в соответствующей правовой базе, которая позволит регламентировать данную сферу общественных отношений и гарантировать сохранность биометрических персональных данных. Считаем целесообразным разработку и принятие общеконцептуального документа в виде Стратегии развития национальной биометрической системы, а также закона «О государственной биометрической регистрации». На данный момент дактилоскопическая регистрация при получении дактилоскопической информации и изображения лица при получении биометрических документов и в других случаях регламентируется на уровне подзаконных актов. Законом «О государственной геномной регистрации» от 2020 г. регламентируется только геномная регистрация.

Полагаем, что расширение сферы применения биометрии, а также возможности утери цифровой идентичности и использования биометрических данных в преступных целях обуславливает необходимость расширения правового поля данной сферы отношений.

При исследовании дипфейков специалисты выявляют ряд признаков, которые называются «цифровыми артефактами», такие как:

- отсутствие моргания у лица; неестественная частота моргания;
- несоответствующая и несинхронизированная мимика;
- неестественная подвижность головы, жестикуляции;
- необычный оттенок глаз, разный цвет глаз;
- различное отображение бликов в глазах;
- нечеткое отображение зубов в виде белого пятна и т. д.

Киберпреступники активно развивают и совершенствуют технологии дипфейк, преодолевают технологии их выявления. Если дипфейки первого поколения выявляются с вероятностью 100 %, то в случае второго поколения данные показатели составляют от 15 до 30 %. Специалисты признают, что на данный момент обнаружение DeepFake чрезвычайно сложно и все еще остается нерешенной проблемой. Только мерами комплексного характера можно противостоять данной технологии.

Н. Н. Клак отмечает, что, имея значительные успехи в решении проблемы идентификации личности, все же большее количество вопросов остается нерешенными. Практически все существующие методы идентификации в большинстве случаев невозможно использовать в качестве самостоятельного способа идентификации, только их комплексное использование позволяет добиться конечной цели исследования²⁷.

Ущерб от данной категории преступлений более существенный по сравнению с традиционными видами преступлений. Последствия от них могут быть

экономическими, политическими, репутационными, моральными и т. д.

Технология дипфейк в аспекте криминалистической идентификации личности ставит под сомнение допустимость и достоверность аудио- и видеоматериалов доказательной базы (записи видеокamer, диктофонных записей, файлов видеорегистраторов и т. п.).

Диджитализация общества и государства служит прогрессу, улучшает жизнь населения, обеспечивает получение услуг в удаленном режиме, но при этом преступность также уходит в «цифру». Создаются высокотехнологичные способы совершения преступлений, и традиционные методы борьбы с ними не всегда эффективны. Методика проведения криминалистической идентификации личности в условиях всеобщей цифровизации предъявляет новые требования, основанные на внедрении новых программно-технических средств и методов, инновационных решений с использованием искусственного интеллекта. Кроме того, требуется совершенствование нормативно-правовой базы для регулирования данной сферы общественных отношений.

¹ См.: *Потапов С. М.* Введение в криминалистику. М. : РИО ВЮА КА, 1946. 24 с.

² См.: *Криминалистика : учебник / под ред. Н. П. Яблокова.* М., 2010. С. 104.

³ См.: *Белкин Р. С., Винберг А. И.* Криминалистика и доказывание. Методологические проблемы. М. : Юрлит, 1969. 216 с.

⁴ См.: *Терзиев Н. В.* Идентификация и установление родовой (групповой) принадлежности. М., 1961. С. 14.

⁵ См.: *Колдин В. Я.* Идентификация и ее роль в установлении истины по уголовным делам. М. : Изд-во Мос. ун-та, 1969. 149 с.

⁶ См.: *Сулейманов Р. Ш.* Криминалистическая идентификация в процессуальных действиях по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук. М. : Академия Управления МВД России, 2009. 24 с.

⁷ См.: *Степаненко Д. А.* Проблемы теории и практики криминалистической идентификации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск : Байкальский гос. ун-т экономики и права, 2006. 54 с.

⁸ См.: Атака террористов на Париж. URL: <https://www.interfax.ru/story/190> (дата обращения: 14.10.2021).

⁹ См.: США заподозрили 100 эвакуированных афганцев в связях с террористами. URL: <https://kun.uz/ru/33668499> (дата обращения: 14.10.2021).

¹⁰ См.: *Бирюков В. В., Бирюкова Т. П.* Криминалистическая идентификация как специальный метод криминалистики и ее роль в расследовании преступлений // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16, № 2. С. 209–215.

¹¹ См.: Как защитить биометрические данные пользователей от криминального использования. URL: <https://sk.ru/news/kak-zaschitit-biometricheskie-dannye-polzovateley-ot-kriminalnogo-ispolzovaniya/> (дата обращения: 08.10.2021).

¹² См.: *Miklos Zoltan.* Web Scrapers Claim to Possess and Sell Personal Data on 1.5 Billion Facebook Users on a Hacker Forum. URL : <https://www.privacyaffairs.com/facebook-data-sold-on-hacker-forum/> (дата обращения: 08.10.2021).

¹³ См.: Россиянам рассказали про технологии защиты биометрии. URL: <https://lenta.ru/news/2021/10/07/biometr/> (дата обращения: 08.10.2021); Россиянам посоветовали не пользоваться биометрическими данными. URL: <https://lenta.ru/news/2021/10/06/biometr/> (дата обращения: 08.10.2021).

¹⁴ См.: *Подволоцкий И. Н.* Портретные видеоизображения как объекты комплексного исследования // Вопросы экспертной практики. 2019. № 51. С. 535–540.

¹⁵ См.: *Brian Dolhanski, Joanna Bitton, Ben Pflaum, Jikuo Lu, Russ Howes, Menglin Wong, Cristian Canton Ferrer.* The DeepFake Detection Challenge (DFDC) Dataset. URL: <https://arxiv.org/abs/2006.07397> (дата обращения: 08.10.2021).

¹⁶ См.: *Илющенко Н.* Не верь глазам своим. URL: <https://mvdmedia.ru/publications/shield-and-sword/aktualno/ne-ver-glazam-svoim/> (дата обращения: 08.10.2021).

¹⁷ См.: МВД заказало научную разработку по выявлению дипфейков. URL: <https://www.computerworld.ru/news/MVD-zakazalo-nauchnyu-razrabotku-po-vyyavleniyu-dipfeikov/> (дата обращения: 08.10.2021).

¹⁸ См.: *Иванов В. Г., Игнатовский Я. Р.* Deepfakes : перспективы применения в политике и угрозы для личности и национальной безопасности // Вестник РУДН. Сер.: Государственное и социальное управление. 2020. Т. 7, № 3. С. 379–386.

¹⁹ См.: *Гальяшина Е. И.* Судебное речеведение : учебник. М., 2020. С. 214.

²⁰ См.: Мошенничество с deepfake : темная сторона искусственного интеллекта. URL: <https://www.securitylab.ru/blog/company/PandaSecurityRus/347085.php> (дата обращения: 08.10.2021).

²¹ См.: *Каганов А. Ш.* Криминалистическая идентификация личности по голосу и звучащей речи как интегральное научно-экспертное исследование // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, вып. 6. С. 246–250.

²² См.: *Липанова Л.* Мошенники в Китае с помощью дипфейков обманули госсистему распознавания лиц на \$76,2 млн. URL: <https://vc.ru/legal/228953-moshenniki-v-kitae-s-pomoshchyu-dipfeikov-obmanuli-gossistemu-raspoznavaniya-lic-na-76-2-mln> (дата обращения: 08.10.2021).

²³ См.: Мошенники создали дипфейк Тинькова с обещанием бонусов. URL: <https://secretmag.ru/news/moshenniki-sozdali-dipfeik-tinkova-s-obeshaniem-bonusov-06-09-2021.htm> (дата обращения: 08.10.2021).

²⁴ См.: *Желудков М. А., Бетина А. Ю.* Противодействие дипфейкам при расследовании корыстных преступлений // Следственная деятельность : наука, образование, практика : тезисы докладов Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 24 июня 2021 г.) / редкол.: С. Я. Аземша (председатель) и др. Минск : Строй МедиаПроект, 2021. С. 245–248.

²⁵ См.: *Желудков М. А.* Изучение влияния новых цифровых технологий на детерминацию мошеннических действий (технология DeepFake) // Развитие наук антикриминального цикла в свете глобальных современных вызовов обществу : сб. тру-

дов по материалам Всерос. заоч. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Саратов, 16 октября 2020 г.) / под общ. ред. А. Г. Блинова, Е. В. Кобзевой. Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2021. С. 262–270.

²⁶ Баженов С. В. и др. Создание Концепции национальной системы биометрической идентификации личности // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2 (54). С. 41–53.

²⁷ См.: Клак Н. Н. Проблема идентификации человека // Вестник новых медицинских технологий. 2012. Т. XIX, № 2. С. 389.

Академия МВД Республики Узбекистан

Югай Л. Ю., доктор философии по
юридическим наукам, докторант факультета
послевузовского образования

E-mail: yugai.lyudmila@mail.ru

Тел.: +998-998-00-47-63

*The Academy of the Ministry of Internal Affairs of
the Republic of Uzbekistan*

Yugay L. Yu., Doctor of Philosophy (PhD) Law,
Doctoral Student of the Faculty of Postgraduate
Education

E-mail: yugai.lyudmila@mail.ru

Tel.: +998-998-00-47-63

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. К публикации принимаются материалы, которые соответствуют предъявляемым требованиям, в том числе тематической направленности журнала. Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Вопрос о публикации решает редакционная коллегия журнала.

2. Для публикации статьи необходимо представить в редакцию журнала следующие материалы и документы:

2.1. Подписанный автором текст статьи, в который входят:

- индекс УДК;
- название статьи на русском и английском языках;
- инициалы и фамилия автора (соавторов) на русском языке;
- наименование образовательной, научной или иной организации, в которой автор (соавторы) работает или занимает соответствующую должность;
- аннотация и ключевые слова на русском и английском языках;
- дата направления материала в редакцию журнала;
- текст статьи;
- затекстовые библиографические ссылки;
- сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, занимаемой должности, номера телефона (служебного, домашнего или мобильного), адреса электронной почты.

2.2. Электронную версию предоставляемого материала (на USB-флеш-накопителе или оптическом диске).

2.3. Выписку из протокола заседания кафедры (сектора, подразделения); для аспирантов и соискателей – также отзыв научного руководителя о рекомендации пришедшего материала к опубликованию в журнале.

3. Статьи, направляемые в редакцию, подлежат рецензированию, в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

4. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

1. Текст статьи должен быть набран в формате Microsoft Word, шрифт – Times New Roman, размер – 14, через 1,5 интервала; распечатан на белой бумаге с одной стороны листа.

2. Все поля на листе – 2 см.

3. Библиографические ссылки оформляются шрифтом 12 кегля и располагаются в конце статьи. Нумерация ссылок сквозная. Правила оформления ссылок – в соответствии с ГОСТом 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Во избежание ошибок редакционная коллегия рекомендует авторам

самостоятельно не сокращать сноски, всякий раз приводя полные сведения о цитируемом источнике.

4. Объем статьи не должен превышать 16–18 страниц.

5. Названия учреждений, органов государственной власти, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения должны быть расшифрованы при первом упоминании в тексте.

6. Все страницы рукописи следует пронумеровать.

7. Все таблицы и рисунки должны иметь отсылочные упоминания в тексте.

7.1. Таблицы и рисунки должны иметь сплошную порядковую нумерацию (если таблица или рисунок представлены в единственном числе, порядковый номер им не присваивается, и они обозначаются соответственно «Таблица», «Рисунок»). Каждый столбец (колонка) должен иметь короткий заголовок (в нем могут быть использованы сокращения, аббревиатуры). Разъяснения терминов, аббревиатур помещаются в примечании, располагаемом непосредственно после таблицы. Для сноски применяется символ «*». Если используются данные из другого опубликованного или неопубликованного источника, должно быть полностью приведено его название.

7.2. Иллюстрации – схемы, диаграммы, фотографии и др. – должны быть только черно-белыми, иметь порядковую нумерацию. Каждая иллюстрация должна иметь отсылочное упоминание в тексте статьи, размещаться в общем файле непосредственно после упоминания. Электронная версия каждой иллюстрации должна быть представлена в виде отдельного файла в формате tif или jpg с разрешением не менее 300 dpi.

РЕШЕНИЕ О ПУБЛИКАЦИИ И ОТКАЗ В ПУБЛИКАЦИИ

1. Автор, направляя в журнал текст статьи, обязуется до принятия решения о публикации не представлять идентичный материал другим печатным изданиям.

2. В случае если для принятия решения о публикации необходимы познания в узкой области юриспруденции, редакционная коллегия направляет статью для заключения специалистов или экспертам.

3. В отдельных случаях возможна доработка (улучшение качества) статьи автором по рекомендации редакционной коллегии. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи автору (соавторам) необходимо приложить письмо, содержащее ответы на сделанные редакцией замечания и пояснение всех произведенных в статье изменений.

4. Отказ в публикации возможен в случаях:

- несоответствия статьи профилю и специфике журнала;
- грубых нарушений, допущенных при цитировании, в том числе при ссылке на нормы права;
- несоответствия статьи критериям научного уровня и практической полезности;
- отрицательного заключения редакционной коллегии;
- опубликования статьи в иных изданиях или представления статьи для опубликования идентичных материалов в другие издания.

5. Рукописи, представленные для публикации, не возвращаются.

THE REQUIREMENTS TO THE MATERIALS DIRECTED TO AN EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL FOR PUBLICATION

GENERAL PROVISIONS

1. Accepted for publication materials which meet the requirements, including the thematic focus of the journal. The published materials as well as materials submitted for publication in other journals will not be accepted. The publication addresses Editorial board.

2. To publish an article must be submitted to the journal the following materials and documents:

2.1. Signed by the author of the article text, which includes:

- UDC;
- title of the article in Russian and English languages;
- initials and surname of the author (coauthors) in Russian;
- name of educational, scientific or other organization, in which the author (coauthors) operates or holds an appropriate position;
- abstract and key words in Russian and English languages;
- the date of the direction of the material to the editors;
- text of the article;
- endnotes bibliographical references;
- information about the author (coauthors) in Russian and English languages with full indication of the surname, name, patronymic, scientific degree, academic status, main place of work, position, telephone number (office, home or mobile), e-mail addresses.

2.2. The electronic version of the material provided (on the USB-flash-drive or optical drive) or e-mail: tanya@law.vsu.ru.

2.3. Extract from the minutes of the meeting of the department (sector unit); for post-graduate students – is also a review of the supervisor of the recommendations sent by the material for publication in the journal.

3. Articles sent to the editor are subject to peer review in the case of a positive review – scientific and controlling editing.

4. The publication of articles is free of charge.

REQUIREMENTS TO ARRANGEMENT OF THE MATERIALS DIRECTED TO AN EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL FOR PUBLICATION

1. The text is printed in a text editor of WinWord, font – Times New Roman, size – 14, interval – 1.5; printed on white paper with one side of the sheet.

2. All of the fields in the sheet – 2 cm.

3. References made out font 12 point size, and are located at the end of the article. Reference numbering sequentially. Rules for reference – in accordance with the state standard specification 7.0.5–2008 «The bibliographic references. General requirements and rules of drawing up». In order to avoid mistakes the editorial board recommends not to reduce references independently, each time pointing out full data on the citing source.

4. The text should not exceed 16–18 pages.

5. Names of institutions, public authorities, international organizations are not reduced. All abbreviations and acronyms should be defined when first mentioned in the text.

6. All manuscripts should be numbered page.

7. All tables and figures should have referential mention in the text.

7.1. Tables and figures should have a continuous serial numbering (if the table or figure presented in the singular, it is not assigned a serial number, and they are denoted by «Table», «Picture»). Each column should have a short heading (it can be used abbreviations and reductions). Explanations of terms, acronyms are placed in a footnote, which is located directly below the table. The symbol «*» is applied for references. If you use data from another published or unpublished source, should be fully incorporated its name.

7.2. Illustration – charts, graphs, pictures, etc. – should only be black and white, have serial numbering. Each illustration should have referential references in the text of the article, placed in the general file immediately after the mentions. The electronic version of each illustration should be submitted as a separate file in format tif or jpg with a resolution of at least 300 dpi.

DECISION ON PUBLICATIONS AND REFUSAL OF PUBLICATION

1. Sending the article to the journal, the author is obliged not to represent identical material to other publishers before decision on the publication is made.

2. The editorial board sends articles for the conclusion to specialists or experts in case if knowledge of narrow area of jurisprudence is necessary to make decision on the publication.

3. In some cases, possible improvements (quality improvement) of the author, on the recommendation of the editorial board. Article directed to the author for revision must be returned in the amended form, together with its original version as soon as possible. By the revised manuscript to the author (co-authors), you must attach a letter containing answers to the comments made by the editorial staff and an explanation of the changes made in the article.

4. Denial of publication is possible in the following cases:

- inconsistencies article profile and specifics of the magazine;
- the rough violations in citing including references to statute rules;
- inconsistencies article criteria of the scientific level and practical utility;
- an unfavorable opinion of the editorial board;
- publication of the article in other publications or article submission for publication of identical materials in other publications.

5. The manuscripts submitted for publication will not be returned.